

*Комитет по культуре администрации Иркутской области
Областной центр народного творчества и досуга*

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ПРИАНГАРЬЯ

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 1, 2

ИРКУТСК
2001 г.

Редактор-составитель Л.Ф. Чернышева

Научный редактор Г.В. Медведева

Компьютерная верстка Г.Е. Лустенберг

Оформление обложки А.А. Паргачева

Ответственная за выпуск Л.Г. Ваховская

ОБЛАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОТДЕЛОВ КУЛЬТУРЫ

14-16 марта этого года в Иркутске состоялся семинар-совещание руководителей органов управления культуры администраций городов и районов области. Приоритетные направления культурной политики в Иркутской области на текущий год были обозначены в сообщении председателя Комитета по культуре администрации Иркутской области В. И. Кутищевой. Об итогах и перспективах программы «Сохранение и возрождение традиционной народной культуры Иркутской области» - рассказала кандидат филологических наук, заместитель директора Областного центра народного творчества и досуга Г.В. Медведева.

В семинаре-совещании активное участие принял ОЦНТиД, отметивший недавно свое 60-летие. В фойе КДЦ им. Л. Гайдая, где проходил семинар, состоялась выставка декоративно-прикладного искусства (из фондов Центра) и его печатной продукции.

Публикуем фрагменты сообщения В.И. Кутищевой, сделанного на семинаре-совещании, и отдельные выступления его участников.

***В.И. Кутищева,
Председатель Комитета по культуре
администрации Иркутской области***

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ -НАША РЕАЛЬНОСТЬ

Духовное – это то, что остается навечно, остается после того, как уходит все материальное. Оценивая состояние культуры на современном этапе, т.е. на рубеже веков, такая организация, как ЮНЕСКО, в своем высоком докладе сделала важное заключение о том, что именно культура является фактором развития общества. Это впервые так громко и так официально сказано о культуре в мировом масштабе.

Но, к сожалению, надо признать, что такого радужного отношения к культуре нет у нас, в России. Недавно я вернулась с совещания председателей комитетов по культуре в Москве. Мы слушали выступление нашего Министра М.Швыдкого. Выступление интересное, актуальное. Однако, и в нем мы не

получили окончательных ответов на наши наболевшие вопросы о поддержке региональной культуры. Уверенности в том, что наше правительство наконец-то пришло к полному пониманию, что без культуры, без духовного общества, без нравственных начал просто богатое общество не нужно, - этой уверенности у нас, руководителей региональных комитетов, не прибавилось.

Но тем не менее положение не совсем безнадежное. Вопросы, которые все-таки удалось решить на уровне и правительства, и Министерства культуры, и на уровне администрации нашей области, позволяют нам надеяться на то, что возрождение культуры, ее развитие становятся реальностью. И этого нельзя не признавать. Анализируя итоги нашей работы, мы, прежде всего, сегодня должны говорить именно о р а з в и т и и культуры, о задачах и проблемах, что стоят перед учреждениями и специалистами культурной сферы.

/В.И. Кутищева сначала подробно остановилась на проблемах профессионального искусства. Затем, говоря о задачах клубных учреждений, она, прежде всего, начала разговор с вопроса о кадрах/

Кадровая проблема всегда оставалась одной из самых актуальных. Мы до сих пор в Иркутске не можем решить вопрос с организацией высшего учебного заведения культуры. К его решению мы идем уже много лет, готовимся, но пока, к сожалению, эта проблема осуществляется лишь на уровне среднего образования. Однако, анализ, который мы сделали после нескольких выпусков в наших училищах, показал: мы и в средних учебных заведениях делаем некачественные выпуски, готовим, можно сказать, «полуфабрикаты», а не профессиональных специалистов. Потом эти выпускники приезжают на места, и умеют они, к примеру, только рисовать, но не умеют учить рисованию. И мы пришли к выводу, что нужно уменьшить набор, но улучшить качество подготовки специалистов. С этой целью была проведена реорганизация в училище культуры и в других наших средних учебных заведениях. Надо сказать, провели мы значительное сокращение набора при большом нежелании и сопротивлении руководства училищ. Правильно это или неправильно, покажет время. Но теперь задача стоит такая: добиться, чтобы наборы в училища полностью соответствовали вашему желанию. Конечно, желание это должно основываться на глубоком знании ваших потребностей в специалистах. То есть на первый курс должны поступить те будущие кадры, которые потом обязательно поедут на места. Очень четко отныне будут приниматься от вас заявки. Мы внимательно прислушиваемся к вашим предложениям, например, сделать в музыкальном училище как бы два конкурса: конкурс среди тех, кто заканчивает музыкальные школы, и тех, кто приедет только по вашим направлениям. По новой программе, которая определена по инициативе губернатора, мы уже сегодня готовим специалистов для села при помощи именных стипендий – губернаторских. Мы заключаем со студентом договор, начиная с первого курса, выплачиваем ему государственную стипендию плюс стипендию, установленную у нас, в области.

Но, к сожалению, в последний набор мы не смогли полностью использовать ту сумму, которая на это была определена. Чья здесь вина? Будем самокритичными, есть здесь и наша с вами недоработка, но есть недоработка и учебных заве-

дений. Наверно, мы неправильно сделали, что начали заключать договора на первом курсе. Ведь, естественно, к четвертому курсу у человека могут произойти большие изменения в личной жизни, в его планах на будущее. И потому мы решили, что такие соглашения могут быть заключены на 3-4-м курсах. Эту работу следует активизировать, и те средства, которые бывают отпущены на подготовку кадров для села, должны быть полностью использованы. С другой стороны, я думаю, учебным заведениям следует более четко и результативно работать над улучшением условий, которые они создают для своих студентов.

Большое значение в подготовке будущих кадров мы придаем программе «Юные дарования». Эта программа российская, мы в ее реализации имеем поддержку Министерства культуры. В этом году и в областной программе развития культуры мы специально выделили раздел на поддержку юных дарований во всех районах нашей области и на него распределили средства. Я лично встречалась со всеми директорами музыкальных учебных заведений, выслушала все их замечания и предложения. Думаю, что самые острые, злободневные вопросы на сегодня сняты, но многое еще не решено. Например, вопросы лицензирования. Получение лицензий, узаконивающих статус наших музыкальных, художественных учебных заведений, стало притчей во языцех для многих регионов России, не только для Иркутской области. Здесь, я думаю, сказывается несколько искаженный взгляд со стороны народного образования на наши музыкальные школы. Народное образование готово «поглотить» нашу систему художественного образования, установить якобы справедливость в оплате труда педагогов. Тревогу вызывает и настроение некоторых мэров. Их понять можно, жизнь заставляет их во всем экономить средства, вот они и начинают сравнивать процесс обучения и условия, в которых работают педагоги в средней школе и в музыкальной. Вопросы тут, конечно, есть. Скажем, учитель, у которого в классе 30 человек, получает столько же, сколько получает наш педагог, даже если он обучает одного ученика. Такие же вопросы порой задают и руководители районов, т.е. опасность некоторого непонимания есть. А между тем, я уже как-то говорила: нашу систему обучения принимают даже в США, это уникальная система. И если нам ее разрушить с помощью такого непонимания, ничего хорошего из того не получится. Специалистов: музыкантов, дирижеров – надо учить, беречь, создавать им условия для работы. А пока дирижер в тех же Штатах получает такие деньги, какие нашему дирижеру не снились.

Еще не менее важную задачу мы ставим сегодня: изыскать все возможности, чтобы закупить необходимое оборудование, музыкальные инструменты для музыкальных школ. К сожалению, пока это нам не удалось в том объеме, в каком бы хотелось. Проблема эта (отсутствие инструментов) стоит и в народном образовании, и в наших школах. Мы запланировали на эти цели 5 миллионов рублей. Денег таких нет. И все-таки из тех средств, которые в экстренном порядке будут отпускаться сейчас, мы сможем на 50 тысяч рублей закупить музыкальные инструменты для Катанги. А в следующем году, по заверению губернатора, мы сможем полностью защитить нашу программу. А пока будем стремиться улучшать качество самого учебного процесса, заботиться о каждом талантлив-

вом ребенке, проводить смотры, конкурсы, сохраним эту замечательную нашу традицию.

Еще раз хочу напомнить: все мероприятия по программе «Юные дарования» будут проходить за счет областного финансирования. Поэтому поощрения участникам конкурсов не должны выражаться дорогостоящими путевками за рубеж, к морю, а выглядеть более скромно, в пределах нашей области, в пределах наших возможностей. В этом году мы вновь проведем встречу губернатора с юными дарованиями. Всем такая форма поощрения очень понравилась, значит, будем ее продолжать.

Очень важный и очень болезненный вопрос о социальной защищенности наших работников (вопросы, связанные с уровнем зарплаты, с жильем и вообще с положением наших специалистов в системе социальных условий). Сразу скажу, что пока мы здесь имеем весьма плачевный результат. Средняя зарплата нашего специалиста, работника учреждения культуры ниже прожиточного минимума по Иркутской области. Это факт и это пока никак не решается. По российским меркам работники культуры сейчас оказались не на предпоследнем месте, а на последнем. Я думаю, что если в ближайшее время правительством не будет принято никаких мер, то, наверное, это можно рассматривать как серьезный выпад против всей нашей духовности.

Какие меры будут предприняты нами? Мы сегодня еще раз пересмотрели все, что касается надбавок к зарплате. Будем ставить этот вопрос и на уровне губернатора, думаю, он будет рассматриваться и мэрами городов и районов области. Что еще можно предпринимать? Переход на контракты. Мы это делаем сейчас по областным учреждениям культуры и доказываем нашему финансовому управлению, что уникальные специалисты, люди которые должны работать в театрах, библиотеках, Дворцах культуры, - они должны быть переведены на контракт. На этой системе, по-моему, будет настаивать и Министерство культуры. ЕТС (единая тарификационная сетка), которая пока существует, сегодня уже не может устроить никого. Разные отрасли бюджетной сферы рассматривают по-разному ЕТС, но сделать ее более гибкой не удастся никому. Поэтому в постановлении, которое сейчас уже есть в правительстве, сказано, что вопросы об упорядочении заработной платы будут решены с помощью контрактов. Главное – удержать нужных, профессиональных деятелей, хороших специалистов. Конечно, в этом году проблема еще будет существовать, но мы идем к ее разрешению. Мы должны заручиться и вашей поддержкой, и вашими предложениями, чтобы с обновленным проектом выйти на губернатора, на депутатов и найти у них понимание.

Очень серьезный вопрос по-прежнему остается с жильем. Мы, правда, в этом году впервые получили возможность улучшить жилищные условия нашим работникам с помощью субсидий. Мы будем продолжать эту практику. Но вопросов еще остается очень много. И здесь мы ждем от вас предложения для обсуждения.

Итак, какие задачи мы ставим перед учреждениями культуры на ближайшую перспективу?

- Дальнейшее укрепление материальной базы наших учреждений;
- Поддержка юных дарований и выполнение целевой программы;
- Поддержка библиотек, платных очагов учреждений культуры в регионах; поддерживать будем не только государственные учреждения, но и общественные объединения, образования, творческие союзы;
- Поддерживать (и это одна из главных задач) приоритеты народного творчества. На это нам выделено правительством около 5 миллионов рублей, разработана обширная программа развития традиционной народной культуры Иркутской области по многим направлениям.

За последнее время нами отработана хорошая форма взаимоотношений Комитета с регионами – заключение соглашений. Но сразу хочу сказать, чтобы не обижались на нас те, кто к разработке этих соглашений подходит формально. К содержанию наших соглашений, к формулировкам, к глубине их и к каждой обозначенной цифре мы будем подходить более тщательно и серьезно. Средства, отпущенные на реализацию программы, можно использовать быстро, поэтому следует предусмотреть, как с наибольшей пользой истратить каждую копейку.

Еще раз хочу сказать: задачи наши вполне реальны, опыта у нас достаточно, желаю всем творческих успехов.

*Г.В. Медведева,
кандидат филологических наук,
зам. директора ОЦНТД по научно-
исследовательской работе.*

О ПРОГРАММЕ «СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ».

(Из выступления на семинаре-совещании)

Сейчас наступает «золотой век» возрождения национальных культур, национальных традиций. Практически по всей стране, где сохранилось еще народное творчество, начинает разворачиваться собирательская работа, издаются книги, сборники региональных традиций, издаются областные Своды фольклора. Появляются Дома фольклора, народных ремесел, координирующие эту работу. Во всем этом - проявление обнадеживающей новизны государственной культурной политики.

Областной Центр народного творчества и досуга семь лет назад разработал долгосрочную, состоящую из нескольких этапов, региональную Программу «Сохранение и возрождение традиционной народной культуры Иркутской об-

ласти». Эта программа нацелена на соби́рание и изучение богатой сибирской народной культуры полиэтнического Прибайкалья, мифологии, фольклора, обрядового комплекса, верований, промыслов славянских групп населения (русского, украинского, белорусского) области, а также местных народов (бурят, эвенков, тофов), проживающих на ее территории

В своей работе над Программой мы во многом опирались на опыт предшествующий, в частности, на опыт работы ВСОРГО - Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества - учреждения, что возникло и существовало под высочайшим покровительством. Оно быстро стало авторитетной научной организацией во многом благодаря тому, что, во-первых, стянуло к себе лучших представителей местной интеллигенции, во-вторых, потому, что интересы этого общества были направлены на выявление *своеобразия* в области русского фольклора, фольклора местных народов Сибири, этнографии, а также истории, антропологии, археологии, статистики и т.д. Общество, как известно, издавало труды, записки, сборники, известия, отчеты, которые до сих пор не потеряли своей актуальности. Это Общество, ориентированное на *региональность*, оказалось самым *продуктивным* в сфере изучения и собирательской деятельности.

Цель вышеназванной Программы - изучение и сохранение традиционной народной культуры населения Иркутской области во всем многообразии ее видов и жанров. Среди основных ее задач первого этапа 2001-2005 гг. определились следующие:

I. Выявление разнообразных видов и жанров традиционной культуры народов и этнических групп, проживающих на территории Иркутской области (фольклор, обряды, обычаи, ремесла и промыслы и т.д.);

II. Проведение фольклорно-этнографических экспедиций (2001-2005 гг.), реализующих Программу «Сохранение, изучение и возрождение традиционной народной культуры Иркутской области» в следующих зонах:

1. зона компактного проживания русского старожильческого населения:

а) Приленье (Качугский, Жигаловский, Киренский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский р-ны),

б) Приангарье (Усть-Илимский, Нижнеилимский, Братский Усть-Удинский, Балаганский р-ны),

в) Присяянье (Тайшетский, Нижнеудинский, Куйтунский, Зиминский р-ны),

г) Нижняя Тунгуска (Катангский р-н),

2. зона бурят: Прибайкалье (Ольхонский р-н),

3. зона проживания тофаларов: Тофалария (Нижнеудинский р-н),

4. зона эвенков: Нижняя Тунгуска (Катангский р-н).

Планом Центра учтена необходимость *многократных экспедиций* в тот или иной район: первые *две* поездки должны носить характер *поисковый*. После первого этапа ознакомления с краем планируются более *продолжительные* по-

ездки (по числу это могут быть, если необходимо, от шести до десяти), предполагающие как можно длительное (по возможности исчерпывающее) основательное общение с теми жителями (носителями народных знаний) края, которые представляют наибольший интерес.

- Чрезвычайно важным является: *собрание* фольклора. Оно должно осуществляться на основе специально разработанной *Программы* группой *специалистов - фольклористов или подготовленных для этого дела людей*, которым в дальнейшем должно быть под силу следующий после собирания этап работы: *расшифровка текстов, их паспортизация, описание, систематизация и классификация по жанрам, носителям и т.д.*;
- выявление в названных зонах носителей традиционной народной культуры;
- создание регионального архива по традиционной культуре обследуемых районов Иркутской области;
- создание компьютерного банка данных по фольклору, фото-, видео- и аудиофондов и т.д. районов области; это позволит решить одновременно и проблему *хранения* архива, и проблему *систематизации* материалов;
- создание единой информационно-культурной базы по традиционной культуре области с последующим включением ее в информационное пространство Российской Федерации;
- создание учреждений, специализирующихся на популяризации традиционной народной культуры и формировании у молодежи нравственно-этических норм;
- поддержка школы мастеров (г. Ангарск), школы народных ремесел (г. Зима), чувашского «Цента досуга детей и молодежи» (Зиминский р-н), украинского крестьянского подворья (Зиминский р-н), Центра русской культуры (Зиминский р-н), школы мастерства «Моя тайга» (Катангский р-н), клуба «Русская горница» (Киренский р-н), мастерской по декоративно-прикладному творчеству (Ольхонский р-н), русской горницы (г. Тулун), отделения народных промыслов и ремесел (г. Тулун), Центра ремесел (с. Гуран Тулунский р-н), Центра русской традиционной культуры (Усть-Илимский р-н), Дома ремесел (пос. Мишелевка Усольский р-н), мастерской по пошиву народных костюмов (пос. Бельск, Черемховский р-н), столярных мастерских (Чунский р-н) и т. д.;
- формирование фондов и открытие музея традиционной народной культуры области (г. Иркутск);
- введение в научный оборот и практическую деятельность творческих коллективов и мастеров новых материалов по культурному наследию области;

- подготовка и повышение квалификации специалистов, работающих в сфере культуры и образования;
- повышение уровня работы учреждений с различными группами населения, а также с детьми и подростками;
- широкая пропаганда культурного наследия области;
- создание серии «Традиционная народная культура Прибайкалья», основанной, главным образом, на материалах фольклорно-этнографических экспедиций, реализующих Программу «Сохранение, изучение и возрождение традиционной народной культуры Иркутской области».

Конечной целью Программы является воспитание патриотизма у населения, уважение к традициям и памяти предков, отвлечение детей, подростков от негативного влияния меняющейся среды обитания, формирование у них представлений о здоровых основах жизни с ее нравственно-этической ориентацией, основанной на истинных ценностных представлениях о мире.

Начало работы, направленной на реализацию Программы, благодаря поддержке губернатора Иркутской области Ю.А. Говорина, уже положено. Состоялись семь экспедиций в Тулунский район, в Ольхонский и др., материалы которых находятся в стадии обработки. Нами издано несколько сборников из серии «Фольклор Иркутской области», за которую Областной Центр удостоен Диплома Министерства культуры Российской Федерации.

Центр организовал и провел несколько научно-практических конференций, посвященных актуальным проблемам традиционной народной культуры Сибири. За подготовку и издание материалов одной из них - «Виноградовские чтения» Центр также отмечен отдельным Дипломом Российского Государственного Дома народного творчества. Важной вехой в плане выполнения программы «Сохранение и изучение традиционной культуры» является создание WEB-сайта в Интернете - «Традиционная культура Приангарья». Основу сайта составляют материалы фольклорно-этнографических экспедиций. За открытие этого сайта, кстати, Центр также получил Диплом Министерства культуры Российской Федерации.

Сегодня одной из приоритетных должна стать задача создания Сводов фольклора народов, населяющих территорию Иркутской области. Мы видим ее как серию «Традиционная культура Прибайкалья». Подготовлены первые книги этой серии.

Издания такого рода - чрезвычайно важны не только своим уникальным содержанием, которое бы приобрело большой вес в сфере культуры, но они имеют и важное общественное значение в наше сложное время.

Именно издания такого рода - это важнейший способ популяризации народной культуры, способ конкурентной борьбы традиционной культуры с активно наступающей, разрушающей массовой культурой за право быть представленной в общественной жизни. Вместе с тем Сводь традиционной культуры должны иметь и практическую направленность. Они могут быть полезным

материалом, в первую очередь, для широкого спектра культурно-образовательных, культурно-досуговых учреждений и дадут возможность подготовить многоаспектные тематические разработки на материале местных региональных традиций..

Сводные должны помочь и школам области: став своеобразным методическим подспорьем для учителей в деле реализации новых школьных программ, в которые, как известно, входит в настоящее время так называемый «региональный компонент».

Изучение региональной традиционной культуры в школе отвечает нынешнему направлению гуманизации и гуманитаризации образования.

Сохранение культуры народов, проживающих на территории Иркутской области, мы расцениваем как дело благородное и очень важное, ибо культура, в сущности, это источник гуманистических ценностей, которые способны умножить, укрепить духовное состояние, нравственность как отдельного человека, так и всего общества. А в конечном счете стать гарантом сохранения этносов в целом.

***В.В. Черноусова,**
заведующая отделом культуры
администрации г.Братска*

О НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Молодой город Братск... В 2000 году он отметил свое 45-летие. Но в 2001 году мы отмечаем 375 лет Братску-острожному. Вот эти две даты в какой-то мере определяют духовную сущность города: история, духовность, современность.

Я уверена, что полвека назад будущий город задумывался именно таким, каков он есть сегодня: это не только город металлургов, лесохимиков, энергетиков, но Братск – это город романтиков, поэтов, писателей.

Несмотря на свою молодость, в Братске за эти 45 лет сложилась своя неповторимая городская культура. Прежде всего, если говорить о стратегии последних 10 лет, я бы хотела сказать, что не каждый город в России имеет свою городскую культурную политику. А ее, городскую политику, у нас определяет сам мэр города. И очень приятно, что культура нового времени на ближайшие годы тоже уже стратегически определена. Мы с особой надеждой смотрим, и мне думается это правильно, на развитие детских школ искусств. И это неслучайно. Ведь дети, которые сегодня учатся в них, завтра станут полноправными гражданами города. И мы не предполагаем, что после музыкальной школы все ее выпускники обязательно перейдут в профессиональные музыкальные учебные заведения. Но хоть на одну ступеньку в эстетическом, нравственном образовании дети поднимутся. И это уже само по себе замечательно. Больше должно быть таких школ, шире охват детей, подростков процессом обучения музыке, живописи, художественному слову. Результаты не замедлят сказаться.

Город Братск – 2-й город в области, который имеет профессиональное искусство. 17-й сезон у нас работает городской драматический театр, 34-й сезон – театр кукол. Мы имеем профессиональный духовой оркестр. В Братске есть отделения Союза художников и Союза писателей, мы имеем уникальную коллекцию произведений Виктора Соломоновича Сербского. Сегодня, когда катастрофически не хватает детской литературы, в Братске в честь 65-летия писателя Г.П.Михасенко издан трехтомник его произведений. Это тоже заслуга мэрии города. Думаю, это издание пополнит все детские библиотеки области.

Вообще, говоря о профессиональном искусстве, я выражу, наверное, оптимизм большинства братчан: у культуры нашего города хорошее будущее. Прежде всего, уже принято решение о строительстве здания драматического театра в самом красивом месте города. Вторым определяющим шагом является создание городского информационного центра, в котором будут сосредоточены все современные информационные технологии. Здесь каждый братчанин независимо от его социального статуса может получить любую и платную услугу, и бесплатную.

Теперь об отношении общественности города и его мэрии вообще к проблеме воспитания молодых талантов. В Братске уже восьмой год реализуется целевая программа “Одаренные дети” (она существует и в Иркутске). В этом году мы ее назвали “Новому веку – новые таланты”. Накоплен значительный опыт работы с одаренными детьми. Ежегодно мы проводим в городе фестиваль “Жемчужина Братска”, в нем участвуют около 4 тысяч детей. Администрация города учредила 100 именных стипендий для талантливых детей. Кроме того, стипендии мэра учреждены для студенческой молодежи в области любого вида творчества. На этих днях дети Братска по федеральным программам “Дети России” и “Дети Заполярья и Севера” выезжают в Москву. Мы представляем наших самых одаренных ребят в одном из престижных залов столицы – в зале им. Чайковского. А по прикладному искусству детям будет представлен один из залов московских галерей.

Мы много сегодня говорим о духовности молодых городов, об их нравственном облике. Но когда в них активно развиваются коммерческие виды досуга, когда то там, то здесь открываются казино, а в них сосредоточена самая современная аппаратура, то нашим учреждениям культуры очень не просто состязаться с ними в организации свободного времени. Я же всегда говорю своим коллегам: “Не нужно соревноваться с этими учреждениями, надо нам найти свою нишу в организации досуга населения”. Ведь были в прошлом, вспомните, замечательные формы работы: музыкальные лектории, университеты культуры, любительские объединения, абонементы в филармонии. Все было, но мы не заметили, как с водой выплеснули ребенка. И, слава Богу, в Братске идет возрождение именно этих форм работы. Сегодня и филармония с абонементом есть, и кино клубы, и возвращается российское кино. Мы не являемся академическим центром культуры, у нас мало вузов. А тяга детей, да и взрослых людей к знаниям очень большая. Возрастает роль библиотек, центров информации.

Еще одна очень важная тема обычно возникает на наших совещаниях. Обсуждалась она и сегодня: о повышении уровня квалификации специалистов и вообще кадровая проблема. Может быть, она в городе выглядит несколько иначе, чем в сельском районе, но и у нас немало трудностей. Было время, когда такие города, как Братск, Усть-Илимск, строились, в них со всех концов страны съезжалось много разных представителей интеллигенции. Ведь ехали не только строители, инженеры, приезжали молодые художники, педагоги с консерваторским образованием. И они сумели создать лицо города. Но времена изменились. Однако у администрации города забота о сохранении культурного потенциала города по-прежнему стоит на одном из первых мест. Мэр города постоянно заключает контракты с молодыми актерами, режиссерами. Считаю, что при нашей мизерной зарплате очень важна поддержка городскими властями особо одаренных специалистов. Благодаря ей в Братске кадровая проблема так остро и не стоит. В наш театр приезжают режиссеры из Новосибирска, Красноярска, из Иркутска. И на постановочные работы администрация города не скупится.

О чем болит душа? Хватит ли в сегодняшних условиях борьбы за выживание сил не допустить духовной пустоты в людях. Должно хватить. А потому наша задача, чтобы в таких промышленных городах, как Братск, Ангарск, Усть-Илимск, где и пойти-то особенно некуда, свободное время жителей заполняли не только религиозные конфессии, но чтобы наши учреждения культуры, искусства занимали свое достойное место.

В последние 10 лет, как началось реформирование клубной деятельности, мы сначала как-то растерялись, все думали, как работать, что брать за основу. Сегодня мы уже вполне определились с направлениями, которым будем следовать. И посмотрите (даже без статистики) на факты жизни. В библиотеках залы не пустуют. Дворцовые залы, филармонические полны. Нет проблем со зрителем. Я не могу объяснить, я не психолог, почему люди пошли в эти залы. Единственное могу сказать – телевидение со своими программами и рекламой уже не может удержать у своего экрана прежнего зрителя. Канал “Культура” до нас, наверно, не скоро еще дойдет. Мы не имеем возможности смотреть замечательные спектакли столичных театров. А зритель-то все равно есть, и он очень взыскательный. Зритель приходит в наши залы и справедливо требует высокого уровня обслуживания. Потому наша задача – вот она – жизнью подсказана: работать лучше, интереснее, соответствовать хорошим вкусам людей.

Надо сказать, изменилась и сама система отношения столичных, областных учреждений культуры к глубинке. Раньше даже иркутские областные музеи до нас не добирались, все было для нас закрыто. А теперь мы наслаждаемся их лучшими экспозициями. Вот сейчас в Братском музее экспонируется “Золотое шитье”. Такая красота, люди идут, смотрят и радуются.

Я как-то не очень люблю слово возрождение. Для меня существует понятие “историческая память”. Братску, несмотря на все изменения в его судьбе, все-таки 375 лет. И первый монастырь Братска старше Иркутского монастыря. Мы должны будить в людях именно историческую память. Сейчас дети зачастую

мало что могут сказать о своих бабушках, дедушках, они живут сегодняшними заботами. И порой мне кажется, не надо громко взывать к понятиям Родина, Россия, страна, а надо каждому, прежде всего, знать историю своей семьи, своей фамилии, историю своего рода. Город молодой. Да! Но он имеет корни. Необходимо познать их. Хотя мы, как и соседние города, районы, имеем и народные коллективы, и фольклорные, есть и дома ремесел, комнаты краеведения. Пусть не от первоносителей традиционной культуры записана информация, но экспонаты говорят о традициях культуры, об истории. Дети должны знать все это.

На мой взгляд, Областной центр народного творчества, прежде всего, должен ориентировать нас чисто в научном плане. Пусть его специалисты знакомят нас с новыми, передовыми технологиями информатизации, с новыми формами организации досуга, со всем тем, что до нас еще не дошло. А вот показали нам на совещании базовые творческие коллективы Центра. Нового мы ничего не увидели, у нас есть свои такие коллективы, а есть и получше. Нужно, чтобы Центр аккумулировал лучший опыт, может быть, не только Иркутской области, но шире, других регионов страны, и знакомил с ним нас. Специалист Центра, приезжая к нам, необязательно должен только помогать подготовить конкретное мероприятие, ведь наши специалисты тоже многое могут. Но мы ждем от него более широкую информацию, может быть, и о проблемах правовой деятельности, финансовой. То есть специалист Областного центра должен быть на три головы выше районного. Вот на областном совещании мне понравилось выступление заместителя директора ОЦНТиД по науке Г.В. Медведевой. Она четко, с точки зрения ученого фольклориста, очень деликатно сказала нам, заведующим городского, районного звена, как надо заниматься исследовательской деятельностью на местах, как успешнее и плодотворнее надо работать в территориях по сохранению и развитию подлинной традиционной культуры.

Мы, заведующие отделами культуры, являемся в какой-то мере лицом городов и районов. Нам на областных совещаниях надо показывать образцы методики, давать то, что поможет поддерживать на местах идеологию культурного пространства всей Иркутской области. В любом направлении, в любом жанре. И надо сказать, что эта тема на последнем совещании для меня, например, была обозначена. Значит, мы находим с Комитетом по культуре общий язык.

И еще конкретное замечание: я поддерживаю мнение некоторых выступающих на совещании по поводу сроков составления и сдачи планов на следующий год. Мы считаем, что над планами, над формулированием и обоснованием соглашений между районами и Комитетом следует начинать работать не в феврале-марте, как это было доньше, а в октябре-ноябре и, может быть, даже раньше. Тогда будет время внести в них важные коррективы, наши планы станут более реальными.

О ЧЕМ БОЛИТ ДУША

Если подходить к нашей работе со вчерашними мерками, могу сказать, что содержание деятельности учреждений культуры района находится на вполне хорошем уровне. Но сегодня подход к культуре, к организации досуга населения уже другой, требования к нам иные. И наш собственный взгляд на то, что такое культура на селе, как она влияет на современного сельского жителя, тоже другой. Конечно, клуб сегодня, как и в прежние времена, через свои массовые мероприятия вполне заполняет отведенную ему в социальной жизни человека нишу. Клуб в селе необходим, в этом нет сомнения. Однако, духовные потребности у населения стали значительно шире. Сельский житель тоже хочет видеть и знать современный театр, хочет прикоснуться к профессиональному искусству.

Правда, с принятием соглашений между районным отделом культуры и Комитетом по культуре областной администрации, начиная с прошлого года ситуация в этом плане несколько изменилась. И хотя еще окончательно не отработан механизм организации, скажем, гастролей областных учреждений культуры в районы, все-таки положительная практика уже есть. Конечно, пока речь идет о более мобильных формах культурного обслуживания районов, т.е. в лучшем случае приедут со своими программами солист с аккомпаниатором или один актер театра, поэт. Театр к нам со спектаклем не поедет, зрителей мало, ехать экономически невыгодно. Это так. Но как быть с теми немногими зрителями, которые хотят видеть своими глазами и спектакль, и послушать серьезную музыку, встретиться с профессиональным творческим коллективом? В этом они обделены. И проблема, и боль наша. Решится ли она когда-нибудь? Не знаю.

А коллективы художественной самодеятельности, музыкальные и художественные школы, талантливые мастера, школы старинных ремесел – все это в Усть-Илимском районе есть. Коллективы стабильно работают, участвуют почти во всех областных и региональных фестивалях, выставках. И надо сказать, что в селе, в учреждениях культуры трудятся настоящие сподвижники. Сравните их с теми, кто работает в городе. Городские коллективы имеют возможность подготовить программу, затратить на нее силы, но потом показать ее в пяти – семи различных зрительских залах. Отдача-то какая! А мы - тратим те же силы, то же время, а зритель-то и сегодня, и завтра один и тот же, наши родные односельчане. Как же надо готовить эти мероприятия, сколько творчества вложить в них, чтобы зритель постоянно приходил в клуб! И он не хочет, чтобы что-то повторялось, ему свежую программу подавай, другой концерт, интересную встречу.

Вот и кадровая проблема, по-моему, в городе и в селе может решаться тоже по-разному. Я, к примеру, вижу ее не в плане заполнения существующего штатного расписания, а в плане расширения должностей, специализаций. Сегодня

директор клуба и художественный руководитель – это и швец, и жнец. Нам говорят: все отдано на ваш откуп, пожалуйста, вводите другие названия специалистов, называйте их как хотите, вы у себя хозяева. Но... Всем понятно, что стоит за этим «но». Низкие разряды оплаты труда, ограниченное штатное расписание.

Что положительного есть в нашей работе? Меня, например, последние три года радует совсем другое отношение к работникам культуры наших руководителей района. Они нас с нашими проблемами стали лучше, глубже понимать. На общем фоне скудного бюджета на культуру нельзя не видеть того, что мы получаем от администрации и на тот же ремонт, на приобретение оборудования, костюмов, на обучение кадров. Благодаря такой заботе мы по-другому можем подходить к вопросам планирования, выработке целевых программ. Мы сегодня не просто составляем свои планы на квартал, на год, а стремимся просматривать будущее, определять свою стратегию в культурной политике. К примеру, к учебе кадров, повышению их квалификации мы стараемся подходить не формально, а предварительно глубоко проанализировав ситуацию, смотрим, кого сегодня необходимо учить. В прошлом году наши преподаватели художественных школ выезжали на учебу в Омск, Иркутск. Учились клубные работники. Нынче будем учить директоров, опытных работников, не имеющих специального образования, но имеющих стаж не менее пяти лет. Опыт практической работы у них богатый, и мы их давно не учили, а таких специалистов нужно беречь.

Что мы видим в перспективе? Планов не мало. Жаль, что многое из них остается нереализованным. Вот это и угнетает. Наша территория северная, отдаленная от культурных центров, да и сами населенные пункты района далеко удалены один от другого. Это порой не дает возможности развернуться в осуществлении намеченных мероприятий. Задумаешь вроде все хорошо, интересно, а на деле получается совсем не так

А востребованность клубных учреждений у населения возрастает. И мы ощущаем эти потребности. Пытаемся изучать их, ищем пути верного использования запросов населения в своей работе. Хотя и в процессе исследований тоже необходимы новые подходы, другие задачи, более глубокие, более актуальные.

Устала ли я работать в сфере культуры за почти 30 лет? Нет, не устала. Эта работа – часть моей жизни. Я люблю ее. Люблю своих людей, свой район. Будем еще работать, искать что-то новое, интересное. Разве не в этом смысл жизни?

*Т. Колесникова,
редактор ОЦНТД*

У ВОЗРОЖДЕНИЯ ДУХОВНАЯ СУТЬ

Смею предположить, что в ваших волосах берестяная заколка, а в шкатулке, тоже из бересты, среди прочей бижутерии, есть браслетик или кулончик из этого пластичного материала. И уж точно, хлеб, чтобы не зачерствел, вы храните в берестяных туесках. Вероятным может быть также и то, что за последний десяток лет вы уже собрали из изделий, берестяных ли, из байкальского ли камня, небольшую коллекцию. Наверное, раз в год для самых дорогих гостей по торжественному случаю, а то и по будням, как в старые добрые времена, вы покрываете стол скатертью, вышитой руками молодой мамы или вашей бабушкой. “Заморскую” посуду, поутратившую вскоре после покупки “товарный” вид, возможно, уже сегодня вы хотите заменить на “родную” – пожалуйста. Хайтинский завод после некоторого перерыва возобновляет свою работу. Тот самый завод, на котором в конце прошлого века были изготовлены, по специальному заказу, уникальные, неповторимые по красоте два фарфоровых иконостаса для домового церкви купцов Переваловых.

К ремеслам в конце 20-го столетия возник устойчивый интерес, а главное, потребность. И удивляют, пожалуй, не возможности техники, мыслимые и немыслимые. Вовсе нет. Удивляет, что тянутся руки к глине, к иголке с ниткой, к дереву, одним словом, к рукоделию. Тянутся не только руки – ум, сердце, душа. И если поставить цель – найти в сегодняшней жизни следы, отметины, пусть даже отдельные черточки, возрождения традиций ли, ремесел ли – духа русского – то лишь немногие, а, правильнее, единичные явления в окружающей жизни становятся символами возрождения и обновления духа русского, православного. И если возрождение ремесел дело, так сказать, наживное, то возрождение духовное многого стоит нам, сегодняшним. Об одном таком явлении в Иркутске летом прошлого года и хочется сегодня вспомнить.

Для нас, кто вырос в атмосфере безверия и атеизма, восстановление храмов и строительство новых – событие особой наполненности. Для тех, кто молод и видел только в кадрах кинохроники крестов и храмов низвержение, событие вознесения Креста на колокольню Свято-Троицкого храма в Иркутске нравственно ценное.

Церемония освящения Креста и вознесение на колокольню состоялась 10 сентября 2000 года. День памятен еще и потому, что в настоящее время, если не храмы разрушаются, то разрушается, методически, систематически, храм внутри человека. Насилием, агрессией, обманом, несправедливостью, нищетой, злобой, разрушающих личность. Для тех, кто в тридцатые годы был очевидцем

низвержения христианских символов, их восстановление – акт высшей справедливости. А потому память вмещает все подробности того дня, 10 сентября.

...В Свято-Троицком храме богослужение. Впервые за долгие-долгие годы совершается молебен на освящение Креста. По такому исключительному случаю – возглавлению колокольни храма символом православной веры - поют и особые песнопения: известный тропарь “Спаси, Господи, люди Твоя”, исполняемый на водосвятных молебнах, и “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко”. Приподнятость, торжественность придает службе присутствие Его Высокопреосвященства архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима. Он служит литургию. В храме – постоянные прихожане Свято-Троицкого и лишь немногие из тех, кто зашел поставить в этот день свечу и помолиться за близких.

По окончании Литургии, уже вне храма, Кресту, творенью рук мастеровых, на земле – земные почести: молитва священников и прихожан:

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое,

Победы на сопротивление даруя,

И Твое сохраняя Крестом Твоим жительство...

Церемонию освящения Креста завершает Владыка:

Да венчает Крест сей храм этот. Этот Крест да послужит всем нам прежде всего знаменем нашего духовного возрождения. Крест- хранитель всей вселенной, Крест - избавление от многих зол и болезней, Крест - знамение и символ нашей победы над греховными силами, привычками и пороками, наконец, Крест – это освящающая сила, которая вводит нас в обители Царя небесного. Потому пусть да сияет над этим местом этот святой Крест, который воздвигнем мы на должную высоту на колокольне. Да послужит он духовному возрождению.

Крест трижды окропляют святою водой. И начинаются технические приготовления к его поднятию. С особой осторожностью и тщательностью Крест, державу и яблоко пеленают, словно новорожденное дитя, ватными подушками и одеялами, перевязывают бечевкой и начинают подъем с помощью тросов.

А певчие поют:

Освети благодать Твою, Жизнодавче,

И Крест сий освяти, и всем людям Твоим

Яви его быти помощь и утверждение...

В один момент замечаешь над самым куполом в небе – воздушный белый круг. Батюшка крестится виденному – крестятся и все. Появившийся откуда-то самолет в центре города высоко-высоко вписывает второй круг, соединяя с первым, как два обручальных кольца...

Леса на колокольне чуть приосвобождаются и Крестное знамение, вобрав в себя все золото солнца и все его лучи, воссиял в чистых небесах. А хор поет:

Крест – хранитель всей вселенной.

Крест – красота церковная.

Крест – верным утверждение.

Крест – ангелам – слава, бесам – язва.

Видеть это – мало. Зреешь “всеми чувствами вкупе”. Впечатлением о виденном делится прихожанин храма:

- Я видел круг в небе прямо над куполом. Это не был “самолетный” круг. Затем самолет очертил второй круг. Это тоже чудо. Если рассуждать, то нельзя же над городом летать, делать круги. Тем не менее, этого не объяснить с точки зрения авиации. Тут без промысла Божия не обошлось.

Отец Димитрий, настоятель Свято-Троицкого храма, так выразил всеобщую радость этого дня:

- Сегодня мы с вами видели торжество не только земное, но и небесное. Господь показал такое чудо: сначала облака летали низко-низко, как дымка, потом откуда-то взялся самолет и образовалось два круга, как два купола в небе. А потом две птицы летят. Одна женщина говорит: “Да это, наверное, чайки”. А ей, улыбаясь, другой скептически говорит: “Какие чайки на такой высоте?!” Это настолько впечатляет, что не вместить по немощи своей и по греховности своей. Господь благословляет! Событие сегодня такое, что я его не могу разумом взвесить, потому что оно переполняет сердце.

Событие... если храму 237 лет. (Впервые как Троицкий храм упоминается в “Иркутской летописи” 5 мая 1763 года. Тогда состоялось освящение придела во имя Рождества Богородицы). В истории Свято-Троицкого храма за два столетия случалось разное: многочисленные затопления (находился он в болотистой части у пологого берега Ангары), и пожары (первый - от ударившей в купол молнии в июне 1808 года, второй – в мае 1822), и даже кража серебряных богослужебных принадлежностей в 1899-ом). Век 20-ый опустошил храм – исчезла настенная роспись 18 века, исчезли церковная утварь, иконы, колокола. Словно ... распяли. “И осталось, что два крыла” - стены да имя храма.

К событию вознесения Креста на колокольню Свято-Троицкого храма его прихожане готовились два года. С праздника Святой Пасхи. Чтобы затеплилась в храме жизнь от горящих свеч, от горячих молитв, от духовных трудов человека Владыка Вадим благословил придел во имя Рождества Богородицы. Его освящение состоялось накануне Пасхи 1998-го. С того самого момента стало традицией во время богослужений еженедельно совершать молебен перед иконой “Домостроительница” (по-гречески “Экономисса”) с надеждой на ее помощь в восстановлении храма.

Вознесение Креста на колокольню завершилось. Я уходила от Свято-Троицкого храма по Ангарскому мосту. И, оказавшись по ту сторону реки, на сопке кинула последний взгляд на храм. Город словно прильнул к лону кормилицы-матери. И было в нем что-то в тот день не так. Всмотревшись, я поняла, чего мне всегда не хватало в панораме старинной части города... Крест Свято-Троицкого храма чудесно соединился с уцелевшими в веках символами православной веры старинных иркутских церквей – Князе-Владимирской, Казанской, Спасской, Бого-явленской, Крестовоздвиженской, Преображенской и замкнул городское про-

странство. Они объяли старинный город сим священным кольцом и вознесли свой святой символ на только им известную высоту. И стоят незыблемо- хранители православной веры, русской истории и нравственности.

*М.Р.Базилишина,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник ОЦНТиД*

ФОРМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ДЕТСКОГО ИГРОВОГО ФОЛЬКЛОР В ШКОЛЕ

В настоящее время, когда наше общество переживает состояние глубокого духовного кризиса, все сильнее осознается необходимость обращения к традиционной культуре в целях сохранения этнической самостоятельности и самобытности. Воспитание личности с национальным самосознанием становится поистине задачей государственного масштаба.

Одной из ключевых сфер, где определяется судьба, будущее России, является школа. Отрадно, что в последние годы стали активно разрабатываться программы национального образования и воспитания, в которых большое внимание уделяется духовно-нравственному содержанию. Наблюдается тенденция возрождения и развития национальной школы, в которой обучение должно вестись на родном языке. Национальная школа передает молодому поколению бесценное богатство, накопленное предшествующими поколениями: нравственные устои, традиции, духовные ценности, историческую память, многовековой опыт. Все это воспитывает прочный иммунитет против духовного обнищания, обуславливает историческое развитие нации. Социальное назначение национальной школы – не допустить исчезновения и деградации этноса.

В процессе создания системы национального образования в России была разработана и в 1997 году утверждена Министерством общего и профессионального образования РФ национальная программа «Русская школа как система воспитания и образования» (срок реализации 1997-2002 гг.)

Активное приобщение детей к традиционным ценностям отечественной культуры должно стать одним из приоритетных направлений развития современной школы.

Как показывает педагогический опыт, одним из наиболее эффективных способов реализации национально-традиционного аспекта образования является своего рода «погружение» детей в стихию народной культуры, когда они получают сведения о своей Родине не только на уровне кругозора и интеллектуальной информации, но и «проживают» эти знания. Именно «проживание» внутри культуры делает ребенка ее носителем, этнокультурно ориентированной личностью, способной к творческому саморазвитию. Кроме того, в мире, созданном по законам традиций народной культуры, в ребенке с наибольшей полнотой раскрывается творческое начало.

«Проживание» родной культуры, усвоение ее на уровне чувств и эмоций должно быть начато уже в раннем детстве, в дошкольный период. Интересен в этом плане опыт педагогов яслей-сада № 22 г.Коврова, обобщенный в методическом пособии «Знакомство детей с русским народным творчеством»¹², книге из цикла «Приобщение детей к истокам русской народной культуры».

Педагоги этого дошкольного учреждения поставили перед собой задачу «донести до сознания своих воспитанников, что они являются носителями русской народной культуры, воспитать ребят в национальных традициях» /там же, с.3/. Прежде всего усилия были направлены на «создание атмосферы национального быта», поскольку, как известно, «окружающие предметы оказывают большое влияние на формирование душевных качеств ребенка» /там же/. Одно из помещений детского сада было оформлено как деревянный сруб. Здесь, в «избе», сложили печь, сделали деревянные лавки и столы, постелили самомотканые половики. Для окон сами сшили занавески и украсили их вышивкой в народном стиле. В «избе» появились чугунок, самовар, деревянные ложки, кадка, расшитые полотенца, ткацкий станок, русский народный костюм. Ценно то, что эти предметы были дарованы местными жителями и прежде действительно применялись в быту. «Все занятия по ознакомлению с народным творчеством стали проходить в «избе» /там же, с. 5/. В результате окружающий ребенка быт сказочно преображается, он видит интерьер, предметы домашнего обихода, которые несут в себе ярко выраженную историческую память народа.

На занятиях в «избе» дети в игровой форме знакомятся с различными произведениями устного народного творчества (сказками, песнями, потешками, загадками, пословицами и т.д.). Интересно, что колыбельные песни поют куклам, уложенным в настоящую зыбку. Фольклор используется на занятиях как «богатейший источник познавательного и нравственного развития детей» /там же с.4/.

Большое внимание уделяется знакомству детей с *обрядовым фольклором*, оно осуществляется через их участие в календарных праздниках /см. там же, с. 7/.

Ребенок при этом «вырывается» из привычных будней, попадает в обстановку сельской общинной жизни, понятие времени становится для него духовно содержательным, т.е. он начинает жить в какой-то мере по традиционному народному календарю.

В ходе занятий дети знакомятся с различными жанрами декоративно-прикладного искусства, узнают о локальных традициях и школах художественных ремесел (Хохлома, Городец, дымковская, каргопольская, филимоновская игрушка, резьба по дереву, Палех, Жостово, вологодское кружево и др.). Ценно то, что дети выполняют и творческие работы по декоративно-прикладному искусству, которые демонстрируются на выставках и «ярмарках», преподносятся как подарки родителям, бабушкам и дедушкам.

¹ Знакомство детей с русским народным творчеством: Конспекты занятий и сценарии календарно-обрядовых праздников: Методическое пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений /Авт. – сост. А.С.Куприна, Т.А.Бударина и др. - 3-е изд., перераб. и дополн. - СПб., 2001.

Большое место в приобщении детей к народной культуре занимают *традиционные игры*. Неся в мир детства информацию об окружающем мире, являясь увлекательными ребячьими забавами, игры в то же время оказывают на детей мощное психологическое оздоравливающее воздействие. Участвуя в игре, ребенок может избавиться от закомплексованности, от боязни петь, танцевать, открыто выражать свои мысли, в нем ярче начинает проявляться творческое начало. Кроме того, в играх заключается «огромный потенциал для физического развития ребенка», что побудило педагогов детского сада «ввести народные игры в программу организации двигательной активности детей» /там же, с.4/.

Комплексное освоение традиционных ценностей детьми естественным образом может быть продолжено в период их обучения в школе. Перечисленные выше формы «проживания» детьми родной культуры уместны в начальном и среднем звене. Во многих школах практикуется проведение школьных праздников народного календаря (Дожинки, Зимние Святки, Масленица, Пасха, Троица), в которых охотно принимают участие дети различных возрастных групп. Создаются школьные музеи традиционной культуры. Накопленный опыт работы педагогов в этом направлении требует своего обобщения.

На наш взгляд, в школе возможно применение такой универсальной формы приобщения детей к ценностям традиционной народной культуры, как художественно-теоретическая композиция. Опыт подготовки и показа композиции такого рода осуществлялся в течение ряда лет на филологическом факультете ИГПУ под руководством доктора филологических наук профессора Е.И.Шастиной. Художественно-теоретическая композиция по фольклору была своеобразной формой научно-исследовательской работы студентов. Называя такую композицию «живым учебным пособием», Е.И. Шастина дает описание ее возможного содержания: «Теоретическая часть композиции <...> представляет собой небольшие, но интересно составленные рассказы об истории изучения фольклора Восточной Сибири и о полевых исследованиях, ставших традицией в Иркутском пединституте, у истоков которой стояли известные ученые (М.К. Азадовский, Г.С. Виноградов, К.А. Копержинский, В.Д. Кудрявцев); сообщается о результатах фольклорных практик последних лет, особенностях бытования устно-поэтических жанров в восточно-сибирских селах.

Все это перемежается театрализованными сценами из устно-поэтических произведений, записанных, как правило, нашими студентами и сопровождаемых соответствующим научным комментарием к этим жанрам. Материалы эти каждый год обычно обновляются в соответствии с тем новым, что несет последняя фольклорная практика».³

Форма композиции такого рода позволяет глубже понять и ярче представить фольклорное произведение, способствует лучшему закреплению полученных знаний, позволяет реализовать творческий потенциал личности каждого участника.

В школе такая художественно-теоретическая композиция может быть представлена как форма научной работы учащихся. Она имеет комплексный характер и позволяет объединить в роли участников детей различных возрастных групп. Теоретическая часть излагается старшеклассниками, а инсценировать материал могут учащиеся разных классов, в зависимости от содержания произведения. Композиция может выполнять функцию определенного этапа освоения традиционной культуры детьми.

Ниже будет представлена основа художественно-теоретической композиции по детскому игровому фольклору. При этом раскрывается логика изложения теоретического материала, предлагаются варианты комментирования отдельных игр, дается описание самих игр для их разучивания и исполнения, а также – тексты игровых песен.

Объем материала композиции может быть сужен или расширен в зависимости от поставленных задач образовательного или воспитательного плана. Исполнение игр детьми желательно в национальных костюмах, поскольку ролевые игры с припевом ведут свое начало от весенне-летних хороводов молодежи. Наличие костюмов будет подчеркивать связь с фольклорной традицией.

ДЕТСКИЙ ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР

Формальные ролевые игры с игровым припевом: их происхождение, художественные особенности характер бытования в детской среде.

«Детский фольклор – это совокупность разных видов произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых» [Виноградов, с.436].

Известный фольклорист Георгий Семенович Виноградов, уделявший особое внимание изучению детского фольклора, выразил своеобразие творчества и мировосприятия детей такими поэтическими словами: «Произведения детского фольклора для ребенка и подростка – живые организмы, полевые цветы, на глазах вырастающие, видимо расцветающие, существующие неотделимо с их хранителями».

По мнению Г.С. Виноградова, самым значительным видом детского художественного творчества «по количеству входящих произведений» является детский игровой фольклор [Виноградов, с.438], к которому относятся разного рода игры, а также словесные произведения, неразрывно связанные с игрой. Это игровые припевы и приговоры, считалки, жеребьевые сговорки.

Игра в жизни ребенка занимает исключительно важное место [см. Мельников. РДФС, с.152]. Еще в начале XX века исследователь Е.А. Покровский отмечал: игра, одно из главных занятий ребенка, представляет собою «горячую, неустанную, но вместе с тем и веселую работу, с помощью которой энергично развиваются дух и тело ребенка, насаждаются в нем знание и опыт и закладываются первые основы для его будущей деятельности и жизни» [Покровский, с.2].

В Сибири записи и изучению детских игр большое внимание уделяли Е.А. Авдеева (1837 г.), Г.Н. Потанин (1864-1901), В.С. Арефьев (1901), Б. Герасимов (1911), Г.С. Виноградов (1922) и некоторые другие ученые-фольклористы и этнографы. В настоящее время изучению детского фольклора, в том числе игрового, посвящены научные исследования Михаила Никифоровича Мельникова.

Все «детские игры, имеющие художественное значение», М.Н. Мельников делит на четыре группы: «формальные ролевые игры с игровым припевом, формальные ролевые игры с игровыми поэтическими приговорами, формальные игры без устойчивого текста, игры-импровизации» [Мельников. РДФС, с.157].

В основе всех этих игр лежит драматическое развитие, они, пусть порой «в зачаточной форме, но обязательно имеют сюжет; в одних рельефно выражены, в других только намечены роли, все они имеют действие» [Мельников. РДФС, с.157].

Игры такого рода определяются в науке о фольклоре как драматические. [«Игра драматическая. <...>. В ее основе – драматическое действие, развивающееся в диалоге персонажей и их движениях». Восточнославянский фольклор, 89].

Большинство народных игр унаследовано детьми от взрослых, от молодежи [см. Мельников, РДФС, 153]. «Ученые заметили, что многое из того, что было в древности характерно для всего народа, являясь достоянием взрослых и что с веками исчезло не только из быта, но и из памяти народной, вдруг удивительно живо воспроизводится в детской игре» [Мельников, РДФС, 152-153]. «Игра всегда является отражением окружающего детей или окружавшего ранее мира. В играх запечатлены различные этапы общечеловеческой и национальной истории», – отмечает М.Н. Мельников [Мельников, РДФС, 158]. Эрнст Тэйлор в своей работе «Первобытная культура» писал, что в детских народных играх «воспроизводятся древние стадии истории детских поколений человечества» [Тэйлор, 65].

Так, например, любимая детьми игра в прятки имеет древние корни [см. Мельников. РДФС, 153]. Когда-то, в частности, в период бесконечных набегов кочевников, умение по первому сигналу бедствия найти недоступное противнику укрытие было равносильно праву на жизнь, и поиск такого укромного места являлся делом далеко не шуточным. «Можно полагать, – пишет исследователь Мельников, – что этому мастерству специально обучали подрастающее поколение» [Мельников, РДФС, 153].

В детских играх в той или иной форме находят отражение национальные черты народа, его бытовой уклад, материальная культура, верования... В силу этого игры детей представляют интерес как для историков, так и для ученых-этнографов [см. Мельников, РДФС, 153].

Среди народных игр выделяются те, что так или иначе связаны с различного рода обрядностью.

Наиболее широко в фольклоре восточнославянских народов представлены разнообразные весенние игры.

Часть их, вероятно, является некоей трансформацией календарного обрядового действия, имевшего магическую, заклинательную направленность [Восточнославянский фольклор, 88].

Особой популярностью пользовались на Руси весенне-летние хороводы. «Хороводы наши, душа увеселений девушек, слились с русской жизнью. Нет деревни, где бы не совершались они», – отмечал в 1848 году известный фольклорист А. Терещенко [Терещенко, 135].

Хоровод – коллективное песенно-хореографическое действие, в котором оказываются неразрывно связанными пение, пластика (движения) и игровое сопровождение.

Хоровод относится к древнейшим хореографическим формам [см. Восточнославянский фольклор, 432-433].

В глубокой древности хоровод представлял собой «ритуал кружения вокруг священного объекта» или ритуал «освящения того места, вокруг которого ведут хоровод», кружение это было подражанием солнечным и астрономическим циклам. Хоровод изначально символизировал «поклонение небесным силам», а также имел значение оберега от злых, вредоносных сил, что было основано на традиционных представлениях наших предков о магическом защитном воздействии круга [см. Тресиддер, 397].

Хороводы «составляли первоначально часть языческих религиозных обрядов» у разных народов [см. Терещенко, 332]. «Ассирияне и вавилоняне еще за 2000 лет до Рождества Христова, при приношении жертв Вавилу, совершали хороводные пляски вокруг его жертвенника. У греков возвышались религиозные обряды торжественностью хороводных танцев, называемых каравино, и пением у жертвенника гимнов одними непорочными девушками», «в Древнем Риме хороводы» также «составляли священные обряды» [см. Терещенко]. «Во время буддийских хороводов вокруг храмов верующие стремятся войти во взаимодействие с космическими ритмами и продвинуться на пути к самосознанию и просветлению» [Тресиддер, 397].

Движение в хороводе большей частью происходит «по часовой стрелке (вслед за движением солнца в Северном полушарии), реже – против часовой стрелки (вслед вращению звезд в Северном полушарии)» [см. Тресиддер, 397-398].

Многие века у славян «хороводы были частью календарного обрядового ритуала. По мере того, как человек познавал законы природы, научался использовать их в своих целях, совершенствовал орудия производства, отпадала необходимость в магических обрядовых действиях. Но поэтические достоинства обрядовых игр и песен продолжали пленять своей красотой. Хороводы, теряя свою обрядово-религиозную сущность, продолжали повсеместно бытовать, сохраняя на первых порах свою календарную приуроченность» [Мельников, РФС, 161-162].

«Когда повсеместные увеселения перешли за круг священных обрядов, – пишет А. Терещенко, – тогда хороводы превратились в народные забавы». «Ни один народ в Европе, кроме славян, – отмечает исследователь, – не перенес хороводы

в свою жизнь из древних времен и не сохранил их для своей забавы с такими многообразными изменениями, как русские» [Терещенко, 135].

Хороводы были ценнейшим поэтическим приобретением наших предков и важнейшим средством обучения подрастающих поколений поэтическому музыкальному и танцевальному искусству» [Мельников. РДФС, 162].

Хороводу принадлежала особая роль в формировании нравственно-эстетических идеалов в жизни народа. Участники хоровода старались соответствовать идеалу внешней красоты и внутреннего строя души. Воспитывающее воздействие на юношей и девушек оказывали и костюм, и головной убор, их символика, особые правила поведения, манера держаться, особенности пластики, движений [см. Восточнославянский фольклор, 433].

В зависимости от того, какой компонент преобладает в хороводе – песня или танец, все хороводы подразделяются на три большие группы: хороводы-песни, игровые хороводы и хороводы-танцы.

«В первой группе главное внимание уделяется исполнению песни, мелодии. Спокойный темп, широкая распевность <...> сближают хороводные песни с народной вокальной лирикой, весенними и купальскими песнями. <...> Движения исполнителей, как правило, простые <...>, рисунки несложные – круг, круг в круге с движением в разные стороны, прямая цепочка, сдвоенная восьмерка, <...>, «змейка», «ручеек», колонна <...>. Типичные хороводные песни – «Пава», «Стрела» <...> и др.» [см. Восточнославянский фольклор, 433].

«Для игровых хороводов характерно наличие реального действия, которое раскрывается совокупностью всех художественных слагаемых, более быстрый темп и четкий ритм, часто встречается двухчастная музыкальная структура (1-ая часть спокойная, 2-ая – быстрая), диалогическая передача сюжета. В хореографии нередко имитируются движения разных животных и птиц, с юмором показываются характерные черты человека. Наиболее распространенные рисунки – круг или полкруга с солистами в центре, две шеренги, стоящие друг против друга. В игровых хороводах хореография усложняется, включая в себя широкий набор иллюстрационно-изобразительных движений, элементы импровизированных танцев – прыжки, рукоплескания, притопы, присядки, кручения. В них более тесная связь поэтической, музыкальной, игровой и хореографической структур <...>. Большую роль играют элементы драматического искусства, пантомимы, мимики. Наиболее типичные хороводы этой группы – «Со венком я хожу», «А мы просо сеяли», «Лянок» <...>, «Мак», «Заинька» [Восточнославянский фольклор, 433-434].

«В хороводах-танцах главное место занимает хореография. <...> Для спокойных хороводов-танцев характерны богатые пространственные рисунки (различные комбинации движущихся фигур – разнообразные «спираль», «звездочка», «книжка», «бабочка», «веер» и т.д.) и разнообразные декоративные переплетения рук, для быстрых – развитая хореографическая лексика (от виртуозных «коленец» солистов до стремительных движений всех участников, своеобразной массовой хореографической импровизации, где каждый в соответствии с

ритмом исполняет свои собственные движения). Типичные хороводы – танцы – «Завивание венков», «Гусарики» <...> и др.» [Восточнославянский фольклор, 434].

Хороводы всех трех разновидностей долгое время бытовали на Руси как любимое увеселение молодежи. Вот как описывает сельские хороводы А. Терещенко:

«При наступлении игр и забав всякий спешит на улицу: старики садятся пред окнами своего дома, а молодые рассыпаются по улице или становятся в кружок. Мужчины составляют свои отдельные круги, а женщины — свои, но каждый подходящий к собеседникам снимает шапку и приветствует: «Мир вашему сидению». Ему отвечают, сняв шапки: «Поди к нашему смирению». Он садится с краю завалинки — и течет мирная беседа. Здесь девушки снуют в разноцветных уборах, бегают одна за другой, смеются и любуются своими нарядами. Хорош на каждой сарафан: стянутая под грудью шелковым поясом, как она стройна и гибка! На голове у некоторых — шелковый платок, у других — золотая лента с широкой поднизью. Резвые и легкокрылые, они идут с конца улицы к тому месту, где всегда собираются играть хоровод, и поют:

*Выходили красны девушки
Из ворот, гулять на улицу.
Выносили соловеюшку на ручиньке,
Посадили соловеюшку на травыньку,
На муравыньку, на цветики лазоревы.
Соловеюшка рассветится,
Красны девушки распляшутся,
А молодушки расплачутся:
Поиграйте, красны девушки,
Поколь волюшка жить у батюшки,
Поколь негушка у матушки.
Неровён жених присватается,
Неровён, как чорт, навяжется:
Либо старый и удушливый,
Либо малый и недужливый.
Уж я стараго утешила
— На осинушку повесила;
Уж я малаго утешила –
Возмахнула, в воду бросила.
Уж я с ровнюшкой гулять пошла.*

Но не думайте, чтоб душа русской девицы омрачалась чувством скорбным при этой песне, чтоб она верила жалобам молодых женщин, которые вмешиваются в их хоровод и поют эту песнь. Нет, девицы сами поют ее — и тут же смеются; смотрят на парней, которые вьются около веселой их толпы, вертятся и кружатся свободно. Потом, взявшись за руки, они составляют круг, движущийся в обе стороны, и поют:

*Как у нас во торгу клич кликали:
А что дорого? а что дешево?
Дорожили красных девушек:
Первая — во сто рублей,
Другая — во тысячу,
А третьей и цены нет!
Дешевы во торгу добры молодцы:
По семи молодцов за овсяный блин,
Восьмой — на придачу,
Девятый — в провожатые,
Десятый — с конем, и с седлом,
И с золотой уздой.*

В больших селах собираются хороводы не в одном месте, а на обоих концах главной улицы. Один хоровод с одного конца, а другой с другого идут и поют:

*Возле тыну хожу,
Я капер-траву сажу
Не быть капру
С тыном ровну;
Не быть свёкору
Против батюшки,
А свекрови —
Против матушки.*

Сойдясь, оба хоровода поют вместе:

*Подойду, подойду
Под Царь-городок;
Вышибу, вышибу,
Копьем стену...*

За этим меняются игры в песни. Порядок их зависит от выбора хоровода. Почти каждая песнь сопровождается мимикой, тихой и плавной. Хоровод то строится в ряды, то свивается в кружок — по содержанию песни. Вот идут в один ряд игривые девушки и поют; потом расходятся и вновь собираются, задумывая играть хоровод.

Девушки, собравшиеся на зеленой поляне или на улице, берутся за руки, делают круг и начинают созывать подружек в хоровод. Во время пения они ходят кружком:

*Травынька-муравынька зацвела,
Я вечор-то, молодая, в хороводе не была.
Красна девушка прошталася,
Со милым дружком каталася.
Мой милой дружок, не женатой, холостой,
Он приглядчив и хорош,*

*На меня молодец похож.
Собирались девушки все во кружок,
Расходились во лесок,
Садилась на лужок,
Где муравынька да цветок.
Сорывали с цветов цветочки,
Надевали на головы веночки.
Пошли в хоровод, пошли в хоровод!
В хороводе веселились,
По забавушкам пустились.
Песни славно запевали,
Подружечек собирали:
Собирайтесь во единой кружок!
Запоем-те песню нову,
Про радость нашу к хороводу.*

Созывание девушек в хоровод само собой выражает свое значение – желание порезвиться.

Одним девушкам скучно играть: они посматривают на парней и горят нетерпением, чтобы поскорее пристали к ним; дают им знать о своем желании глазами и движениями; после запевают призывную песнь, в коей соблюдают те прежний порядок хоровода:

*Собирались ясны соколы во дубровушку;
Солетались белья лебедушки во зеленую,
Со куста на куст перелётывали.
Диди-лади, диди-ладушки!
Собирались все на единой на точок,
Промежду собою таковались,
Все по паре разбирались.
Диди-лади, диди-ладушки!
Они думали, загадывали:
Как гнездушки завивать будем?
Как теплые сооружать будем?
Диди-лади, диди-ладушки!
Как нам, девушкам, хоровод собирать?
Как нам, красным, новы песни запевать?
Одна девица всё придумала, удумала.
Диди-лади, диди-ладушки!*

*Вы подруженьки любимые!
Вы красавицы, забавницы!
Сходитесь на лужок
Да и станем все в кружок.
Вы сцепитесь за рученьки
И примите молодчиков с собой!
Диди-лади, диди-ладушки!
Выходите, веселые, веселитесь,*

*Резвья пары, сохи собирать;
Пары, пары, пашиньку пахать.
Бел леночек, время сеять,
Нельзя время упустить.*

Приглашение парней в хоровод показывает, что забава девушек без участия в ней мужчин скучна, утомительна и однообразна. Только тогда и весело красавицам, когда резвятся вместе с ними и игровые молодцы» [Терещенко. Цит. по Панкеев, 334-337].

Из всех разновидностей хороводов именно игровые хороводы обнаружили тенденцию к переходу в детскую игру. Своеобразие освоения хоровода как эстетического явления детской средой отмечает М.Н. Мельников: в хороводных играх драматизм «выражен музыкально, пластически, в словах припева, а потому зачастую сложен для детского понимания, что не могло не сказаться на судьбе хороводов в детской среде» [Мельников, РДФС, 157]. «Хороводные игры взрослых, переходя к детям, как правило, сохраняли основные действия, роли, но значительно упрощали песни, иногда заменяя часть песни диалогом. То есть, детской игре в целом в большей мере присуща драматизация и в меньшей мере, чем играм взрослых, символика и песенность в узком смысле этого слова» [Мельников, РДФС, 162].

М.Н. Мельников определяет специфические черты детской хороводной игры: «В детской среде не было так называемых орнаментных хороводных игр⁴. В детском хороводе всегда был главный лицедей (заинька, утица, каравай, колпачок, мужичок с ноготок и т.д.), лицедеями были и все остальные участники игры: игра имела – выраженное в песне и пластически – развитие, с зачином, кульминацией и развязкой» [Мельников, РДФС, 157].

На основе сопоставления вариантов игр, записанных фольклористами в первой и во второй половине XIX века, Михаил Никифорович Мельников приходит к выводу о том, что «игры и игровые песни, которые в первой трети XIX века были распространены по всей России и пользовались популярностью и любовью <среди> взрослых людей, во второй половине XIX века <...> перешли в детский репертуар» [Мельников, РДФС, 154].

Особенно активизировался процесс перехода большинства игр в детскую среду с конца XIX века [см. Восточнославянский фольклор, 88].

По наблюдениям этнографов, «хороводными играми в Сибири увлекались более девочки, стараясь подражать взрослым девушкам» [Мельников, РДФС, 154].

Детские хороводные игры активно бытовали в Сибири в первой четверти XIX века, а затем эта живая традиция постепенно начала угасать.

¹ В орнаментных хороводных играх молодежи преобладающее значение имеет хореографический элемент [см. Восточнославянский фольклор, 89].

М.Н. Мельников отмечает, что в 60-е годы в детской среде в Сибири сохранялись «только рудименты хороводных песен, привлекающие детей, видимо, не столько своими художественными достоинствами, сколько простотой исполнения и легкостью для запоминания. По всей Сибири распространена шуточная хороводная песня «Каравай». Она исполняется на именинах и редко служит средством развлечения детей в другое время» [Мельников, РДФС, 163]. Другой распространенной в 60-е – 70-е годы XX века «песней хороводного исполнения является «Колпачок».

Другие детские хороводные игры встречаются очень редко и только в удаленных от культурных центров селах» [Мельников, РДФС, 163].

По наблюдениям М.Н. Мельникова, редко где в детской среде бытуют целиком, но почти обязательно с усеченной песней такие игры, как «А мы просо сеяли», «Княгини, мы до вас пришли», «В хороводе были мы», «Как сеют мак», «Баба сеяла горох» и некоторые другие [Мельников, РДФС, 111].

Проведем наблюдение над несколькими хороводными играми, варианты которых записывались и у нас, в Иркутской области.

Одной из широко распространенных является игра «Заинька». Она относится к играм с хорошо разработанным драматическим действием (см. [Мельников, РДФС, 154]). Главный персонаж игры – «заинька»; текстом игрового припева определяется, какие действия он исполняет.

Представим вариант этой игры, записанный в 1981 г. в селе Бутаково Качугского района Иркутской области.

Дети встают в круг, поют и приплясывают. «Заинька» сидит в середине круга и выполняет все движения, о которых они поют:

*Заинька, поскачи,
Серенький, попляши!
Кружком, бочком повернись,
Кружком, бочком повернись!
Заинька – во ладоши!
Кружком, бочком повернись,
Вот так, так, так!
Если зайцу где выскочить,
Серенькому выбежать!
Кружком, бочком повернись,
Вот так, так, так!*

«Заяц» падает на землю, переворачивается через голову, убегает из круга.

Записано от Кириченко Светы 1970 г. р. в 1981 г. в с. Бутаково Качугского р-на Иркутской обл. Записала Рябцовская. [Фольклорный архив каф. литературы ИГПУ. Далее – АУ]

Интересно то, что в конце XIX века эта игра могла исполняться как детьми, так и взрослыми (см. [Мельников, РДФС, 154]).

В хороводных играх молодежи «заинька предстает женихом, выбирающим себе невесту, его просят свить венок, поцеловать девушку и т.д.» [Славянская мифология, 190]. В древности такие хороводы имели заклинательное значение и исполнялись преимущественно в весенне-летний период: предполагалось, что брачная символика будет способствовать лучшему плодородию матушки-земли.

В детских же играх проявляется еще более архаичное смысловое содержание образов животных и птиц. В далеком прошлом человек, «зависимый от природы, в песнях-действиях заклинал ее», в связи с чем «предметом изображения игровых песен» изначально «являлись мир растительности и мир животных» [разрядка автора. – М.Б.] [Круглов, 128]. «Животный мир в игровых песнях, – отмечает Ю.Г. Круглов, – представлен широко и многообразно, что объясняется важностью для жизни человека как диких, так и домашних животных. Этим обусловлено то, как представлены в игровых песнях полезные и вредные для крестьянина-землепашца птицы и животные. <...>

Заяц – промысловое животное. Игровые песни изображают его уже пойманным, подвластным человеку» [Круглов, 128-129].

Можно предположить, что исполнение песни, в которой изображается уже пойманный заяц, призвано было способствовать более удачной добыче этого животного.

Обратимся к хороводным играм, в которых отражается мир растительности. «Обращает на себя внимание тот факт, – пишет Ю. Г. Круглов, – что растительный мир в песнях [игровых. – М.Б.] представлен лишь в определенной своей части: речь идет только о так называемых культурных растениях, от роста и созревания которых зависела жизнь крестьянина: луке, хрене, капусте, горохе, льне и пр.» [Круглов, 128].

В хороводных играх детей (в песнях и посредством игровых действий) часто изображается процесс выращивания той или иной культуры (игры «Просо», «Мак», «Ленók» и др.). В этом факте находит отражение особый магический прием: изображение желаемого как действительного (продуцирующая магия), что, считалось, должно обеспечить богатый урожай.

Такова, например, игра «Мак». Ю.Г. Круглов приводит вариант игры, записанный Ф. Зобниным в 1897 г. на Алтае [Круглов, 127-128]:

«Играющие становятся в кружок и поют:

*На горе-то мак,
При долине так!
Мои, мои маковиц
Золотые головки
При долине так!*

Затем кричат: «Спосядем!» - и садятся. Сидя поют два или три раза те же слова, причем руки кладут себе на голову. По окончании пения кричат: «Встанем!», встают и хлопают в ладоши, будто сорвали поспевший мак» [Зобнин].

«Самой песней и действием под слово «так» участники игры заклинали быстрый рост и созревание мака» [Круглов, 128].

А вот как выглядит вариант этой игры, записанной в 1981 г. в с. Шелопугино Читинской области.

Растим мак

Играющие берутся за руки, встают в круг. В середину круга садится «мак». Играющие поют:

*Ай на горе мак, мак!
Под горою бел, бел!
Ах вы, маки-маковочки,
Золотые головочки!
Встаньте вы в ряд,
Спросите про мак.*

Игроки останавливаются и спрашивают у «мака»:

– *Сеяли ли мак?*
– *Только землю вспахали.*

Игроки опять поют песню, потом спрашивают:

– *Сеяли ли мак?*
– *Сеяли.*

После каждого ответа игроки поют песню и спрашивают:

– *Взошел ли мак?*
– *Всходит.*
– *Зацвёл ли мак?*
– *Зацвёл.*

«Мак» вскакивает и бежит; если не успел выбежать из круга, все бросаются на него и трясут его».

Записано от Вологуровой Нади 1972 г. р. в 1981 г. в с. Шелопугино Читинской обл. Вахреевой Р. [АУ]

Мы видим, что эта веселая и увлекательная игра нравилась детям и в 70-е годы XX века.

Детальное описание выращивания урожая и условное изображение всех следующих друг за другом этапов этого процесса наблюдается в играх «Лён» и «Овёс».

Приведем начало игровой песни «Лён».

*Как-то нам, матушка,
Как, государыня,
Белый лен се(я)ти?
– Нам и так, нам и сяк,
Нам и эдак и вот так!
При долине лён, лён,
При широкой частый!
– Как-то нам, матушка
Как, государыня,
Белый лён полоти?
– Нам и так, нам и сяк,
Нам и эдак и вот так! <...>*

[Киреевский, № 2479]

Текст этой песни был опубликован 90 лет назад, в 1911 г.

А сейчас представим не менее старинную, как можно предположить, игру «Овёс», записанную относительно недавно, в 1989 г., в г. Иркутске. В результате дальнейшего наблюдения над играми детей нам предстоит выяснить, играют ли в эту игру сейчас.

«Овёс»

Все становятся в круг и поют:

*Кто хочет узнать, как сеют овёс?
Мой папа сеял так...*

Все как будто сеют, протягивают руки вперед.

Потом отдыхал он вот так...

Стоят небрежно, сложив руки крест-накрест. Берутся за руки и опять кружатся, прыгают и поют:

*Овёс, овёс, овёс!
Дай Бог, чтоб ты рос!*

Далее поют:

*Кто хочет узнать, как жнут овёс?
Отец мой жинал его так...*

(Показывают).

Потом отдыхал он вот так...

(Показывают).

Далее кружатся и поют:

*Овёс, овёс, овёс!
Дай Бог, чтоб ты рос!*

Затем под песню изображают, как вяжут овёс и как его молотят. Молотьба изображается так: каждый колотит своего соседа.

Записано от Мартыновой Эли 1976 г. р. в 1989 г. в г. Иркутске Бажок Л. [АУ].

Игровые песни, делает заключение Ю.Г. Круглов, исторически связаны с «древними представлениями человека-труженика, пытавшегося при помощи действия и слова заклясть богатый урожай, удачную охоту, счастливую жизнь. Игровые песни представляли своеобразный жанр заклинательной поэзии» [Круглов, 127].

Раскрывая смысловое содержание песни о льне, В.П. Аникин пишет: «Воспроизведя посев, уход за всходами, уборку и обработку льна до прядения пряжи, обрядовая игра в своем первоначальном значении имела целью обеспечить успех в предстоящих весенних и летних работах. Повторением в хороводе трудовых действий зримо представлялась удачная работа – словно уже возвращен и обработан добрый лен. Игровая песня соединялась с заклинательной магией» [Аникин, 40-41].

«Древний человек при помощи магического действия и силы слова заклинал природу. Производя определенные действия и припевая слова, он надеялся на будущий богатый урожай («так будет!»); песней-действием он предугадывал все основные процессы роста злаков, растений, деревьев: посев, входы, рост, цветение и пр.» [Круглов, 127].

«В обрядовых магических ритуалах (играх)» молодежь училась тому, «как влиять при помощи слова и действия на враждебно [точнее – сурово. – М.Б.] относившуюся к людям природу» [Круглов, 128].

В детских хороводных играх находят отражение мифологические представления наших предков о языческих божествах – могущественных хозяевах природных стихий.

Интересное наблюдение над историей бытования одной игры проводит Б.А. Рыбаков. В начале XX века, отмечает исследователь, по всей России, в том числе и в Сибири, «была широко распространена детская хороводная игра, состоявшая в том, что мальчика сажали посреди круга и он должен был выбирать себе из числа девочек «невесту». Хоровод двигался вокруг водящего и пел, прихлопывая в ладоши:

*Сиди-сиди, Яша, под ореховым кустом,
Грызи-грызи, Яша, орешки каленые, милою даренные,
Чок-чок, пяточок, вставай, Яша, дурачок,
Где твоя невеста, в чём она одета?
Как её зовут? И откуда привезут?*

[Рыбаков, 39]

«Загадочно было то, что во всех губерниях России центральная фигура игры именовалась «Яшей», хотя это не требовалось рифмой.

Разгадку дало обращение к белорусским записям середины XIX века», запечатлевшим эту игру на той стадии, когда она входила в репертуар молодежи. Ходя по кругу, юноши и девушки пели:

*Сядить Ящер
У золотым кресле,
У ореховым кусте
Орешачки луце.
– Жанитися хочу.
– Возьми себе панну,
Котораю хочешь,
Котораю любишь...*

Как видим, «на месте непонятого Яши оказался архаический Ящер, хозяин подводно-подземного мира.

Игра, изображающая выбор невесты Ящером, может являться трансформацией древнего обряда принесения девушек в жертву дракону-ящеру» [Рыбаков, 39].

Полное описание одного из вариантов молодежной хороводной игры «Яша» дает И. Панкеев [Панкеев, РНИ, 146-147]. (Игра может быть представлена на сцене).

ЯША

Это осенняя забава (хотя совершается иногда и весною). Участие в ней принимают только те, кто избирает для себя жениха или невесту. Главное действующее лицо – Яша. Румяный молодец садится на лавку, на завалинку или посреди луга. Подле него (или вокруг него) ходит хоровод – парни, взявшиеся за руки с красными девицами; все припевают:

*Сиди, сиди, Яша, во ракитовом кусту,
Грызи, грызи, Яша, ореховы зёрна.
Лови себе, Яша, кого тебе надо.
Лови девку за русую косу,
Лови красную за алую ленту.*

Родители смотрят на потеху молодежи с волнением: хорошо, если Яша выберет ту, которая им по сердцу.

Яша, окинув взором окружающих, высматривает красную девицу – но они разбегаются от него во все стороны. Яша гонится за любимой и ловит ее. Над его выбором издеваются, припевая:

*Выбрал себе Яша
Рябую кукушку!
Выбрал себе Яша
Черную кошку!*

После этого садится другой Яша – и точно так же играют.

Редко бывает, чтобы выбранная девушка не сделалась женою «Яши».

Обрядовые песни-действия со временем видоизменялись. Наиболее древние песни отразили интерес человека к жизни птиц и животных, они «характеризуются прямым, непосредственным изображением окружающего крестьянина мира природы» [Круглов, 132]. В дальнейшем с развитием общества в песнях получают все более полное отражение взаимоотношения между людьми. Образы животных и птиц становятся иносказательными и начинают восприниматься как символическое изображение людей (см. Круглов, 132-134). Образы воробья, зайца, селезня в песнях более позднего происхождения начинают символически обозначать молодца, жениха, выбирающего себе невесту.

Обретая таким образом брачную тематику, песни-действия получают свое дальнейшее развитие в сфере земледельческой магии. В давние времена люди верили, что весенне-летние хороводы юношей и девушек способствуют пробуждению природы от зимней спячки и лучшему плодородию земли.

В дальнейшем, утрачивая свой магический смысл, песни-заклинания превратились в собственно игровые песни, и хороводные игры «стали восприниматься как забава, использоваться для развлечения» [Круглов, 132-133].

Интересная хороводная игра, в которой «воробей» предстает в роли жениха, была записана в 1993 г. в д. Коновалово Балаганского района сотрудниками Иркутского Областного центра народного творчества и досуга Л.Я. Подольской, Е.А. Баруткиной, А.Г. Сырцовым.

Полетел воробей во долину

Хороводная

1. *Полетел воробей во долину,
Во долину, во долину, во долину.*
2. *Во широкую луговину,
Луговину, луговину, луговину.*
3. *Вот сел воробей на лужочек,
На лужочек, на лужочек, на лужочек.*
4. *Красным девицам во кружочек,
Во кружочек, во кружочек, во кружочек.*
5. *Вот стал воробей шевелиться,
Шевелиться, шевелиться, шевелиться*
6. *На резвые ножки становиться,
Становиться, становиться, становиться.*
7. *Вот стал воробеюшка плясать,
Вот плясать, вот плясать, вот плясать.*
8. *По себе черевинушку искать.
Вот искать, вот искать, вот искать.*
9. *Вот нашел воробей себе девицу,
Вот девицу, вот девицу, вот девицу.*

10. *Наташеньку-мастерицу,
Мастерицу, мастерицу, мастерицу.*

Описание игры дает Е.А. Баруткина:

Хоровод движется в соответствии с движением солнца («по часовой стрелке»). Избранный мальчик ходит внутри круга в противоположном направлении, то есть «против часовой стрелки». Когда поются слова «Вот стал воробеюшка плясать(и)», мальчик начинает плясать, возможно – вприсядку, хлопать в ладоши и т.д.

На словах «Вот нашел воробей себе девицу», мальчик выбирает понравившуюся девочку и выводит ее в середину круга, кланяется ей. Эта хороводная игра имитирует выбор невесты.

Записано от Бичвиной Елизаветы Алексеевны, 1932 г. р. («зачинала»), Кузнецовой Любови Марковны, 1931 г. р., Плешковой Елены Емельяновны, 1932 г. р., Поповой Екатерины Иннокентьевны, 1922 г. р., Каниной Александры Ефимовны, 1928 г. р., в дер. Коновалово в 1993 г. [Туманяром, 56-57]

Как отмечают исследователи, «в фольклоре воробей наделяется мужской символикой. В загадках он предстает как «маленький мальчишка в сером армячишке». В сказках известен мотив обращения мужа в воробья. <...> «Подблюдная» песня о воробье предвещает девушке замужество:

*Сидит воробей на перегородке,
Как глядит воробей на чужу сторону.
Куда погляжу, туды полечу.*

Любовно-брачный мотив ловли воробушков встречается в свадебных величаниях. В свадебных песнях жених также уподобляется воробью. В шуточных песнях популярен мотив женитьбы воробья на галке, сове, бабе и т.д.

Брачная символика воробья представлена в приметах и гаданиях». Есть поверье: если воробей устроит себе гнездо на новой хате, то «девушка из нее вскоре выйдет замуж». В девичьих гаданиях «прилет воробья предвещает девушке молодого жениха. <...> В сонниках ловля воробья предвещает любовные отношения. Чтобы жена любила мужа, ей дают есть воробьиное сердце» [Славянская мифология, 114].

«В виде удалого гуляки, молодца, выбирающего себе девушку, молодожена» предстает воробей и «в весенних и особенно в святочных хороводах» [Славянская мифология, 114].

В настоящее время вариант хороводной песни «Полетел воробей во долину», представленный выше, исполняется фольклорным ансамблем д. Коновалово.

Бытует ли она где-либо в естественных условиях, предстоит выяснить в процессе сбора фольклорного материала.

Работа по изучению игрового фольклора в школе может быть продолжена в дальнейшем как исследовательская, связанная со сбором фольклорного материала по определенным программам и вопросникам. Детский фольклор – сфера наиболее доступная детям. Под руководством педагога, изучив азы методики собирания фольклорного материала, они могут записать варианты современных детских игр, возможно, даже труднодоступные для взрослого фольклориста-собиравателя. Материал впоследствии может быть проанализирован и обобщен научной группой учащихся, а также – опубликован в научных изданиях детского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникин* – Аникин В. П. Календарная и свадебная поэзия. – М., 1970.
2. *Виноградов* – Виноградов Г. С. Детский фольклор // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике: Учеб. пособие для филол. спец. пед. ин-тов / Сост. Ю. Г. Круглов. – М.: Высш. шк., 1986.
3. *Восточнославянский фольклор* – Восточнославянский фольклор: Слов. науч. и нар. терминологии / Ред. кол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993.
4. *Зобнин* – Зобнин Ф. Поездка на Алтай... // Живая старина. – 1898. – Вып. 3, 4. [Цит. по: Круглов, с. 127-128].
5. *Киреевский* – Песни, собранные П.В.Киреевским. Новая серия.– М., 1911. – Вып. 1 / Под ред. акад. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского.
6. *Круглов* – Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989.
7. *Мельников РДФ* – Мельников М. Н. Русский детский фольклор: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1987.
8. *Мельников РДФС* – Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.
9. *Панкеев* – Панкеев И. А. Русские праздники и игры. – М.: ООО Изд-во «Яуза», ЗАО Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 1999.
10. *Панкеев РНИ* – Панкеев И. А. Русские народные игры. – М.: Яуза, 1998.
11. *Покровский* – Покровский Е. А. Детские подвижные игры. – М., 1892.
12. *Рыбаков* – Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981.
13. *Славянская мифология* – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995.
14. *Терещенко* – Терещенко А. Быт русского народа. Ч. IV. – СПб., 1848.

15. *Тресиддер* – Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: Фаир-Пресс, 1999.
16. *Туман яром* – Туман яром: Песенный фольклор Балаганского района. – Иркутск, 1999. – Фольклор Иркутской области, вып. 4.
17. *Тэйлор* – Тэйлор Э. Первобытная культура. – СПб., 1896. – Т. 1.

*Т. Колесникова,
редактор ОЦНТД*

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ: ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИЙ К ИХ РАЗВИТИЮ

*«Совесть, стыд – гаранты моей нравственности.
Если человек потерял стыд, то это как будто
часовой покинул крепость и воры проникли
в нее. Крепость – это моя душа. А воры –
мои пороки, зло. Если человек не борется
с пороками, то он всю жизнь «питается
грязью». Грязь – это ложь, плохие фильмы,
карты, бранные слова, безответственность,
непослушание, курение, наркомания».*

(Из тетради ученика 5 класса)

Вы прочитали эпиграф и, наверное, захотели спросить, на каком уроке и в какой школе говорят с современными учениками о таких безнадежно устаревших, с точки зрения циника, нравственных понятиях. Ответим – на занятиях сравнительно нового школьного факультативного курса под названием народоведение. Вести с учениками неспешные беседы о послушании, о зависти, о тщеславии, о гордости, о блуде и о многом другом есть смысл. Особенно сегодня, в период духовной опустошенности и неопределенности, когда советской, а затем и демократической школой исчерпан идейный и нравственный запас образовательной системы, а последняя перестала удовлетворять социальные и духовные потребности изменившегося времени. И как бы ни мудрствовали одни и ни противоречили им в этом вопросе другие, помирят их все тот же самый ... эпиграф, ибо он плод умозаключений пятиклассника, окруженного, наравне с взрослыми, всем, что несет ему каждый день в его формирующееся мировоззрение – жесткая, а порой и жестокая цивилизация. Для современных педагогов значимы вопросы: как сделать понятными, запоминающимися и яркими уроки по воспитанию детей, как объединить положительные социальные воздействия по формированию у школьников ценностного отношения к миру и, наконец,

как найти свою дорожку к душе ребенка и сделать его соратником педагога. Вот и ответ на вопрос: а может ли ученик, а нужно ли это учителю.

В обычных, неспециализированных школах Иркутска, Братска, Нижнеудинска, Казачинска, Усть-Куды и других городов есть энтузиасты, которые по крупицам собирают и складывают в педагогическую копилку идеи, находки по приобщению детей к народной культуре и охотно делятся своим опытом на семинарах и совещаниях. Так, под руководством Валентины Ивановны Нечаевой, заслуженного учителя РСФСР в школе №65 г. Иркутска, школьники к Рождеству сами сочиняют величальные песни и учатся славить – не хулить! – друг друга, а в народных праздниках постигают христианские добродетели прощения, смирения и др. Учитель начальных классов школы №4 г. Иркутска Елена Васильевна Бизимова проводит в созданном ею школьном музее с убранством русской избы факультатив «Моя семья». Ее питомцы учатся народным танцам, учатся шить народные костюмы, украшения к ним, своими руками делают писанки, крашенки, пасхальные яйца, в том числе, и в современной интерпретации.

Автор неповторимых уроков «Колыбельная», «Богатырская заставка», «Кузьминки» и других – Юлия Дмитриевна Балмасова. Изюминка ее уроков в том, что она дарит ученикам идею, а они подыскивают материал. Так, при подготовке к уроку «Коса – девичья краса» возник целый альбом с репродукциями известных русских художников, ребячьих рисунков, стихов, воспевающих красую косу, и даже советов по уходу за нею. И на возникший при обсуждении темы вопрос: почему в старину растили косу, нашли дети и объяснение: своей тяжестью она помогала девушке держать осанку и отгонять злых духов.

Несомненно, факультативы по народоведению не только просвещают, но и духовно питают личность ученика. Это демонстрируют сами дети в своих творческих работах, это подтверждают и наблюдения их преподавателей.

Обратимся к практике деятельности на базе Иркутской школы №32 Школы народной культуры, отметившей в этом году свое семилетие. Как система ШНК в школе №32 формировалась постепенно и связана с именами множества людей. Начиналась школа с музыкальных занятий и праздников народного календаря. Зачинателем включения народной культуры в общеобразовательный и воспитательный процесс обычной городской школы стал Николай Александрович Казанцев, педагог-аккомпаниатор, заслуженный работник культуры. Творческий союз двух преподавателей: Николая Александровича Казанцева и Ирины Викторовны Щелкуновой, двух старейших преподавателей ШНК, сложился за три года до создания ШНК в школе №32. Позже сложился творческий коллектив единомышленников ШНК, которые работают вместе и поныне. Назовем их имена: Елена Борисовна Карпухина, Любовь Владимировна Салонина, Наталья Асатовна Воложжина, Татьяна Алексеевна Димова. Другом ШНК является Ольга Ивановна Михеева, она участница многих праздников. Их начинание получило понимание и поддержку руководства и учителей начальной школы №32. Одним из первых руководителей ШНК был Александр Дмитриевич Назаркин, региональный, региональный представитель Российского фольк-

лорного союза, Почетный работник общего образования РФ. И еще одно имя. Лилия Александровна Ладик. В течение двух лет она осуществляла научное консультирование в ШНК, держат с ней совет и сегодня преподаватели ШНК.

В самом начале разговора о народной культуре в современной школе вспоминается мимолетная, но значимая беседа во время святочных праздников с молодой мамой третьеклассницы, у которой полюбопытствовала все о том же: а нужна ли народная культура сегодня родителям, детям.

- Ваш ребенок давно в ШНК?

- Год.

- Как вы относитесь к этому ее занятию?

- Главное, что ей самой нравится. Она увлеченно лепит из глины. У нас дома целая коллекция ее работ. Мне это нравится. Я не против таких занятий.

- Будет ли связана эта ее увлеченность с будущей профессией?

- Пока она не определилась. Я хотела бы видеть ее юристом или экономистом.

Известно, что ученики младших классов восприимчивы к ярким краскам народных костюмов и к художественному языку народной вышивки, архитектурных, керамических, деревянных украшений, к хореографическому языку народных танцев, к художественно-образной эстетике народных песен. Они с удовольствием и увлеченно лепят из глины, поют и танцуют и, конечно, любят играть. Поделки в народном стиле уже в процессе их изготовления, раскрашивания становятся любимыми предметами их новых игр. Прилагая усилия, старания, они эмоционально переживают свой творческий опыт, получают радость созидания, нередко восклицая: «Это я сам сделал?!» Это указывает на органическую, естественную основу формирования образовательной, эмоциональной, художественной сторон личности ребенка. И если в действиях и поступках младших школьников эмоциональная окраска главенствует, то старшеклассники рассуждают мотивированно. Например, Владимир Мозер, ученик 8 класса школы №32 посещает, кроме ШНК, изостудию во Дворце детского и юношеского творчества. К ШНК у Володи сложился устойчивый интерес, он уже более трех лет изучает традиционную народную культуру (традиционный народный календарь, праздники, народные игры, хороводы, танцы) и народный вокал. Знания, которые он получает на занятиях дополнительного образования в ШНК, по его словам, нужны на уроках истории, литературы и других и, главное, помогают осознать свое «отличие» от сверстников, которые этой культуры не изучают. На вопрос, что может нравиться современному учащемуся в старинной народной песне, он ответил со знанием дела:

- Полифонизм. Их сложно петь. Но они интереснее и красивее современных песен.

А его однокласснице Ольге Налепе занятия «не просто нравятся».

- Мне это нужно, - говорит Ольга. – Сердце подсказывает, что это поможет в жизни. Изучая историю России, знакомясь с ее праздниками и обрядами, которые мы и исполняем сами, я чувствую состояние душевной легкости. На обще-

образовательных предметах часто учителя задают вопросы, связанные с традиционной народной культурой, чтобы сравнить, как было тогда и как сейчас. Красоту и мудрость находим в том. В ШНК я научилась шить, вышивать, расписывать глиняные предметы, рисовать на дереве, плести бусы, фенечки, гайтаны (украшения для шеи) из бисера, научилась делать разные виды круток для русского платка (у каждого костюма она своя), научилась готовить блюда русской кухни и разбираться в травах.

На вопрос, а может, все это бросить и найти современное занятие, например, изучать иностранные языки, компьютерные программы или что-либо еще, она, не задумываясь, лаконично ответила:

- Нет.

Наверное, это искусство – ненавязчиво сделать народную культуру органической частью жизни современных - окультуренных - детей. За простым интересом к русской истории и культуре стоит, согласитесь, нечто большее: формирование у юного поколения отношений между мужчиной и женщиной и почитания старших, развитие трудовых навыков и навыков различных видов рукоделия, наконец, формирование нравственно богатой личности.

- Последние два года участие третьеклассников в различных мероприятиях ШНК принесло им много благодарностей, - рассказывает Ольга Владимировна Миронова, учитель начальных классов школы №32. – В этом году еще больше детей участвует в праздниках, а наши девочки начали посещать занятия народным вокалом. Дети буквально рвутся туда, потому что интересные преподаватели понятно, по уровню детей-десятилеток, общаются с ними. Они умеют подстегнуть ребят на поиск новых знаний, дисциплинируют их. Один пример: у нас отпала необходимость ставить на учет в детскую комнату милиции одного мальчика только благодаря ШНК, его смогли преподаватели так заинтересовать, что он забыл о своих опасных проказах.

В ШНК особая система взаимозависимостей педагогов. В ней каждый занимается своим делом. Например, Наталья Асатовна Вологжина учит играть и танцевать, Татьяна Алексеевна Димова обучает керамическому искусству, Ирина Викторовна Щелкунова преподает основы традиционной народной культуры, Елена Борисовна Карпухина – народный вокал. Но все они объединяют свои усилия в подготовке традиционных народных праздников - Святков, Масленицы, Святой Пасхи, Спожинок и др.

- Теперь при составлении сценариев праздников мы ставим задачу, чтобы праздник был не развлечением с играми и весельем, а чтобы он прежде всего воспитывал, - говорит руководитель ШНК Любовь Владимировна Салонина, педагог дополнительного образования, учитель изобразительного искусства с элементами художественной росписи. – В нашей школе №32 общее направление учебно-воспитательного процесса – традиционная народная культура. Пред учителями-предметниками стоит задача – вкраплять в свои уроки элементы народной культуры. Мы участвуем в проведении интегрированных уроков. Например, в интегрированном уроке по деревянному зодчеству и традициям

уклада сибирского крестьянского дома, ребята рассказывали, как завоевывалась Сибирь, как появлялись поселения и складывался быт, каким был дом и какой вид ремесла преобладал. Был проведен интегрированный урок по русской свадьбе и др. В нашей школе традиционно проводится фестиваль стран, на котором учителя истории в театрализованной форме представляют исторические события и лица русской истории. Мы надеемся, что получив представление о народной культуре, ребенок не будет к ней относиться презрительно, потому что в детстве он этот «кусочек» прожил и ему было хорошо в нем. Когда он столкнется с этим во взрослой жизни, он подумает над его смыслом.

Формы включения детей в народную культуру разные: от обычных репетиций до конкурсов и фестивалей, общешкольных и городских. Но и это не главное. А в том суть постижения культуры детьми, что они эмоционально проживают момент соприкосновения с традициями. И поле деятельности педагога тут особое – душа ребенка. И задача особая у него – подготовить душу ребенка для восприятия народной культуры. Размышляя над этим вопросом, преподаватели ШНК мыслят и конкретно, и масштабно:

- Не может человек считаться образованным, если он не знает, какой народ ему дал образование, - говорит Любовь Владимировна Салонина. А Елена Борисовна Карпухина, продолжая тему, преломляет ее через народный вокал: - Через себя, через свою энергетику работаешь. Передаешь им часть своего восприятия, своего отношения еще и посредством технических исполнительских моментов, а при исполнении песни у них появляется свое ощущение и свое отношение.

Как бы ни рассуждали мы по данной теме – широко ли, узко ли – практика дает один результат: раскрываются творческие возможности ребенка.

- На уроках рисования учу ребят писать сразу кистью без карандашного наброска. Замечу, - продолжает Л. В. Салонина, - что дети других школ так не умеют работать. Об этом сужу по новичкам нашей школы. Убеждена, кисть обязывает и приучает детей работать быстро, четко, конкретно. На первый взгляд, кисть сковывает, но, в то же время, и раскрепощает, потому что изначально учу детей из любой погрешности сделать красивую форму. Изучая на уроках рисования особенности гжели, филимоновской, дымковской игрушки или городецкой росписи, я даю задание учесть их в своих работах. Например, в хохломе есть ограничения: используются только цвета красный, желтый, черный, зеленый и завитки (кудрявый растительный узор). Это базовые знания ребенка о хохломе. А он может сделать, например, рыбку, или петушка, или ягодку, или растительный узор, но непременно с закручивающимися линиями. При сохранении в своих композициях основных элементов той или иной росписи всегда у ребят получается нечто новое, так как полученную информацию ребенок перерабатывает по-своему.

Занятия народной культурой в школе носят не только просветительский характер, но и отвечает исконной природе русского человека. На это свойство указывает наблюдение преподавателя народного вокала Елены Борисовны Карпухиной о воспитательном значении народного пения:

- Значение – в соборности. Коллективность, чувство локтя, чувство восприятия друг друга воспитывается и достигается пением именно на психологическом, подсознательном уровне. Замечу, что восьмиклассники, которые приходят ко мне на занятия, это ребята одной компании, они друзья, вместе они на уроках, на переменах, во внеурочное время. Они так и пришли в ШНК один за другим. Наш род деятельности, - заключает она, - сегодня превращается в искусство.

Школа народной культуры в школе №32 начала свою деятельность с эксперимента по возрождению народной культуры и воспитанию у школьников любви к творческому наследию своего народа. Эксперимент давно успешно завершен, но осталось большое дело - «живая нива» народной культуры. Этому и посвятили себя преподаватели. Сегодня они признаются, что переживают кризис. Но поиск новых принципов работы продолжается ими и ставка делается на «оживление» фольклора:

- Раньше мы работали на зрелищность мероприятий, используя театральность. Этот элемент должен сохраняться и в будущем, - считает Елена Борисовна Карпухина. – Но надо уходить в фольклорные формы, например, посиделок, игрищ, где бы не было зрителей, потребителей действия и все были бы участниками, творцами его.

Школа народной культуры в педагогической среде достаточно известна. О ней знают по конференциям, ярмаркам, выставкам. А теперь еще – и по семинарам, на которые съезжаются специалисты дошкольных учреждений, учителя начальных классов, психологи и другие специалисты образовательной системы из всей Иркутской области. Семинары организуют Комитет по делам молодежи администрации Иркутской области и Общественный фонд храма во имя прп. Сергия Радонежского. Семинары невозможны без личного участия Лилии Александровны Ладик. Они неизменно вызывают заинтересованный разговор специалистов. Деятельность преподавателей ШНК получает их высокую оценку: Школу народной культуры называют «педагогией национального спасения». Студенты Иркутского государственного педагогического университета стали постоянными слушателями семинаров. О значении деятельности ШНК школы №32 спросим у старшего преподавателя кафедры дошкольной педагогики и психологии ИГПУ Галины Владимировны Воробьевой:

- Известно, что для сохранения культурной идентичности со своим народом с самого раннего возраста ребенок должен включаться в естественную этническую среду. Уже в дошкольном возрасте формируются национально-этническое притяжение, чувство духовной «оседлости», привязанности к родным местам. Активизация процесса возрождения культурно-исторического наследия различных этносов в России повышает интерес к народной педагогике с ее мудрым выверенным столетиями опытом воспитания. Появление в этой ситуации инновационных дошкольных образовательных учреждений, отражающих поиск путей реализации принципов народности и регионализации, обостряет потребность в педагогических кадрах, способных в своей работе опираться на традиции народной педагогики, ее воспитательную практику, на осмысление общечеловеческих цен-

ностей. Не случайно в учебные планы по подготовке специалистов дошкольного профиля включены такие предметы, как этнология, этнопедагогика.

При чтении этнопедагогике остро ощущаешь дефицит знаний и умений практической направленности. И в этом плане хочется выразить слова благодарности сотрудникам школы народной культуры. Участвуя в работе семинаров, подготовленных творческим коллективом Школы, познаешь все многообразие народной культуры: словесное, музыкальное, рукотворное; приобретаешь знания и умения по созданию этнической среды. Благодаря таким энтузиастам, как Н. А. Казанцев, Е. Б. Карпухина, Л. В. Салонина, Н.А. Вологжина, И. В. Щелкунова, Т. А. Димова, получаешь наслаждение от истинного народного раздольного пения, получаешь уроки о своеобразии народных игр и хороводов, научаешься методике их разучивания.

Особое внимание привлекает такой аспект их деятельности, как проведение фольклорных праздников с детьми, - продолжает Галина Владимировна. – Педагоги часто затрудняются в отборе содержания праздников, а коллектив Школы представляет участникам семинара разработки календарных праздников. Л. А. Ладик, фольклорные ансамбли «Горлица» и «Каравайцы» – желанные гости в студенческих аудиториях. На высоком профессиональном уровне они знакомят с народным творчеством, что, безусловно, является существенным вкладом в этнопедагогическую подготовку студентов педуниверситета.

Позволю себе поделиться впечатлением. В школе №32 я была на двух семинарах, общалась с преподавателями ШНК, знакомилась с литературой по данной теме. Кризис, о котором говорят сами преподаватели, скорее, нужно именовать иначе – паузой на осмысление. И вызвана пауза – новым – ощущением – себя – сегодня. Дважды на семинарах возникали ситуации очевидного противоречия между элементами языческими в народной культуре и православным сознанием русского человека. Образы народной культуры интересны для современников как образец эстетики, поэзии. А гадания, мистическое общение с духами, предсказания судьбы, суеверия противоречат христианскому мировоззрению. Именно поэтому перед педагогами стоит трудная задача выбора из кладовой народного фольклора. При этом не стоит забывать, что русский народ православный по духу и такой выбор стоит определять согласно христианскому пониманию возвышенного назначения человека на земле.

Готов ли современный человек вместить оба пласта общественного сознания: языческого и религиозного? И здесь встает существенный вопрос отношения к религии. Одни к ней относятся резко и категорично, другие сочувственно, а третьи верят. Одни родители открыто заявляют о своем безбожии: «Я против веры в Бога, - заявил один из них на родительском собрании и продолжил: - Есть давление, внушение. Почему у ребенка возникают вопросы о Боге?» Ему же возражает другая категория родителей, усматривающая в этом «возрождение народных традиций». Могу заверить этого родителя, что никакого давления и внушения на ребенка мною на занятиях не замечено. Высказывания мамы третьеклассницы и старшеклассников тоже служат ответом этому родителю. А

то, что добро – внушаемо, так это не беда. Но благо. Если тоталитарному психозу «оттянуться со вкусом» и прочему противостоит хоть кто-то и что-то, кому от этого будет худо. Как же современная педагогика определяет свое отношение к религиозной, а, вернее сказать, к духовной стороне – одной и единой, подчеркнем, - народной культуры?

- Мы берем те традиции, - говорит Любовь Владимировна Салонина, - которые формируют нравственность ребенка, и опираемся в этом на православие. Только мы этого не подчеркиваем. Иначе, как жить в стране, культура которой имеет православную основу?! Наши занятия открыты для посещения родителями. А если родители не готовы к православному наполнению народной культуры, то это не значит, что мы не должны говорить с детьми о православии. Странно, что родителей не возмущает, что их ребенку во всякого рода рекламной продукции предложили покурить выпить пива и прочее... Мы берем обряд, традицию народную, чтобы показать проявление заботы о родителях, о детях, показать отношение мужчины к женщине, показать то, чем традиционно занимался мужчина в доме, а чем женщина. Например, мы не говорим ребятам, что в Рождество Христово пели колядки в честь Коляды. Мы понимаем, что празднуется Рождество не – Коляды, а Иисуса Христа, и потому поются христославные песни, а по старинке они называются колядками.

- В народной педагогике, - продолжает разговор старший преподаватель кафедры дошкольной педагогики и психологии ИГПУ Галина Владимировна Воробьева, - религия всегда являлась фактором воспитания, строжим в формировании духовности личности. Научная педагогика многие положения, особенно по нравственному воспитанию, заимствовала из религиозных учений. Жизнь многосложна, демократия в любой сфере, особенно в сфере религиозного воспитания, немыслима без плюрализма мнений, взглядов, убеждений, поэтому неслучайно возникают дебаты по вопросу соотношения язычества и религии в народной культуре. Сегодня начинают понимать, что религия – величайший пласт человеческой культуры и, как выразился известный ученый Г. Волков, «В отрыве от нее мы строим ненадежный, непрочный дом духовности». В связи с этим, я полагаю, чтобы быть истинно правдивым и не исказить отечественную историю, педагог должен знать и осмысливать воспитательный потенциал язычества и христианства, те традиции, обряды, ритуалы, которые способствовали развитию полноценной личности. Гораздо страшнее, когда вера в Бога становится модой и педагоги пытаются примитивно, не понимая и не осознавая символов веры, втолковывать это детям.

Использование фольклора, национальной народной культуры и духовного наследия сегодня переходит из разряда экспериментальных проектов и становится частью учебного общеобразовательного плана и новой программы воспитания в современной школе. Если все эти могучие ветви человеческого сознания вместе будут приводить молодое поколение к пониманию уникальности человеческой природы, возвышенного назначения человека на земле, будут подчинять душе – телу и духу – душе, по христианским канонам, то, как сказала на самом первом семинаре ШНК Благодичная монахиня Илария: «Можно

делать все. Но смотри, полезно ли оно». Этим простым и одновременно сложным, универсальным правилом, видимо, нужно сегодня руководствоваться тем, кто от возрождения русских национальных традиций уже перешел к их развитию.

И в этой связи позволим себе еще одну цитату известного русского философа и богослова В. В. Зеньковского, чьи научные идеи после долгого забвения вновь возвращаются в педагогику 21 века. Он писал: «Дело идет не о внешнем соединении школы и церкви, а о глубоком, внутреннем их сближении, а его нельзя творить только в школе, церковную культуру нужно творить во всем объеме нашей жизни в миру»⁵.

*А. Назаркин,
директор фольклорного клуба,
г. Иркутск*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОПЕДАГОГИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Известно, что в отличие от всех других животных существ, которые обретают свою природу вместе с появлением на свет, человеком можно только стать. Каждый представитель нового поколения людей лишь постепенно обретает образ человеческий в процессе широко понимаемого образования, в котором участвуют семья, общество, государство, церковь, многообразные общественные институты, различные организации, в том числе школа. Напоминаю эту общеизвестную истину, чтобы с определенностью выделить предназначение школы.

По определению министра общего образования В. М. Филиппова, оно состоит в гуманизации, одухотворении подрастающих поколений, в приобщении к высшим духовно-нравственным ценностям. Справляется ли сегодня наша система образования с этим своим предназначением?

Выступая на седьмых Рождественских чтениях 24 января 1999 года в Москве, министр откровенно признает, что нет, не справляется.

Нынешний политический и социально-экономический кризис, угрожающий самому существованию России, не был бы так опасен и продолжителен, если бы не усугублялся кризисом духа, кризисом воспитания, кризисом человека. Понимая это, многие политики и общественные деятели видят выход из создавшегося положения в поиске национальной идеи России, ибо будущее нашего Отечества, в первую очередь, зависит не столько от инвестиций и новых технологий, сколько от духовно-нравственного потенциала молодежи, от ее доброты, честности, справедливости, трудолюбия, от ее способности и стремления к бескорыстной заботе о ближних и беззаветной любви к своей Родине.

⁵ В.В.Зеньковский. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – Издательство Свято-Владимирского Братства. Москва, 1993.Стр. 171.

В начале XIX века министром народного просвещения С. С. Уваровым была сформулирована национальная идея в знаменитой формуле «православие – самодержавие – народность». С поправкой на историческое время, нынешний президент Российской Академии образования Н. Д. Никандров предлагает частично изменить эту формулу «православие – государственность – народность». В мою задачу не входит обсуждать этот тезис, это сфера публичных политиков с их состязанием партийных установок и программ. Мои чаяния касаются народности. При всей сложности толкования этого понятия, для меня это, прежде всего – понимание, что в возрождении России (духовном, социальном, экономическом) мы должны надеяться и опираться на народ, на его мудрость и нравственность, на его лучшие традиции.

Отсюда полагаю, что в теории и практике воспитания подрастающего поколения должна произойти коррекция целей воспитания, от идеальной (формирование гармонически всесторонне развитой личности) к реально достижимой цели воспитания (формирование базовой культуры личности).

Традиционная культура каждого народа уникальна и необъятна. Тысячелетиями складываются мировоззрения, жизненный уклад, нормы поведения, искусство и ремесла народа. Историческое время и повседневная жизнь отсеивают все, что противоречит экологическим, климатическим условиям, складу национального характера и здравому смыслу. В глубинах народного бытия рождались неписанные правила, формировались законы сохранения здоровья народа, продолжения рода, его обращенность в будущее.

Возрождение национальных традиций, как в быту, так и в сфере образования, будет способствовать развитию самосознания личности и общества в целом.

Собственный опыт работы с детьми в качестве руководителя детского этнографического ансамбля, руководителя программы «Школа народной культуры», к реализации которой в конце 80-х годов приступил Иркутский фольклорный клуб, обмен мнениями и опытом с коллегами по Российскому фольклорному союзу, с учеными на ежегодных Российских Виноградовских чтениях «Дети и народная культура» - все это приводит к мысли о необходимости «ликвидации безграмотности» в сфере национальной жизни.

В этом направлении нами сделаны определенные шаги в разработке методик и программ, прошедших апробацию в работе с детьми в детском саду №136, а затем и в общеобразовательных школах №32 и №66 г. Иркутска. Реализация программы «Школа народной культуры» - это социально-педагогический эксперимент, утвержденный городским департаментом образования.

В ходе эксперимента мы провели ряд исследований по самоидентификации личности (осознание своей национальности) у родителей и учителей, призванных заниматься вопросами воспитания в семье, в школе, окружающей среде.

В опросе приняли участие 97 родителей.

Анализируя ответы, можем сделать выводы:

- Большинство родителей психологически относят себя к русской национальности, русской культуре, хотя в их родословной имеет место смешение разных национальностей;
- Большинство родителей знают своих предков до 3-го поколения, и лишь немногие – до 4-го.

При этом одна родительница сетует на то, что «у бурят сильно сохранение национальных традиций, а русские их растеряли». Здесь идет речь о благородстве (благое родство), т. е. Благо осознавать свою связь с предками.

На вопрос «Как вы думаете, чему способствует осознание своих корней?», мы не предполагали отрицания.

Но, тем не менее, 16% родителей ответили «не нужно такое осознание; ничему не способствует». И это настораживает.

Хотя 84% родителей все же утверждают о необходимости осознания своих корней и выдвигают доводы, что дает это осознание:

- Осознание семейных и национальных традиций,
- Сохранение памяти, культуры,
- Уважение к родственникам, старшим, другим людям,
- Осознание своего места в мире,
- Чувство собственного достоинства, самоуважение,
- Знание истории страны и своей семьи,
- Формирование национального характера.

Мы попросили родителей определить: «Какие черты характера вы считаете национальными?», и предположить – «Какими чертами характера будет обладать ваш ребенок?»

Анализируя ответы, мы можем предположить существующее рассогласование между представлением обобщенного образа человека своей национальности и собственной «Я» - Концепции».

Дети, по мнению родителей, будут добрее, любознательнее, терпеливее, аккуратнее и упорнее своих родителей, будут такими же трудолюбивыми, как их предки, но менее гостеприимные, менее общительные и ответственные, чем были их бабушки и дедушки и являются сейчас их родители.

Учитывая, что на эти вопросы последовательно ответили менее половины родителей, мы делаем выводы о недостаточно высоком уровне осознания своей национальности у поколения современных родителей.

Анализ ответов показал, что процесс воспитания во многих семьях протекает неосознанно, стихийно.

Опрос же учителей показал довольно высокий уровень национального самосознания, а на один из принципиально важных вопросов – «Нужно ли вашей шко-

ле идти по пути формирования модели культурологической русской школы?», большинство учителей – 82% ответили – «Нужно».

Современному обществу нужны ценностные ориентиры. Эта проблема в обновившемся государстве приобретает особое значение. Школа как часть государственной структуры должна разработать программу этнопедагогического образования с учетом регионального компонента. Цель программы – выражать интересы всего человеческого сообщества, регулировать нравственные отношения между людьми.

Проблемы этнопедагогического образования необходимо рассматривать, прежде всего, через интегрированный подход с междисциплинарным характером, где этнопедагогические аспекты исследуются посредством философско-исторических, нравственно-социальных и культуроведческих направлений.

Несколько слов об авторе этого материала

Сегодня все больше молодых специалистов и энтузиастов включаются в работу по воспитанию подрастающего поколения на национальных и культурных традициях края. Многие начинают это, что называется, по наитию, по крупицам накапливая материал и обогащая свой опыт. А между тем практиками разработаны программы такого воспитания. Одну из них предлагаем вашему вниманию. Это программа «Школа народной культуры» Александра Дмитриевича Назаркина, регионального представителя Российского фольклорного союза, почетного работника общего образования РФ. Программа стала победителем областного конкурса детских и подростковых клубов по месту жительства и отмечена грантом I степени Администрации Иркутской области в 2000 году. Реализована в клубе «Слобода» в 1997 - 2000 годах при школе №66 г. Иркутска.

Известный фольклорист, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора ОЦНТД по научно-исследовательской работе Галина Витальевна Афанасьева-Медведева дала этой программе следующую оценку: «Она носит концептуальный характер: направлена прежде всего на развитие интеллектуальной, нравственной сферы личности, на освоение учащимися традиционной народной культуры – одной из важнейших источников гуманистических целей, которые способны умножить, укрепить духовное состояние, нравственность как отдельного человека, так и всего общества в целом».

КОНЦЕПЦИЯ

Деятельности Клуба «Слобода» по реализации программы «Школа народной культуры»

1. Общая стратегия деятельности Клуба.

Клуб видится как материальная и духовная база для создания особой эстетической среды, в которой происходит психологическое «погружение» в мир народного творчества. Это общественно важный центр – объединение педаго-

гов, родителей, детей на почве постижения народной культуры в самых разных ее проявлениях.

Приобщение детей к основам традиционной национальной культуры, понимание связей фольклора и профессионального искусства, изучение языка разных видов народного творчества (поэтического, музыкального, хореографического, изобразительно-прикладного) и вовлечение детей в самостоятельную творческую работу на этой основе будет способствовать развитию эстетического чувства, которое поможет им в дальнейшем определять цену и место разных пластов культуры, «не сотворять себе кумира», что часто ведет к нравственной неразборчивости.

Еще одна важная идея лежит в основании Клуба: надо предоставить ребенку органичные для его возраста формы эмоционально-духовной жизни, организовать творческий досуг, что имеет воспитательное значение и для детей, и для родителей. Учитывая детскую творческую универсальность, в Клубе каждый ребенок будет заниматься и пением, и хореографией, и игрой на народных музыкальных инструментах, будет иметь возможность попробовать себя в разных народных изобразительно-прикладных искусствах и ремеслах.

У детей среднего и старшего возраста появляется потребность более точного определения и стабилизации интересов. Поэтому для них предполагается возможность перейти в систему факультативов, выбрав определенную специализацию в виде фольклорных ансамблей или мастерских, углубляться в изучение проблем фольклористики и этнографии, взаимосвязей фольклора и разных видов классического и современного искусства. Предполагается возможность для родителей заниматься в факультативах и мастерских, участвовать в концертах, праздниках и выставках, вместе с детьми работать в фольклорных экспедициях, посещать музеи, выставки, концерты народных и профессиональных исполнителей.

Вся эта разнообразная деятельность клуба будет способствовать выработке у детей привлекательных человеческих качеств, нравственных установок, эстетического вкуса и потребностей, а взрослых, которые до этого не понимали эстетической и нравственной ценности народного искусства, через творческую деятельность собственных детей заставит пересмотреть свою точку зрения.

2. Задачи развивающего обучения.

Опираясь на фольклорное наследие, педагоги видят свою задачу в организации условий для игровой деятельности как фактора детского развития, полного раскрытия творческих способностей:

- Увеличение игрового времени в системе досуга, минимизация конфликтных форм межличностного взаимодействия детей, гармонизация половозрастных отношений;
- Воспитание положительных свойств личности, обучение этикету общения и владению родным языком (через былинку, сказку, песню на примере любого идеального героя устного народного творчества);

- Развитие детского музыкального мышления, детской песенности, речевого и мелодического интонирования, через исполнительскую практику на фольклорных материалах;
- Знакомство детей с материалами и техникой, традиционно-образными мотивами народной игрушки, подтолкнуть учащихся к самостоятельному творчеству;
- Знакомство детей с элементами праздничной народной культуры, как средством общения и формой сохранения единства народа.
- Опыт исследования традиционной культуры и применение его в жизни поможет нашим детям сохранить здоровье, укрепить его, подготовиться к будущей жизни, к роли рачительного хозяина (хозяйки, мужа, жены, отца, матери).

Все это полностью соответствует программным целям, главной из которых является развитие личности, у которой было бы сформировано ценностно-эмоциональное отношение к историко-культурному наследию. Поставленной цели служит задача формирования исторического сознания личности, под которым понимается осознание человеком своего положения во времени и в пространстве, своей связи с прошлым, настоящим и будущим.

Программа также предполагает:

- изучение, освоение и воссоздание фольклорной песенной и танцевальной традиции нашей области с демонстрацией достижений на городских и областных смотрах, концертах, фестивалях;
- научную работу учащихся по собиранию и обработке регионального историко-краеведческого и фольклорно-этнографического материала, что создает перспективу сделать первые самостоятельные наблюдения и опыты, которые лягут в основу написанных ими докладов и сообщений для участия в научно-практических конференциях в районе, городе, области, России.

Положение

О Клубе «Слобода» при школе №66

1. Общие положения

Клуб – образовательное учреждение разноуровневого обучения, ориентированное на обучение и воспитание детей с учетом уровня развития, представляющее всем учащимся равные возможности в выборе обучения в соответствии со своими склонностями, способностями и интересами. Клуб осуществляет свою деятельность в соответствии с Законом РФ «Об образовании», Уставом школы и настоящим Положением.

2. Основная цель и задачи

2.1. Клуб через реализацию программы «Школа народной культуры» осуществляет обучение, воспитание, развитие интеллектуальной, нравственной, духовно здоровой личности, творческого человека, связанного с общественными идеалами и русской национальной культурой.

2.2. Создать общественно важный центр-объединение педагогов, родителей, детей на почве постижения народной культуры в самых разных ее проявлениях. Создать творческую почву для формирования общих культурных интересов и близости между поколениями.

2.3. Способствовать выработке художественных потребностей и вкуса детей через их собственную художественную деятельность в разных областях народного искусства (поэтического, музыкального, хореографического, изобразительно-прикладного).

2.4. Обеспечить сотрудничество с учреждениями и предприятиями, способствующими приобретению навыков и знаний, необходимых в будущем для получения профильных специальностей.

2.5. Осуществлять совместно с Иркутским областным институтом повышения квалификации работников образования и Иркутским фольклорным клубом научно-педагогическую и опытно-экспериментальную работу по обновлению содержания образования, совершенствованию педагогических технологий.

Структура деятельности Клуба

Клуб обеспечивает формирование базовой национальной культуры через систему воспитания и обучения, состоящих из следующих ступеней:

- 1 – дошкольное воспитание и образование;
- 2 – начальная школа;
- 3 – среднее звено школы;
- 4 – старшее звено школы.

I ступень. Дошкольное образование. Включение Клуба в деятельность детского сада. В старшей и подготовительной группах идут занятия по следующим направлениям:

- Познавательная деятельность;
- Музыкально-эстетическая;
- Знакомство с обрядами и обычаями русского народа.

II ступень. Начальная школа (1 – 4 классы). В младших классах идет практическое освоение навыков фольклорного исполнительства и элементов народной хореографии, овладение различными видами традиционного мастерства через:

- Устное народное творчество;
- Художественную роспись;

Керамику;
Театрально-игровую деятельность;
Праздники народного календаря.

3 ступень. Среднее звено школы (5 – 8 классы). В средних классах на основе преемственности результатов предшествующего периода переход в систему факультативов и специализации в виде ансамблей и кружков:

Изобразительное искусство;
Народная игра и игрушка;
Народная хореография;
Фольклорный ансамбль;
Этнографические экспедиции.

Сосновская И.В.
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы ИГПУ, г.Иркутск

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В ШКОЛЕ

Сказки о животных

Сказки были и остаются любимыми произведениями младших и средних школьников. Жизнеутверждающая идея сказок, их оптимизм вызывают у детей ответные чувства. Сказка удовлетворяет потребность детей увидеть и почувствовать добро, красоту, справедливость, счастье. Кроме этого сказка покоряет богатством вымысла, удивительным переплетением фантастического и реального, что особенно нравится детям.

Чем привлекательна сказка для ученика?

Во-первых, отсутствием дидактики, нравоучений. Несмотря на известную всем нам формулу "уроки сказки", сказка никогда не учит, как жить. Лобовых уроков сказка не дает никогда. Этим, кстати, она отличается от басни. Самое большое, что может "позволить себе" жанр сказки – это намек на то, как лучше поступать в той или иной жизненной ситуации.

Во-вторых, привлекает сказка образностью и метафоричностью языка. Сказка – кладезь мудрости. В сказочных сюжетах зашифрованы ситуации и проблемы, которые переживает в своей жизни каждый человек.

В-третьих, очень важно то, что сказка дает ребенку чувство психологической защищенности. Сказке свойственно четкое разделение добра и зла. Признак настоящей сказки – хороший конец. Оказывается, что все испытания, которые выпали на долю героев, были нужны для того, чтобы сделать их более сильными и мудрыми. С другой стороны, ребенок видит, что герой, совершивший пло-

хой поступок, обязательно получит по заслугам, а герой, который проходя через все испытания, проявляет свои лучшие качества, обязательно вознаграждается. В этом заключается закон жизни: как ты относишься к Миру, так и он к тебе.

И, наконец, привлекательно то, что волшебным сказкам всегда свойственен ореол тайны и волшебства. Сказка, как живой организм, – в ней все дышит, в любой момент может ожить и заговорить, даже камень. Эта особенность сказки очень важна для развития психики ребенка.

Итак, сказка многогранна, как сама жизнь. Именно это всегда привлекало к ней внимание ученых – методистов и учителей

Начиная с 1933 года русская народная сказка завоевывает прочное самостоятельное место в школьных программах. Однако, пристальное внимание методистов всегда привлекали волшебные сказки. Им отводится большее место в школьных программах и учебниках. Мы же обратимся к сказкам о животных – наиболее древним из сказок, в которых сохранились отголоски еще тех времен, когда племена первобытных людей считали различных зверей и птиц своими предками или покровителями.

"Сказки о животных - отражение анимистических и антропоморфических понятий и представлений, приписывающих животным способность думать, говорить, разумно действовать"[5,11].

Но сказки в привычном понимании этого термина появились не сразу. Им предшествовало бытование особых рассказов, которые давали советы, учили, как надо относиться к птицам, зверям; также "животные, прежде чем сделаться персонажами откровенно вымышленных историй, занимали почетные места в религиозных мифах"[1, 46].

Некоторое сходство с вышеупомянутыми произведениями имеет лишь сказка "Медведь - липовая нога", где люди едва не поплатились за то, что не оказали должного почтения медведю.

Позже, когда культ животных стал отмирать, звери и птицы перестали являться тотемами, а люди уже не боялись животных, появились произведения, содержащие ироническое изображение повадок животных, а также послужившие основой для формирования сказок о животных как таковых.

Конечно, животные в поверьях и животные в сказках весьма различны. Это отмечает в своей книге и Б.И. Турьянская [5, 11]; сведения, приводимые ею, можно представить в виде следующей таблицы, с которой можно познакомиться и учащимся.

В поверьях

В сказках

Медведь –

"дедушка", хозяин, выручает из беды; достаточно глупое животное.

Волк –

страшен, умен, коварен;

нет такой беды, куда бы
он не угодил,
его легко обмануть.

Лиса-

"оберега";

откровенная насмешка, она хитра
и бессовестна.

В животном эпосе любого народа преобладают дикие животные, в русском эпосе - животные леса. Домашние животные появляются в соединении с лесными, а не как самостоятельные персонажи.

В.Я. Пропп также отмечает, что "сказка о животных создавалась тогда, когда обман не только не был предосудителен, но представлял собой одну из форм борьбы за существование. В центре животного эпоса стоит хитрое животное, всех превосходящее и всех побеждающее"[4, 314].

В центре русского животного эпоса, таким образом, находится лиса (В.Я. Пропп отмечает аналогичных героев у других народов: норка - у североамериканских индейцев, ворон - у чукчей"[4, 314]), причем эти животные уже никак не являются тотемами.

Иногда приходится сталкиваться с точкой зрения, что образы животных стали восприниматься как иносказательные изображения человека. ("Животные обычно не более, как условные носители действия... Правда, до некоторой степени животные действуют согласно своей природе"[4, 301]). С правильностью подобного восприятия соглашаются не все исследователи-фольклористы. В частности, Н.М. Ведерникова отмечает в своей книге "Русская народная сказка": "В том-то и сложность художественного вымысла сказок о животных, что за действиями лисы, волка, петуха, строящимися по аналогии с поступками людей, предстают именно волк, лиса, петух. Перенесение образов, конфликтов целиком в сферу реальности может привести к обеднению и неверному пониманию сказки как аллегории, основывающейся на отвлеченных характеристиках и однозначности толкования образов" [3, 79].

И, действительно, в сказке не может не быть фантастики, сущность же фантастики, сущность же фантастического составляют взаимоотношения героев - говорящих и думающих животных [3, 84].

Теперь же, говоря о взаимоотношениях героев, следует сказать о композиции сказок о животных.

"Сказки о животных строятся на элементарных действиях, лежащих в основе повествования, представляющих собой более или менее ожидаемый или неожиданный конец.. ." [4, 310].

В.Я. Пропп, например, подразделяет сказки о животных по особенностям их композиции на два типа [4, 310].

К первому типу он относит сказки, строящиеся по схеме: "завязка -развитие -развязка" (например, "Лиса и журавль", "Журавль и цапля").

Большинство же сказок о животных относится, по мнению исследователя, ко второму типу - это сказки, не обладающие сюжетной самостоятельностью, а имеющие некоторую особую присоединяемость событий (как пример В.Я. Пропп приводит мотив поедания животными друг друга в сказке "Звери в яме").

Несколько иначе пишет о композиционном строении сказок о животных в книге "Русская народная сказка" Н.М. Ведерникова [3, 83], разделяя эти сказки на одноэпизодные (например, мотив "битый небитого везет" в сказке "Волк и лиса"), а также сказки с контаминацией сюжетов (например, сказка "Лиса и волк" в целом).

Приведем еще одну цитату из монографии В.Я. Проппа "Русская сказка": "В сказках о животных единство не может быть установлено. Композиция их разнообразна, во всяком случае сейчас никакого единства мы не видим." [4, 309].

Что же обеспечивает разнообразие композиции сказок? Естественно, не отсутствие/присутствие завязки или развязки. Но вот время и место, где и когда происходит действие, - это те категории сказки, благодаря разнообразию которых достигается и разнообразие композиции.

Различны ситуации, лежащие в основе действия сказок о животных. Приведем несколько примеров.

"Бежала лисица, на ворон зазевалась - и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить - тоже. Сидит лиса, горюет" ("Лиса и козел").

"Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, спрятала в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда - головы из кувшина вытащить не может" ("Лиса и кувшин").

"Жили-были медведь и лиса. У медведя в избе на чердаке была припасена кадушка меду. Лиса про то свела. Как бы ей до меду добраться?" ("Медведь и лиса").

А коль различны начальные ситуации, то и действие далее может развиваться по-разному, включая в себя самые различные эпизоды. При этом, повествуя о дальнейших событиях, сказки используют определенные художественные средства.

Редко в русских народных сказках о животных встречаются эпитеты - казалось бы, наиболее часто появляющиеся в произведениях русского народного творчества художественные средства. Хотя, конечно, и их можно отыскать. Например, в сказке "Волк и козлята" используются эпитеты, характерные для различных произведений русского фольклора: "*Уходила коза в лес есть траву шелковую, пить воду студеную*". Практически не встретишь в сказках о животных и метафор или олицетворении. Но тем не менее особая привлекательность сказок о животных неоспорима. В чем же их секрет?

В сказках о животных нередко встречаются песенки. Их функция - отнюдь не только развлечение слушателей. Именно они во многом придают особую пре-

лесть сказке. О песенках из русских народных сказок о животных мы подробнее скажем ниже, пока вспомним еще один интересный прием, используемый в сказках данной группы - повторы.

Обратимся к сказке "Лиса, заяц и петух". Кто выгоняет лису из избушки зайца? Петух. (Здесь, конечно, безусловный нонсенс: в жизни ведь петух никогда не окажется сильнее лисы, но перед нами - сказка.) Правда, к петуху зайчик обращается не сразу; прежде его беде пытаются помочь собака, медведь, бык... Случайно ли на дороге зайчику попадались перед этим другие животные, а не петух? Конечно, нет. Ведь в том-то и интрига сказки: показывается, как нагнетаются события и уже как будто никто не может помочь зайчику - и вот приходит уже почти неожиданное спасение.

Такой эффект, вызываемый многочисленными повторами, используется и в сказках кумулятивных - сказках, в какой-то степени близких сказкам о животных (неслучайно ученики нередко называют сказками о животных "Колобок", "Теремок" и пр.), но в то же время составляющих особый пласт русских народных сказок. Но особенности кумулятивных сказок мы рассмотрим чуть позже, а в заключение разговора о сказках о животных скажем об их стиле.

Очень точно пишет о стиле русских народных сказок о животных в статье-предисловии к сборнику "Русские народные сказки" В.П. Аникин. Приведем некоторые из его суждений. "И в стиле, и в языке выразился особый склад русской народной сказки" [2, 7]. В сказке "Лиса-исповедница", например, мы читаем: *"Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, вошла на двор к мужику и полезла на насест к курам."*

На первый взгляд, очень просто сказано, но "как характерны эти обороты, они отмечены таким своеобразием, что нельзя заменить ни одного слова другим, ни одного из них нельзя переставить на другое место без риска утратить своеобразие стиля" [2, 7].

Действительно, попробуем сказать иначе: "Как-то лиса проходила всю осеннюю ночь голодная. На рассвете она пришла в деревню и влезла в курятник". Содержание то же, а сказки уже нет: она "исчезла, как пропадают узоры на крыльях бабочки, когда к ней прикасаются пальцами" [2, 8].

Буквально в каждом слове, обороте мы не можем не почувствовать особую манеру сказывания. "Почти незаметно, по крупницам, в стиле и смысле сказок оттеняется их своеобразие, но оно в итоге и создает впечатление народной неповторимости сказок" [2, 8].

А теперь еще раз отметим особенности русских народных сказок о животных, а именно:

1) сказки о животных, как наиболее ранние по происхождению, отразили взгляды древних славян на мир, а также изменения в общественном сознании;

2) герои сказок о животных составляют достаточно узкий круг персонажей, причем "взаимоотношения" героев-животных могут быть как основанными, так и не основанными на "жизненной правде";

3) композиционное построение сказок о животных часто основывается на четком "нанизывании" эпизодов;

4) секрет привлекательности сказок о животных - песенки, используемые в них;

5) стилистическая оригинальность сказок о животных (использование в них особого типа языка).

Все названные особенности поэтики русских народных сказок о животных изучаются на уроках литературы в 5 классе.

Об "исторических корнях" сказок о животных дети могут узнать из слова учителя на вводном уроке по этим сказкам.

Предлагаем возможный вариант слова учителя. /Фрагмент вводного урока по сказкам о животных./

- На прошлом уроке мы говорили, что все русские народные сказки делятся на несколько групп. Что это за группы?

- Какие сказки появились раньше других?

- Давайте попробуем разобраться, как это случилось...

... В незапамятные времена жили древние люди. У каждого племени, у каждого рода был свой покровитель. Что за покровитель? Медведь, заяц, лиса, ворон, орел - любое животное, зверь или птица, могло стать тотемом - покровителем рода (племени) людей. Зачем был нужен тотем? Люди считали, что священное животное-тотем помогает им, оберегает от врагов, а потому слагали рассказы, содержащие запрет убивать животное-тотем своего рода.

Позднее, спустя не одно столетие, люди перестали представлять животных в качестве своих родоначальников-тотемов, но продолжали рассказывать некие предания, где действовали звери и птицы и каждому из животных была присуща своя роль.

Время шло, люди уже перестали бояться животных, стали еще больше охотиться. А перед охотой обязательно рассказывали разные истории о животных, на которых собирались охотиться, подмечая порой определенные их повадки, но, чтобы те не догадались, не поняли, о чем идет речь, вместо названий животных упоминали их "особые приметы" (заяц - косою, медведь - косолапый и т.д.).

А спустя еще некоторое время появляются и сказки о животных в том виде, в каком они знакомы нам. Теперь уже животные имеют другие характеры, взаимоотношения между ними строятся уже иначе.

- Какими предстают в сказках о животных медведь, волк, лиса?

- Давайте сравним наши выводы с теми сведениями, которые содержатся в таблице.

/Рассматривание второй половины таблицы, комментарий./

		В сказках
Медведь		Достаточно глупое животное.
Волк		Нет такой беды, куда бы он не угодил, его легко обмануть.
Лиса		Хитрое и бесовестное животное.

- Вот так появились самые древние русские сказки - сказки о животных.

Круг персонажей сказок о животных может определяться самостоятельно или при помощи учителя. Например, следующим образом /фрагмент вводного урока по сказкам о животных/.

- Среди героев сказок о животных у любого народа (и у русского тоже) преобладают дикие животные.

- Как вам кажется, в чем причина того, что в сказках дикие животные имеют преимущество над домашними?

- Какие же звери и птицы действуют в русских народных сказках о животных? /Дети начинают перечислять./

- А почему в наших сказках нет попугая, змеи, слона?

- Конечно же, в центре повествования в русских народных сказках о животных - животные леса. Давайте вспомним, кто это. /Учащиеся называют героев животных (и зверей, и птиц) и сказки, в которых они встречаются./

- Как вы думаете, встречаются ли в русских сказках домашние животные?

- В каких сказках они действуют?

В ходе работы все называемые детьми животные записываются на доске (возможно также использование карточек-плакатов с названиями зверей и птиц), по окончании работы на доске должна быть представлена таблица, которая приводится ниже.

Животные-герои русских народных сказок о животных.		
Дикие животные:		Домашние животные:
звери:	птицы:	собака
лиса	журавль	кот
волк	цапля	козел
медведь	дрозд	баран
заяц	ворона	свинья
	и др.	бык
		и др.

Особенности композиции русских народных сказок о животных уясняются детьми в ходе описываемой ниже работы./Проведение данной работы предполагает, что на предыдущем (вводном) уроке по сказкам о животных ребята получили домашнее задание: подготовить представление любой сказки о животных в каком-либо из предложенных вариантов: а) выразительное чтение; б) чтение по ролям; в) инсценирование; г) пантомима./

Перед началом урока дети записывают (по просьбе учителя) на листочке названия сказок, которые они готовы представить. Учитель приглашает учащихся выступать в определенной последовательности, давая необходимые комментарии и разъяснения после представления каждой из сказок. Как правило, дети выбирают сказки всех необходимых для этой работы типов и никаких осложнений на уроке не бывает. Если возникают опасения, что этого не произойдет, учитель может предложить выбирать сказки для представления из регламентированного списка.

Возможный вариант такого списка с указанием композиционных особенностей сказок о животных:

- одноэпизодные сказки:

1) "Лиса и рак";

2) "Как лиса училась летать" (незначительное усложнение действия);

3) "Лиса и заяц";

- несколько частей в сказке, но они образуют неразложимое единство ("Лиса и журавль");

- несколькоэпизодные сказки ("Лиса и волк", "Лиса-исповедница").

Анализируя с пятиклассниками русские народные сказки о животных с точки зрения их художественных особенностей, мы считаем нецелесообразным ознакомление детей с художественно - выразительными средствами как таковыми (в силу того, что сказки о животных содержат очень малое количество эпитетов, метафор, сравнений и пр.), но считаем возможным проведение в некоторой мере альтернативной работы - наблюдения над песенками из сказок о животных.

Для примера обратимся к сказке "Петушок - золотой гребешок".

"Проведала лиса, что кот и дрозд дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

*Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова головушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.*

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору..."

Можно ли обойтись без песенки? Бесспорно, содержание сказки от этого не пострадает, но песенка помогает представить себе этого петушка (причем петушок этот - точь-в-точь тот, о каком каждый ребенок узнает еще в раннем детстве из песенки-потешки:

*Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!
Что ты рано встаешь,
Голосисто поешь,
Деткам спать не даешь?*

Но сказка продолжается:

"Закричал петушок:

*Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!.."*

В общем, фразы "закричал петушок" вполне хватило бы, чтобы сообщить о том, как кот и дрозд узнали о беде. Но песенка придает какой-то особый оттенок очарования.

Подобная работа может проводиться и при изучении сказок других типов.

Итак, обращение к поэтике художественного произведения возможно уже в среднем звене. Младшие подростки уже перешли от непровольного, непреднамеренного отношения к литературе к произвольному осознанию взаимоотношений между эстетическими установками писателей и поэтикой в читаемых и изучаемых произведениях. В 5-м классе у них уже сложилась эмоциональная и интеллектуальная готовность к восприятию представлений и понятий. Поэтому основная цель литературного образования – "приобщение учащихся к искусству слова" может осуществляться в аспекте активного обращения к поэтике художественного произведения. В этом смысле русская народная сказка является одним из самых благодатных материалов. И не только потому, что она отвечает глубинным потребностям детской души, но и приобщает учащихся к сокровищницам народной речи, к тайнам языка.

ЛИТЕРАТУРА:

Аникин В.П. Русская народная сказка. - М.: Художественная литература, 1984.

Аникин В.П. Чудо чудное, диво дивное. // Русские народные сказки. Вст.ст., сост. и примечания В.П. Аникин. - М.: Художественная литература, 1985.

Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. - М.: Наука, 1975.

Пропп В.Я. Русская сказка. - Л., 1984.

Роткевич Я.А. Очерки по истории преподавания литературы в советской школе. -М., 1965.

Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения. -М., 1963.

Турьянская Б.И. Уроки литературы. - М.: Русское слово, 1996.

Хрестоматия по детской литературе. Учебное пособие для дошкольных педагогических училищ. Сост. Боголюбская М.К., Бабенкина А.Л. - М.: Просвещение, 1975.

ФЕСТИВАЛИ. КОНКУРСЫ

*Т. Колесникова,
редактор ОЦНТД*

ПРАЗДНИК ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ – РАБОТА ОРГАНИЗАТОРОВ,

(об областном конкурсе ведущих и исполнителей
развлекательных и игровых программ)

Работники культурно-досуговых учреждений в расширенном составе собирались вместе в последние годы по известным причинам редко. 30 марта – 2 апреля это осуществилось в г. Иркутске во Дворце культуры им. Ю. Гагарина. Спустя 8 лет представителей этой достойной профессии вновь объединил на одной соревновательной площадке Областной конкурс ведущих и исполнителей развлекательных и игровых программ. Его организовали Комитет по культуре администрации Иркутской области и Областной центр народного творчества и досуга. В конкурсе приняли участие те, кого еще недавно называли культмассовиками-затейниками и считали представителями умирающей профессии. Из близких и дальних городов Иркутской области приехали они на конкурс: из Братска, Тайшета, Свирска, Саянска, Усолья-Сибирского, а также из разных районов Приангарья: Нижнеудинского и Заларинского, Черемховского и Зиминского, Боханского и Усть-Илимского. Сегодня по-разному именуется род деятельности людей, чья основная задача – организовать досуг населения. Теперь это режиссеры культурно-массовой работы, художественные руководители, заведующие и методисты детских секторов и внешкольных отделов Дворцов и Домов культуры, Дворцов творчества детей и молодежи, Центров досуга и организаторы общеобразовательных школ.

23 программы участвовало в конкурсе: «Шоу сорванцов», «Проделки Бабы Яги», «Угарик и Лесовичок», «За землю русскую», «Пасха», «Азбука театра», «Магазин игрушек» и др. Программы по экологии, по русской истории, о морских путешествиях, о театре и о семье вызывали интерес и будили воображение зрителей. Но не хватало программ по истории родного города или поселка, о людях в них живущих. А это требует авторства. Такой индивидуальной чертой обладает, например, программа «Путешествие по Киндерлиндии», но и это безусловное достоинство осталось неотмеченным жюри. Возрождению народных традиций посвящена, к сожалению, единственная программа «Пасха», представленная Екатериной Константиновной Зориной (Нижнеудинский район, п. Усть-Кадуй).

Конкурс исключал возможность выхода в финал программ, в которых отсутствовал яркий конфликт (если таковой был заявлен в самом начале), не оправдывалось построение мизансцен, отсутствовала логика проводимых конкурсов, если выпадал из происходящего на арене зритель (за исключением тех, кто участвовал в командных состязаниях), не оправдывалось поощрение ведущими зрителей словом или призом. Однако это не значит, что в таких программах за-

явленная тема, художественно-декоративное и музыкальное оформление, а также внешний вид, речь и общая культура сцены ведущего оценивались жюри так же низко. Высокие баллы по ним не могли оказаться существенными или достаточными для высокой общей оценки программы.

Жанр развлекательных и игровых программ – это специфический жанр. Успех той или иной программы складывается из многих качеств ведущего как личностных, так и профессиональных. О некоторых особенностях жанра, которые повлияли на оценки представленных программ, рассказывает председатель жюри Ольга Михайловна Гранина:

- Самое главное в организации досуга – это развлекательность. А под развлечение подводится ведущим воспитательная, информирующая и учебная функции. Сатира, юмор, ирония должны быть добрыми и подталкивать людей к размышлению. Есть у нас профессиональный термин - смеховая культура. Наш жанр – это жанр смеховой культуры. Чтобы программа получилась добротной, нужно не только взять хороший материал и выстроить его по законам драматургии, но и использовать со вкусом средства эмоционального воздействия на психику зрителя: музыку, свет, художественно-декоративное оформление нужно использовать. Нужно очень тонко продумать реквизит, - продолжает Ольга Михайловна. – Он должен быть гигиеничным, ярким, гротескным, как в цирке; ведь наша профессия стоит рядом с профессией клоуна, у них один прицел – смех в зале. Если это карандаш, то не тот, к которому мы чертим в тетради, к примеру, а полутораметрового размера, если это желоб для катания яиц, то не простой, а яркий, необычный, если лыжа, то не та, на которой мы катаемся зимой в лесу... Награждение тоже является существенным элементом любой игровой программы. Приз не должен быть приманкой, не должен быть дорогим. Он должен иметь практическое назначение и обязательно отвечать теме и сюжету программы. Вот, пожалуй, основные слагаемые успеха игровой программы.

В финал вышло двенадцать программ, отвечающих канонам жанра. Между ними и осуществилось конкурсное соревнование во второй день конкурса. И надо признать, что некоторые программы в этом случае выглядели бледнее прежнего по причине поистраченного в день первый одноразового реквизита и заготовленного призового фонда конкурсантов, а также, что немаловажно, по причине поугасшего куража ведущих. Для иллюстрации замечу, что из ста шаров, использованных в первый день Натальей Николаевной Курчавенко в программе «Шалилки Шаробумчика», на выступление в финале осталось всего тридцать. А между тем они заключали в себе не столько эмоциональный, сколько драматургический смысл. Сертификаты из программы «Двенадцать стульев», художественно яркие в первый день выступления, оказались во второй день бледным подобием оригиналов. Созданные вновь, они не послужили, к сожалению, украшением и других представлений финала.

В конкурсном состязании выручили конкурсантов – взаимопонимание и взаимовыручка. Соревнующиеся выступили еще и в качестве – активных зрителей. Так было в первый день. А во второй пришел и зритель: дети детского сада и

директора Домов культуры. Ведущие игровых, фольклорных, литературно-исторических, интеллектуальных по содержанию программ смогли увлечь в действие на арене и детей, и взрослых, сумели создать приподнятое настроение, вызвать задорный смех, а, развлекая, побудить к некоторым размышлениям. Так определено законами развлекательного жанра. Зрители охотно становились то мореплавателями, то пассажирами поезда, то азартными искателями спрятанных сокровищ. Публика оказалась щедрой не только на участие, но и на улыбки, смех и аплодисменты.

Оценивая конкурсные выступления, жюри не только следит за реакцией зала, но и за умением работать со зрителем. Оно оценивает мастерство ведущего. Представления, в которых органично соединились личностные особенности ведущих и профессиональные умения, ярко проявились их обаяние, доброжелательность, а также уверенность в себе, одним словом, большое мастерство и стали победителями конкурса. Первенство в нем за специалистами высокой квалификации: Ольгой Алексеевной Шевелевой, Татьяной Ивановной Лаврик, Натальей Николаевной Курчавенко, Оксаной Геннадьевной Рожковой.

Представим вашему вниманию лауреатов и дипломантов Областного конкурса ведущих и исполнителей развлекательных и игровых программ. Лауреат I степени – Ольга Алексеевна Шевелева, Дворец творчества детей и молодежи г. Ангарск, программа «Праздник букваря». Лауреат II степени – Рожкова Оксана Геннадьевна, п. Кеуль Усть-Илимского района, программа «Двенадцать стульев» и Курчавенко Наталья Николаевна, ДК «Горизонт» г. Зима, программа «Шалилки Шаробумчика». Лауреат III степени – Лаврик Татьяна Ивановна, Дворец творчества детей и молодежи, программа «Перст судьбы» и Колесник Елена Викторовна, Попова Ирина Валентиновна, Центр досуга «Радуга», программа «Путешествие по Киндерляндии». Диплом зрительских симпатий получила Оксана Геннадьевна Рожкова за программу «Двенадцать стульев». Диплом за лучшую детскую программу «Вокруг смеха» получила Дмитриева Ольга Леонидовна (школа №15 г. Ангарск), а за лучшую взрослую программу «Приглашаем на рыбалку» – Елена Николаевна Дмитриева (с. Еланцы Ольхонского района).

- «Шалилки Шаробумчика» – это живой пример того, как должна вообще выглядеть игровая программа, - говорит председатель жюри Ольга Михайловна Гранина. - Это и зрелищная и яркая программа. В ней задействовано большое количество играющих. Все сидящие в зале были активными соучастниками происходящего на площадке, у всех горели глаза, все хотели быть в одном кругу. Ведущая программы «Двенадцать стульев», выражаясь профессиональным языком, работала в образе мадам Грицацуевой хорошо, ни разу из него не выпала.

- Показалась неожиданной для меня, - делится своим впечатлением член жюри конкурса Елена Юрьевна Ткаленко, режиссер театра-студии «Маски» Дворца творчества №3 г. Иркутска – программа «Уют-компания». Поразила тем, насколько ведущие перевоплотились в настоящих моряков, заразились детским

озорством и передали это окружающим, насколько создали вокруг себя особую атмосферу. Актерское мастерство дано этим людям.

И все-таки конкурс, к сожалению тех, кто в нем принял участие, не в полной мере выявил личностный и профессиональный потенциал ведущих, оставив у них чувство неудовлетворенности, а порой и чувство недоумения. Не хватило в конкурсе – конкурсов! – на определение профессиональных качеств и умений ведущих. Конкурс был обеднен показом единственно домашних заготовок и отсутствием профессионально ориентированных заданий на импровизацию, ибо мастерство организатора игрового общения складывается из многих качеств: личной культуры, вкусов, характера, умения найти себя в новом материале и в любой аудитории, а также из режиссерских, сценарных, художественных и других умений.

Отсутствие возрастных ограничений является несомненным достоинством конкурса. Условиями конкурса предусмотрено, что участниками его могут быть работники культурно-досуговых учреждений, ведущие исполнители танцевально-развлекательных, музыкально-игровых, фольклорных шоу-программ, народных игр. Но оказалось, что ведущими программ для детской аудитории могут быть не только взрослые. Рядом и наравне с ними выступали в соревновании ведущих игровых программ – одиннадцати-шестнадцатилетние дети. На суд жюри они представили три программы: «В гостях у Буратино», «Необыкновенный концерт», а в программе «Вокруг смеха» дети были соведущими. Надо признать, они сделали серьезную заявку организаторам конкурса на внесение изменений в наименование номинаций, так как их выступления обозначили новое явление в развитии жанра развлекательных программ. Это и стало некоторой неожиданностью для организаторов конкурса и членов жюри. О детских выступлениях прошу их высказать свое мнение.

- Я увидела впервые, что ребяташки берут на себя такую большую ответственность – вести программу, - говорит Елена Юрьевна Ткаленко.- То, что они делают на сцене, великолепно. Они справились с задачей блестяще, а в некоторых случаях лучше взрослых. Ведущий «Необычного концерта» – это, по-моему, будущий конферансье. Я бы советовала ему совершенствоваться, учиться этому делу, потому что задатки у него для этого есть.

- В городах и районах сегодня есть мастера жанра, которые готовят новое поколение ведущих в клубах, созданных ими же, например, в клубе «Затейник» г. Ангарска, представивших на конкурс несколько юных ведущих. Есть такой клуб и в г. Иркутске на базе Дворца детского творчества и досуга, которым руководит Татьяна Баранникова. Организаторам конкурса такого рода нужно это учесть, - считает председатель жюри. - Нужно отдельно проводить детские конкурсы исполнителей и ведущих игровых программ и взрослые. А у нас они слились. Дети продемонстрировали высший класс. Работая с взрослой аудиторией, они не терялись. А взрослые не из чувства сострадания, а совершенно искренне откликнулись на их работу.

Участие детей в конкурсе должно быть обобщено, а их опыт может стать примером для всех тех, кто примет участие в конкурсе, - высказывается Елена Васильевна Сигаева.

Опыт выступлений юных ведущих насчитывает 2 - 3 года. В роли ведущей Анна Вахитова, ученица 8 класса одной из ангарских школ, выступает не первый раз. Ей нравится, говорит она, быть на сцене и общаться со зрителем. Ее секрет вовлечь его в игру прост и сложен одновременно: нужно говорить со зрителем, глядя ему в глаза:

- Когда зритель поймет, что я говорю именно о нем, то он обязательно сделает то, что я хочу.

Ученица 7 класса Общеобразовательного центра г. Ангарска, Цедрик Наталья уже три года осваивает мастерство ведущей, как и Анна Вахитова, у наставника Ольги Алексеевны Шевелевой. Роль ведущей дарит ей новые знакомства и много друзей. Она признается, что в образе Буратино она подыгрывает:

- Я создаю образ беззаботный, шаловливый, а в жизни я не такая.

Ученица 8 класса Анна Камузелева утверждает, что ей, клоуну из программы «Вокруг смеха» (г. Ангарск, школа №15, руководитель Ольга Леонидовна Дмитриева), нетрудно смешить зрителей, потому что у нее самой всегда хорошее настроение.

«Необыкновенным концертом» «дирижировал» Руслан Момонт, ученик 8 класса (его наставник, тоже участник конкурса, Татьяна Ивановна Лаврик) считает основным качеством ведущего – талант. Он признается:

Для соревнований с взрослыми нам не хватает их мастерства. Выступление в роли ведущего - это мое увлечение; в будущем я хочу стать военным, поэтому занимаюсь в школе мужества. Выход в финал для меня – это уже победа.

Программы, «В гостях у Буратино» и «Необычайный концерт» Ангарского Дворца творчества детей и молодежи, в которых выступали в качестве ведущих дети, отмечены грамотами финалистов конкурса. А программа «Вокруг смеха» получила еще и диплом за лучшую детскую программу. Его приняла Ольга Леонидовна Дмитриева, организатор школы №15 г. Ангарска.

Жюри так оценило общий уровень конкурсных программ и ведущих Областного конкурса:

- Эмоционально-художественный уровень и программ, и ведущих заметно снизился. Причин этому много, но одна из них – это уровень личной культуры. Если знания по методике можно восполнить изучением специальной литературы, то уровень личной культуры необходимо совершенствовать постоянно. Культурный организатор должен быть человеком не только эрудированным, но и владеть профессиональными навыками в работе с аудиторией. В конкурсе мы увидели программы интересные по составлению и содержанию, по способам активизации аудитории, но ведущим не всегда хватало именно навыков.

- Этот жанр очень сложный, очень серьезный, ему нельзя научиться, как не дано научиться каждому играть на арфе, считает Елена Васильевна Сигаева. -

Уровень кадров был бы высоким, если бы чаще с творческими работниками встречались специалисты жанра, и была возможность продолжать учебу. Когда учеба идет с большими перерывами, мастерство при этом не растет.

Областной конкурс завершился. Он обещает быть ежегодным. А значит, должен учесть предложения участников этого конкурса по его проведению, а именно:

- рекомендовать управлениям по культуре систематически организовывать методические семинары и проводить предварительные отборочные конкурсы в городах и районах;
- перед началом конкурса организовать игру-знакомство ведущих для создания атмосферы творческого общения и соревнования;
- учитывать, что конкурс сегодня это еще и возможность общения и учеба, а потому желательно организовать круглые столы и мастер-классы для профессионального анализа программ и консультаций со специалистами;
- расширить перечень номинаций для оценки командных, массовых, спортивных, интеллектуальных и других развлекательных программ;
- создать информационное и видеообеспечение конкурса, а также минимальный призовой фонд для поощрений участников конкурсных программ.

*С.С. Соха,
зам. директора ОЦНТ
по народному творчеству*

«ЗОЛОТОЙ МИКРОФОН»

(Конкурс исполнителей эстрадной песни в Нижнеудинске)

В г. Нижнеудинске уже шестой год подряд проходит конкурс вокалистов эстрадной песни «Золотой микрофон». Раньше он был городским, чисто нижнеудинским. В 2000 г. конкурс получил статус областного. И, конечно, такому росту, а, значит, прежде всего, улучшению качества исполнительства, предшествовала кропотливая организационная работа всего коллектива киноконцертного центра «Саяны» во главе с инициаторами и большими энтузиастами в жанре эстрадной песни Владимиром и Людмилой Брагиными. Это они приложили немало усилий к тому, чтобы конкурс стал популярным и авторитетным не только в Нижнеудинске, но и во всей Иркутской области.

В первом областном творческом состязании исполнителей песни принимали участие всего 11 представителей из города и района, потому что участники проходили тщательный отбор, присылали свои кассеты с фонограммами и голосами, приезжали на репетиции. Заявки принимались за два месяца до конкурса. И два месяца подготовительной работы включали в себя репетиции, запись

фонограмм, поиск спонсоров (а как теперь без них!), печать пригласительных билетов и программ. И вот кто все это преодолел, тот и принял участие в областном конкурсе, их оказалось 150 человек. Конкурс прошел 26 марта прошлого года. Красивые костюмы, яркие голоса, оригинальное художественное решение каждого выступления, множество призов и подарков – все это создавало атмосферу большого, яркого праздника и надолго запомнилось всем присутствующим.

Надо с большим удовлетворением отметить и то, что активное участие в проведении конкурса принимает городская администрация. В прошлом году от имени мэра города был учрежден гран-при (видеомагнитофон) и три первых приза, которые мэр А.Н. Ольшанский лично вручал победителям.

О популярности конкурса говорит еще и то, что билеты (достаточно дорогие) были проданы за две недели вперед. Зал в те дни был переполнен, выступление каждого исполнителя сопровождалось благодарными аплодисментами. Не остались без внимания организаторов и зрители: за их активное участие были тоже учреждены призы, разыгранные в антрактах концертов.

В этом году гостеприимный город во второй раз собрал вокалистов области. Более ста человек уже объединил конкурс. Два дня звучала музыка в исполнении певцов трех возрастных категорий. Шумные репетиции, конкурсы, культурная программа – все это было настоящим праздником.

Значительно расширилась география участников: Байкальск, Слюдянка, Шелехов, Усолье-Сибирское, Железногорск, Братский район, Иркутский, Куйтунский, Зиминский, Казачинско-Ленский, Чунский и, конечно, свой, Нижнеудинский район. В программе концертов звучала уже не только эстрадная песня, но и народная. И выступали не только солисты, но появились дуэты, трио, квартет. Были представлены некоторые вокальные студии. Так, интересно работает вокальная студия в пос. Чуна. Руководит ею Галина Манькова. Кстати, обладателем гран-при вокального конкурса «Золотой микрофон» этого года стал Николай Масейчук как раз из пос. Чуна. Сергей Павлов из г. Железногорска показал квартет, которым он руководит, - очень необычный коллектив даже в названии – «Шлягерок», но технически очень точен. Саянск представил победителей своего ежегодного городского конкурса «Серебряный микрофон». Ну, конечно, порадовали слушателей хозяева конкурса, вокалисты театра эстрадной песни Нижнеудинска. Они заняли призовые места. Екатерина Чаплинская занимается в театре около пяти лет. За это время она стала дипломантом и лауреатом областного конкурса «Золотой микрофон», дипломантом Международного конкурса в г. Байкальске. Олеся Лобанова – солистка взрослой группы имеет те же дипломы, что и Катя Чаплинская. Алена Глебова, Елена Кайданова – их имена также известны среди победителей областного конкурса.

В прошлом году на фестивале эстрадной песни в Байкальске солисты Нижнеудинской студии Елена Кайданова, Алена Глебова, Алексей Демидов прошли отборочный тур и стали участниками гала-концерта. Алексея Демидова в программе Областного телевидения назвали даже сибирским Робертино Лоретти.

Впереди – региональный фестиваль с приглашением солистов Сибири и Дальнего Востока. Хочется надеяться, что вокальное любительское искусство займет достойное место в многообразии всего любительского искусства области.

*В.Кирюнин,
специалист по любительским театрам ОЦНТД,
Т.Колесникова,
редактор ОЦНТД*

«ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ» В МИШЕЛЕВКЕ

Фестиваль «Театральная деревня» уже в третий раз проводится Областным центром народного творчества и досуга при активной поддержке отдела культуры администрации Усольского района. Вновь он проходил 19 – 20 мая в Доме творчества, досуга и кинопоказа в поселке Мишелевка Усольского района.

Старинный поселок с более чем вековой славной историей Хайтинского фарфорового завода стал в последние годы еще и центром новой его жизни – театральной. Сюда, в живописный уголок сибирской земли, раскинувшийся среди сопок на речке Белой, устремились юные и взрослые актеры любительских театров из Ангарского, Усольского, Шелеховского, Качугского, Черемховского, Усть-Илимского, Эхирит-Булагатского районов, Куйтунского, Заларинского районов Иркутской области. Участвовало пятнадцать театров, около ста пятидесяти человек. А еще присутствовали руководители сельских Домов Культуры, режиссеры-наблюдатели. Но, к сожалению, не все желающие смогли по разным причинам приехать на фестиваль, которого ждут целый год. Елена Околович, режиссер детского театрального коллектива «Секрет» клуба при ОАО «Разрез Тулунский», не смогла привезти ребят и их новую постановку. Не нашлось в акционерном обществе средств на поездку юных артистов на фестиваль. А жаль.

Много проводится театральных фестивалей в Иркутской области, но они профильные: или только детские, или юношеские. А «Театральная деревня» отличается от них тем, что в ней участвуют любительские театры и детские, и юношеские, и взрослые. Еще этот фестиваль отличает в хорошем смысле «семейственность», которая, к счастью, еще сохранилась в деревне. Это когда все делают всем миром, где дети рядом со взрослыми. Фестиваль задуман именно как «семейственный» по духу, где один человек – это индивидуальность, но индивидуальностью он ощущает себя в семье родной, а не в специально созданном «рае». Здесь, на фестивале, взрослые и дети не боятся друг друга, уважительно относятся друг к другу, пытаются понять, договориться. Так, в спектакле «Свет родного дома» (детская театральная студия при Народном театре «Гротеск» РДК Эхирит-Булагатского района, режиссер А. Сафонова) дети, изображая взрослых, как бы показывают их в зеркале...Цель фестиваля – выявить и актеров-самородков, пока не охваченных любительским театром. А

между тем в качестве гостей фестиваля они явились авторами ярких выступлений.

С самого начала на фестивале создалась атмосфера дружественного и творчески насыщенного общения. Литературная композиция «Боль России – моя боль», открывшая фестивальную программу, подняла тему России - Родины на высокую патриотическую ноту. «Мы призываем людей к тому, чтобы они захотели хоть что-то сделать для улучшения жизни России», - поделилась своими мыслями автор и режиссер композиции, она же художественный руководитель Народного театра «Театральные встречи», директор ДК п. Мишелевка - Светлана Сушко. «...Мне понравилось!..» – это уже слова мальчишки-школьника, сказанные своему соседу после того, как прозвучал последний аккорд композиции. А Тамара Геннадьевна, жительница поселка, пенсионерка, сказала: «Темы у них жизненные. Видели о безработице как?! Это очень важно, это касается всех, кто здесь присутствует... Наш завод два года не работал...»

Темы для своих творческих раздумий о современности коллективы находят в классике. Это С. Маршак, А. Чехов, М. Зощенко, А. Островский... Интересны для них и Ф. Буляков, и наш земляк В. Гуркин.

В постановках по А. Чехову дети создавали образы взрослых персонажей («А разве это любовь?») (театральная студия «КОТ» г. Усолье-Сибирское, режиссер Наталья Колпакова и «Двенадцать месяцев» (театральная группа «Протуберанцы», режиссер Галина Большакова). Зритель верил юным актерам, смехом и аплодисментами выражал свою оценку. Вот что находит в этих детских актерских работах режиссер Лидия Эверстова, член жюри фестиваля:

-В образе взрослых характеров дети точно понимают, что происходит на сцене. В «Предложении» (второе название спектакля «А разве это любовь?») юные артисты увлеченно разыгрывают жизненную сцену, где неизвестно что победит: трезвый расчет или любовь. Не у всех взрослых актеров это получается. А у детей идет моментальная состыковка и прием игры намного ближе, намного свежее и намного естественнее. У них как бы игры и нет. Они себя поставили в рамки образа и в нем органично существуют.

Комедия по пьесе Ф. Булякова «Выходили бабки замуж» (Народный театр п. Качуг) была по-новому прочитана театром не как комедия, а как пронзительная история о людях села в перестроечное время. Эти люди стали жертвами мифа о том, что в искусственно созданном коллективе человек может обрести счастье...

Лидер «Театральной деревни» прошлых лет – Народный театр «Радуга» (с. Голуметь Черемховского района) - на III-ем фестивале выдержал высокую планку. По мнению жюри, радуговцы в спектакле по пьесе В. Гуркина «Любовь и голуби» как бы пропели жизнь своих героев. Если бы автору довелось увидеть эту постановку И. Пшеничникова, считают члены жюри, то он мог бы, наверное, сказать: «Таковыми я и задумал своих героев». Театральные коллективы привезли на фестиваль разные по жанру спектакли. Это сатирические монологи, сатирическое обозрение, комедия, драма и давно забытый жанр – скетч.

Стало традицией выступление представителей других видов искусств, которые органично вплетались в фестиваль. Так, выступление молодого певца и композитора Артема Мигалина перед спектаклем «Старухи со второго этажа» (народный театр п. Анга), как бы срежиссировала сама жизнь. А не из-за этого ли отчаянного Артема, распевającego песни в современных ритмах, поссорились две сестры-старушки со второго этажа?..

Выступление гостя фестиваля Марии Мухнуровой с «Сибирскими байками», сказываемыми ею под шумовое сопровождение народных инструментов, стало подарком зрителю.

Ни один фестивальньй спектакль не остался без внимания. Спектакли просматривало и оценивало жюри: педагог-режиссер Иркутского театрального училища Александр Павленко, режиссер Лидия Эверстова и один из авторов этих строк.

Фестиваль открыл яркие актерские дарования. Георгия Ткаченко (Смирнов, А. П. Чехов «Медведь»), Веру Ивановскую (Надя), Павла Антонова (Василий), Виктора Самсонова (дядя Митя) – из спектакля «Любовь и голуби», Наталью Рожкову в миниатюре «Актриса». Отмечено актерское мастерство детей: Славы Новикова, Даши Чигиной, Алеши Щербакова - в спектакле «А разве это любовь?» по А. П. Чехову.

Все спектакли были по достоинству отмечены. Грамоты получили спектакли: «Двенадцать месяцев» (с. Шаманка Шелеховского района), «На рубеже веков» (п. Белореченский Усольского района), «Старухи со второго этажа» (п. Анга Качугского района), «Провайдер» (г. Бельск Черемховского района), «Обыкновенная история» (п. Невон Усть-Илимского района), «Кошкин дом» (п. Мишелевка Усольского района), «Свет родного дома» (Эхирит-Булагатский район), «Медведь» (п. Куйтун). Похвальными грамотами отмечены спектакли «А разве это любовь?», «Выходили бабки замуж». Наивысшими грамотами отмечены спектакли «Медведь» (п. Мишелевка), «Летучий корабль» (п. Китой Анграсского района).

По словам заведующей отделом культуры Усольского района Валентины Николаевны Крыжниковой, фестиваль «Театральная деревня» приносит для Усольского района положительные плоды как экспериментальная творческая площадка, дающая новые идеи для культурно-просветительной работы. Она пожелала, чтобы Областной фестиваль «Театральная деревня» был отныне «прописан» в Усольском районе.

*Т. Балаева,
журналист*

«О, МОЯ ДОРОГАЯ, МОЯ НЕСРАВНЕННАЯ ЛЕДИ!»

Как светло и радостно отмечал Нижнеудинский народный театр «Экспромт» юбилей любимой актрисы Натальи Мовшович! Отмечал бенефисом, собравшим полный зал и названным «Интимный круг моих друзей». Нельзя сказать,

что к ставшим традиционными, к театральным этим праздникам нижеудинцы привыкли. Хотя... как можно привыкнуть, например, к звездопаду!? И актеры, и зрители ждут их с неизменным нетерпением.

Сцена «итожит то, что прожил» актер в «Экспромте» в «закулисье».. И эта жизнь похожа на подводную часть айсберга. В ней не только репетиции. В ней - вдохновенный труд ищущей души, которой тесно в рамках одномерного настоящего, в ней - создание параллельных миров сценического инобытия, и все то, что делает театральный коллектив единым, живым, развивающимся организмом. Театр – это тонкая, трепетная ткань взаимоотношений, без которой не создать хороших спектаклей. Это беды и радости, с которыми идут экспромтовцы в свой театр, это все дни рождения и праздники, которые отмечают здесь с выдумкой, шармом и неумным весельем. Не случайно Наталья Мовшович назовет «Экспромт» своим «вторым домом».

В бенефисе были, как обычно, отрывки из пьес, в которых играла актриса. И вновь на сцене неузнаваемо новые, яркие, характерные персонажи. У актрисы поразительный дар перевоплощения. У всех ее героинь: у хулиганистой, неунывающей и такой внутренне незащищенной Васены («Выходили бабки, замуж» Ф. Булякова), взбалмошной и самоуверенной леди Кити («Круг» Моэма), трогательно-комичной Жербер («Старомодная комедия» А. Арбузова), задорной Ханумы («Проделки Ханумы» Кванчели) есть, мне кажется, нечто общее: неистребимое, не зависящее от обстоятельств, жизнелюбие. Роль или черта характера? Или нерушимый жизненный принцип? Ведь не только актер с режиссером выбирают роль, но, бывает, и роль выбирает своего актера, ждет встречи с ним. И сама юбилярша делится со зрительным залом наблюдениями, размышлениями, тонкими, лирическими. Они как смешные новеллы о жизни, о театре, они как признания в любви своим друзьям. Тепло, душевно ведет все это действие режиссер театра Галина Каминская.

Театр «Экспромт», чувствуя юбиляра, погружает зрителя в стихию игры, без которой существовать не может, требует в ответ сотворчества, предлагает правила игры. И гости с увлечением принимают эти правила. На сцене разыгрывается веселый капустник. И, уверяю вас, гвоздя программы» в тот день не было! Разве уморительное выступление мужской группы театра (в платочках и передничках) с мольбой «Любите женщину за 40 лет!»? Может быть, зажигательный танец цыган (Телестудия «12 канал»)? А, может быть, выступление хора под руководством Л. В. Придеиной, «уложившего» биографию Натальи Моисеевны в «одуванчиковый» венок частушек? Или пионерская группа ГорОО с барабаном и в галстуках, когда умудренные опытом мальчишки-колокольчики читают мадригалы в честь именинницы? Или поэтичный школьный вальс (ансамбль «Талисман»)? Изящная сказка, рассказанная коллективом ДДТ? Проникновенное драматическое исполнение песни Ю. Визбора «О, моя дорогая, несравненная леди» актером В. Балабановым? Одним словом, вы поняли: каждый номер поздравления претендовал на звание «гвоздя». И «гвоздей» этих было достаточно, чтобы огромный портрет бенефицианта «прибить» над сценой.

Но не надо, не надо хрестоматийного глянца! У каждого творческого человека с громадьем замыслов всегда есть то, что он упустил и о чем сожалеет.

Талант Натальи Мовшович многогранен: уроки в школе, школьный театр, детская телестудия, городской юношеский дискуссионный клуб «Арго»... А сегодня она принимает поздравления от администрации школ, общественных организаций. Группа ГДК представляет искрометную пародию на мотив «Алло, алло, прекрасная маркиза!». Герои пародии – Наталья Мовшович и ее сын Илья – бешено аплодировали и утирали скупую слезу. Директор ДМШ Н. А. Лопоухова и ученица Юлия Капустина исполнили давнюю мечту именинницы: услышать романс Лизы и Полины из «Пиковой дамы».

Мечтайте, друзья! И ваши мечты обязательно исполнятся – пусть через 20, 30 лет. Судьба щедра! Она щедра, если вы нашли свое призвание, если, не тоскуя по столицам, ощущаете «столицей своего сердца» родной провинциальный город, если вам не жалко раздаривать силы ума и души. Если вы умеете впитывать, вбирать, жадно поглощать дары жизни – знания, встречи, впечатления, чтобы переплавить их в урок, сценарий, фильм, роль. Если вы с единомышленниками создаете культуру своего города.

В университетские годы студентка Наталья – «Девочка вдумчивая и окрыленная», по словам педагога А. П. Селявской. За истекшие годы она не утратила окрыленности, она обогатилась зрелым опытом, заблестала другими гранями, отразилась в деятельности большого круга – «интимном круге друзей», которых у Натальи Моисеевны очень много.

В финале театральная труппа с нежностью и благоговением исполнила слово-словие вместе с В. Балабановым, имея полное право сказать: «О, моя дорогая, моя несравненная леди!»

МИФЫ. ОБРЯДЫ. ПРАЗДНИКИ

М. Р. Базилишина,

ОБРАЗ ПРАЗДНИКА ПАСХИ

в рассказах-воспоминаниях старожилов Восточной Сибири

Среди рассказов-воспоминаний людей старшего поколения о “старой жизни”, о том, как жили до коллективизации, значительное место занимают рассказы о традиционных праздниках.

Наиболее часто в рассказах встречается описание четырех Великих “годовых праздников”⁶: Зимних Святков, Масленицы, Пасхи и Троицы. Совокупностью повествований, образующих единый тематический цикл, создается собирательный образ каждого из этих праздников. Каждый обрядовый комплекс (т.е. праздник. – М. Б.) выглядит в рассказах как явление уникальное, неповторимое, в котором на фоне некоторых общих для всех (или нескольких) праздников традиционных форм общения, обычаев выделяются особые, присущие только ему обряды, забавы, увеселения. Различаясь, часто довольно резко, своими отдельными мотивами, отражающими своеобразие самих этнографических реалий, собирательные образы различных календарных праздников обладают вместе с тем семантической общностью.

Календарные праздники представлены в рассказах как универсальная форма манифестации и закрепления всех накопленных сельской общиной духовных ценностей.

Усвоение нравственных и эстетических норм совершалось во время праздника “на эмоционально-психологическом уровне” /5, 28/. *Традиционный праздник* являлся *социально-психологическим стереотипом*, был средством “организации и углубления эмоциональной жизни масс” /7, 206/. Во время праздника “в результате непосредственного контакта” возникало “взаимное возбуждение” /2, 216/, под влиянием которого эмоции перерастали “в массовые аффекты, в кратковременные, но очень сильные эмоциональные взрывы” /2, 216/, причем аффекты эти оказывали оздоравливающее социально-психическое воздействие. Как отмечает И.В.Суханов, при совершении ритуальных действий происходила эмоциональная разрядка, смена “однообразного эмоционального фона богатой гаммой эмоциональных состояний” /7, 206/, в результате чего преодолевалось “длительное доминирование одной эмоции над всеми остальными”, снималось “эмоциональное перенапряжение” /7, 206/. Тем самым праздник выполнял функцию “проективной разгрузки” /2, 86/.

Началу праздника предшествовало “вхождение” каждого его будущего участника в эмоциональное состояние радостного ожидания (“Мы вот тогда празд-

⁶ “Годовой праздник” – праздник, бывающий раз в году.

ник ждем, кака-то радость на душе, вот просто хочется, чтоб скорее подошел этот праздник. И стол накрывают. Своей семьей – даже обед – стол накроют, пообедают. И так как-то красиво было и спокойно было” /№19/). Совместное совершение праздничных обрядовых действий способствовало формированию “положительного” коллективного настроения /2, 218/, оптимистического и жизнерадостного, обладавшего “способностью к многократному увеличению “энергии”, “особой заразительностью” и “большой побудительной силой” /2, 218-219/.

Праздничная стихия обладала способностью “захватывать”, вовлекать в себя всех и каждого. В народном празднике открыто проявлялась и одновременно им “усиливалась и закреплялась” “органичность слияния жителей одного селения в целостный организм” /3, 96/. Община была заинтересована в том, чтобы праздник “пережил” каждый. Этому способствовали многие обряды и обычаи, и, прежде всего – “обходные обряды”.

Значение “обходного обряда” /6, 106/ как своеобразной формы духовного соединения мирян выделяется в рассказе Ф.А.Балагурова /см. №8/. Федор Абрамович дает описание обряда христосования, совершаемого молодежью и подростками во время Пасхи, подчеркивая при этом значимость последнего как традиционной формы общения: “На Паске обратно. Похристосуются. <...> То же собираются быстро тут, как по веревочке, по цепочке. И с краю начинают. Всю деревню. Христосуются. Забежали: “Ну вы шо не разбудились?” Будют, не уйдут. Хозяин спит, все равно достукаются, хозяин встанет. Дома еще Христа не встречали, ниче, колоба не пекли. Подымут: “Вставайте христосоваться”. Похристосуются. Но тот раз уж на Пасхе не ели. Просто пробегают, и все. /№ 88/. “Как по цепочке” – всех обходили ребята, “достукивались” до каждого, никто не оставался вне праздничного действия. Символический образ крайнего дома, “уверенного” в приходе гостей, довольно часто возникает в рассказах о старинных праздниках.

Для всего сельского коллектива праздник был средством усиления оздоравливающей “аффектации, которое отклоняет агрессивные импульсы, умиротворяет, переключает внимание с временного и случайного на постоянное и устойчивое” /2, 86/. В праздник, в состоянии душевного раскрепощения, люди, объединившись, заново эмоционально воспринимали, “переживали” духовные ценности, лежавшие в основе самоорганизации и саморегуляции общинной жизни.

В рассказах 70-х – 90-х годов XX века о Пасхе, как правило, не раскрывается религиозный смысл Светлого Христова воскресения. Возможно, это объясняется тем, что рассказчики, в основном, относятся к тому поколению, которое всеми средствами старались лишить веры, а также – тем, что собиратели и не задавали вопросов на эту тему.

Особое внимание в повествованиях о Пасхе уделяется таким аспектам смыслового содержания народного праздника, как 1) утверждение эстетического отношения к труду, его поэтизация; 2) актуализация этических норм внутриобщинных (соседских, межличностных) взаимоотношений; 3) воплощение народ-

ного представления о прекрасном, эстетики цвета и звука; 4) воспитание молодого поколения, передача ему накопленных духовных традиций.

Предметом описания в рассказах при этом оказываются такие обрядовые действия, обычаи и увеселения, духовная, нравственная и эстетическая значимость которых интуитивно ощущается или осознается рассказчиками.

Утверждение эстетического отношения к труду, его поэтизация

Труд и праздник в традиционном обществе были двумя стихиями, которые не только перемежались, но и *взаимопроникали друг в друга*. В труде всегда был момент праздничности. В праздник достигалась поэтизация труда. Так, *труд при подготовке к празднику* обладал особой силой эстетического воздействия. В рассказах о Пасхе встречается описание ритуального мытья и украшения избы: “Ой, bravo украшали... У нас эти стены белы же – они не белились, а все кругом скоблились. *Так вот как свеча горит* – дня три-четыре скоблишь. А вот потолок побеленый. Полы были белы, тоже ножиком скоблились. Красилось, ой, редко-редко где, а все скоблили. *Все желтет*. Но, Пасху-то ой-е-е-ей! Так и называли: но, Святая Пасха! /№ 4/. Цель рассказчицы – передать красоту прибранного жилища, и при этом в художественном сознании сам труд и образ украшенного дома оказываются слитыми воедино с понятием “Святая Пасха”, изба уподобляется горящей свече, своеобразному символу Пасхи.

Труд мог быть и *составным компонентом праздничного действия*, а рукотворное изделие могло выполнять эстетическую функцию: “<...> в ночь перед Пасхой не спали, и маленьким не давали, ... а вот сидят шьют, петли, пуговики пришивают. Чтобы у каждого хоть вот ситцево, но чтобы новенько было в церкви. Тебе не дадут, чтоб платье како-то сшили, да ты чтоб его надела, покамест ты в церковку не сходила. Вот как обычая была”⁷ /№4/. Труд оказывался нераздельно связанным с духовной подготовкой к восприятию праздника.

Актуализация этических норм внутриобщинных (соседских, межличностных) взаимоотношений

Обычаи и обряды, совершаемые во время праздников, были и “*способами моральной коммуникации*” (выделено мной. – М.Б.) /8,7/. Во время праздника открыто проявлялись доброта и человеколюбие людей. Особой формой проявления милосердия было *подавание бедным*, приобретающее ритуальный смысл и значение религиозной этической нормы. Так, в рассказах отражается традиция подаяния бедным в Пасху: “Имя подавали даже. Вот, едут – конишко запряженный, сани...И вот уж выходишь, нагребашь... У их там кули... И печеного давали, все им давали” /№4/. (Обобщенный эпизод свидетельствует о том, что

⁷ Об обычае совершать труд в пасхальную ночь упоминается также в рассказах №29 и №5. Видимо, в местах бытования этого обычая шитье не входило в круг работ, которыми было запрещено заниматься в праздник.

помощь бедным в Пасху – многократно повторяемое явление. Употребление глагольной формы второго лица (“И вот уж выходишь, нагребашь...”) передает убеждение рассказчицы в том, что чувство сострадания естественно для каждого).

Своеобразными тактичными формами оказания материальной помощи и моральной поддержки тем членам общины, кто в этом более всего нуждался, были некоторые *традиционные ситуации обрядового характера*.

Так, в рассказе Л.К. Авериной (с. Нижние Ключи Неричинского района Читинской области) описывается локальная традиция совершения обходных обрядов, в частности, христославления (на Рождество) и христосования, детьми-сиротами. В рассказе повествуется о том, как семья, оставшаяся без хозяина, жила от праздника до праздника людской помощью. Рассказчица сообщает о трагической гибели мужа, о тяжелой жизни вдовы и детей, описывает, как трогательно сироты “пели Рождество” и на Пасхе – “Иисуса Христа”. Помощь людей представлена в рассказе как неизбежный порыв жалости –участия: “<...> Оне ходили славили. Оне пели “Рождество”. Прямо так красиво, я вот щас хорошо знаю, как оне пели. <...> Дак имя и булками хлеб давали, и мясо давали, и все-все. <...>”

Приходят и поют. Мешок у их в руках. Имя и мясо дают, и все, и яйца, и... вот на Паске яйца дают, просто тарелками насыпают. Крашеные там и белы...”. Постоянство этой поддержки подчеркивается образом не исчезающих в доме вдовы печенюшек: “...Тоже пели на Паске, тоже насобирают столь, печенюшек этих мешок принесут, она их высушит и – когда ни приди к Ивановне... Все старухи говорят: “К Ивановне когда ни приди, у ей все-о сухи печенюшечки, вкусненьки”. /№ 3/

Таким образом, совершаемые в ходе праздника обряды становились школой воспитания чувств, как для детей, так и для взрослых.

Укреплению нравственных связей внутри общины способствовали *традиционные формы взаимопосещения друг друга* во время праздника. К таковым относились, в частности, “обходные обряды” /6, 106/, совершаемые во время разных праздников с различной ритуальной целью, также – “светский” обычай гуляния /гощения из дому в дом, являвшийся поведенческим стереотипом, “переходившим” из праздника в праздник.

Сам факт упоминания *общинного обычая гощения из дому в дом* свидетельствует об осознании его духовной значимости рассказчиками. Красноречиво нравственное содержание обычая как формы укрепления духовных связей между “мирянами” выражено в одном из рассказов фразой “Вся деревня – в один дом” /№ 21/.

В рассказах описывается традиционный порядок “мирского” гуляния: “Вот с одного края начинали, а потом из дома в дом” /№ 14/; “В каждый дом заходят, во весь перед столы наставят. Всю деревню так проходят” /№ 30/. Гуляние “из дому в дом” /№ 18/ продолжалось несколько дней. Если к концу первого дня заканчивали таким-то домом, то на другой день шли в следующий дом, “у ко-

торых не были, не гостили у кого” /№ 2/, и таким образом, “за неделю всю деревню обходили” /№ 21/. В некоторых местах порядок гуляния выглядел несколько иначе: гостили “компаниями”. Е.П. Юркова поясняет: “Это значит вот – компания: одна компания, вторая... Вот в этой деревне три компании было. На всю деревню. Вся деревня – в три компании” /№ 31/. Скорее всего, этот вариант традиции имеют в виду рассказчики, говоря: “Гуляли-то *полюдно*, мы вот в Елгино дак по двенадцать домов” /№ 11/; “Гуляли –по двадцать домов вместе” /№ 16/; “Помню так: собирается компания, человек сорок. Человек сорок собираются, гуляют в одной избе, переходят в другую избу. Вот из избы в избу” /№ 32/.

Так или иначе каждый успевал побывать и в роли хозяина, и в роли гостя. Как отмечают рассказчики, уровень материальной жизни в Сибири при единоличном ведении хозяйства позволял сохранять жизнеспособность традиции (“Раньше собираются в дом скоко войдет, скоко влезет... Собирались всей деревней. Мяса полно было. Всего полно было. Че не справлять” /№ 33/.

Существовала особая этика гощения. Во всех рассказах отмечается, что “гуляли рюмочкой” /№ 24/: “Вот сядем, примерно, ... человек вот будет там двадцать или двадцать пять, и одной бутылки водки хватит, а рюмочки же маленькие были, маленькие рюмочки, и вот этой бутылочкой, пожалуйста, угостишь гостей” /№ 2/. Поведение хозяев дома и гостей порой соответствовало принятому в данной местности этикету. Обычно принято было устраивать застолье, и, чтобы разместить всех желающих, “столов много ставили” /№ 31/ и даже “от соседей столы таскали” /№ 31/. Всеобщую увлеченность обычаем гуляния из дому в дом рассказчица передает образным выражением: “Утром встаешь – девять часов – уже *со столами по деревне ходят. Бегают*” /№ 31/.

Нравственное содержание утраченного обычая выразительно раскрывается через противопоставление его как поведенческого стереотипа современному “праздничному” времяпрепровождению: “<...> начинают ходить из дома в дом Домов десять-двенадцать, и ходят, гуляют. Сейчас в праздник никого не увидишь. Как-то по домам вот это выпьют, все пьяные, и никакой! Как-то смешно стало. Не привили вот это. Не привили это к народу” /№ 6/.

Воплощение народного представления о прекрасном, эстетика цвета и звука

Моральные ценности составляли “каркас того или иного стереотипа поведения” /9, 226/, внешне же этот стереотип принимал очертания явления яркого, впечатляющего, выделяемого народным эстетическим сознанием. Морально-ценностная символика обретала во время праздника эстетически завершенную форму.

Эстетические чувства вызывало все, что в обыденной жизни верно служило человеку, а во время праздника поэтизировалось, обретая свойства ценностного предметного символа. Так, конь, кормилец семьи, по праву выглядел гордым

красавцем (“А кони какие были, любы... гриву заплетут, украсят лентами, холодной водой вымоют, чтобы он задрожал, ну, подобрался весь” /№ 12/. Куриные яйца становились самым дорогим и красивым пасхальным подарком (“Яйца всегда красили, затем ходили христосовались, катали их” /№ 20/, считалось: “сколько яиц /у каждого. – М.Б./, ..._столько и дней счастливых будет” /№ 10/. “Коровьи ноги” преображались в игровые бабки и становились забавой даже для самых серьезных мужиков (“Собирались мужчины кучами и катали бабки” /№ 17/.

Созданию радостного настроения, эстетическому восприятию праздника, несомненно, способствовало его мощное игровое начало.

Описанию игровой сферы, увеселений посвящена значительная доля повествований о Пасхе.

В рассказах о Пасхе находят отражение как забавы, пришедшие в область игры из религиозного обряда (колокольные звоны⁸, “катание” крашеных яиц и др.), такие увеселения чисто “светского” характера. Остановимся на последних, а именно на тех, которые были специфичны для Пасхи и вместе с религиозными обрядами определяли неповторимое лицо праздника.

Все игрища в Пасху совершались на свежем воздухе: на улице, во дворе, за деревней. Одним из самых популярных увеселений было качанье на качелях (“А Пасха – там... Всю Пасху качеля” /№ 4/; “Ой, Масленка – только катались. Паска – на качелях качались” /№ 15/. Качели были любимой забавой детей и молодежи. Большие “качули” могли поднимать всем селом на площади или на поляне” /№ 6, 20/, они собирали в праздник вокруг себя всю молодежь села (“А потом че? Которые, как мы, молодежь – качели раньше вон как ставили, - идешь качаться, там наберутся, дак ой-ей-ей сколько качатся” /№ 2/). Кроме этого, качели, как правило, устанавливали в каждом дворе /№ 21, 22/. В некоторых местах существовала традиция качаться друг у друга. Забава принимала вид своеобразного обхода дворов (“А интересно же было: на Пасху качуля вязали, каждому-каждому. Кто близко-то живет, например, как мы троем вот видите как: насобираемся, у вас покачаемся, ко мне придем, качуем в каждом угле. <...> В каждом дворе, у каждого дома качуем, на веревке качамся” /№ 23/. Качели были забавой на всю неделю (“Качуля была, на столб доску, козлы – и зыбаются неделю” /№ 24/. Словно колыбель, праздник лелеял и нежил молодых, давал им радость и умиротворение.

Кроме качелей, было много других уличных увеселений, в которых подчас принимали участие не только дети и молодежь, но и взрослые мужчины. Так, праздничным мужским занятием была игра “в бабки”⁹ (“Собирались мужчины кучами и катали бабки” /№ 17/; “Раньше бабками чикались” /№ 26/. Мужики и молодежь могли играть и в городки /№ 27, 23/. Женщины с удовольствием

⁸ Имеется в виду пасхальная традиция, когда разрешалось подниматься на колокольню и звонить в колокола всем желающим (см. рассказ № 5).

⁹ Объяснение, что такое “бабки”, находим в рассказе Е. П. Зиминой /№ 25/: “Бабки эти вот – кости /крупного рогатого скота. – М. Б./ Их выделяли и все красили. В Паску они чикались. Все мужчины даже. Все вот этими играли бабками”.

наблюдали за игрой: “Мужики ... в улице-то в бабки катают, яичек вот эта куча – по яичкам кто выкатат**¹⁰ ... - по шапке притаскивали яйца эти крашенные, вареные... А бабы так собралась друг с другом; сидят, мужики катают, а они сидят кругом тут” /№ 5/.

Молодежь и дети могли повторять игры взрослых, а также устраивали и свои игрища или, как говорят рассказчики, делали “игранчики” /№ 3/. Т. А. Деревцова поясняет: “<...> молодежь собирается на сопку, там они танцуют и играют. Занятие это называлось игранчик***¹¹ /№ 27/. Игры были самые разнообразные: “Лужок” был, “в буговушку” играли, мячик бросали, лаптой били” /№ 24/; <...> в улицу соберутся, кадраль пляшат. Ето, веревку приташут, кругом нацепляются, ходят” /№ 3/; “А наберем – молодежи много было – воротами вот парами встаем ****¹² ...И мы всю деревню с краю на край воротами проходили. Это вот игра была такая. /№ 5/; была игра “Ремень”: “Вот сидят все, а вот пряжкой возьмут, ремень, скользком шваркнут по тебе и ремень бросают вам. И ты соскакивашь и пошла опеть дальше – другому” /№ 4/; были игры в хороводе /№ 5/. Увлеченность играми была всеобщей: “Как-то раньше *на игру ходили*. То бабки катали, то в лапту играют”. /№ 28/.

Игровая сфера праздника была столь могущественна, что это отразилось на содержании рассказов о Пасхе: некоторые из них состоят только из описания игр (например, рассказ Е. П. Зиминной /№ 25/. Образ праздника здесь слагается из описания качелей и игр “в бабки” и “в городки”). В пасхальные игры так или иначе (если не в качестве участников, то в качестве зрителей и болельщиков) были вовлечены все жители села. Игра вводила в состояние безмятежности, врачевала душу, заставляла забыть все тяготы и неприятности и предаться безудержному веселью.

Воспитание молодого поколения, передача ему накопленных духовных традиций

В ходе праздничного действия создавались возможности для реализации функции сельской общины по воспроизводству (в частности – межпоколенной передаче) духовных традиций. Календарный праздник предстает в рассказах как уникальная форма проявления народной педагогики, осуществлявшая формирование нравственных качеств ребенка в процессе “передачи культурного наследия одним поколением другому” /1, 1/.

В рассказах о Пасхе находят отражение различные способы приобщения детей к праздничному действу. Выделим некоторые из них.

Дети принимали участие в действиях, связанных с нравственной подготовкой к празднику (например, перед Пасхой нельзя было спать, требовалось закончить

¹⁰ Победитель, видимо, получал крашеное яйцо.

¹¹ Зимой “игранчик” проводили в избе.

¹² Имеется в виду, скорее всего, игра “в ручеек”.

шитье нового наряда /№ 4, 29, 5/ или украсить кулич до наступления утра /№ 34/).

2. При совершении некоторых обрядов дети становились полноправными участниками наравне со взрослыми.

Символическим выражением уважительного отношения к человеку как к личности были особые вещественные атрибуты календарных обрядов, которые предназначались для каждого индивидуально, независимо от возраста. В рассказах о Пасхе дается описание локальных традиций, согласно которым “паски” стряпались и пай изукрашенных яиц раскладывались на каждого члена семьи /№ 35, 36, 4/. А. М. Овчинникова подчеркивает, что каждый в семье надеялся одинаковым количеством пасхальных яиц: “Вон у нас был свекор – а семья большая была – он как придет из бани, отдохнет и сразу потом раскладывает, расстилает посередине полу шубу и сколь нас – по ей ... Маленькому, году нету, -- полная, а то всем – полны пай. И вот раскладывает всем. *Всем, всем, всем, сколько есть, -- по куче по ровной.* И у каждого своя посудинка, и каждый его потом складывает, свой пай, и в подполье. И всю неделю до последнего дня эти яички бурут /№ 4/.

3. Взрослые были заинтересованы в том, чтобы дети оказались “погруженными” в атмосферу праздничного действия и могли в полной мере испытать веселье и радость.

В рассказах упоминается истолкование взрослыми праздника применительно к детскому восприятию: Пасха: “Небольшито были, а нам отец говорит: “Ну, седни не спите, вон из-за той сопки-то *будет Паска выходить и придет к церкви*”. А в окошко-то смотрим: у церкви-то и стреляют – ой-ей-ей – огонь вылетат” /№ 5/.

В праздник входили традиционные элементы, предписывающие, чтобы взрослые стали *устроителями для детей*: в Пасху в каждом дворе устанавливались качели /№ 12, 22, 23/ (“А на Пасхе – качели. *У каждого во дворе – для ребятшек. А для взрослых – на лужок*” /№86/).

Существовали *обряды, совершаемые*, в основном, *детьми*. Обязательность исполнения этих обрядов предписывалась традицией, и участие детей в праздничном действе становилось необходимым. Дети были желанными гостями в каждом доме - хозяева ожидали их прихода для благословения дома и его обитателей (обряды христославения *¹³ на Рождество и посевания на Новый год), для христосования – на Пасху /№№ 7, 5/. Являясь уникальной формой общения между поколениями, обходные обряды, совершаемые детьми, способствовали укреплению мирских взаимоотношений и родственных связей (существовала традиция посещения детьми в первую очередь своих крестных родителей и родственников /№5, 13, 7/: “В первую очередь идешь ко крестному и ко крест-

¹³ Совершая обряд христосования, верующие делятся друг с другом радостью воскресения Христа: “обнимают друг друга, затем при троекратном лобызании приветствуют друг друга словами: “Христос воскрес!” и ответным “Воистину воскрес!””, обмениваясь при этом яйцами. Яйцо – символ возникновения жизни в недрах ее и в то же время символ гроба, то есть круга жизни от рождения до смерти. Окрашенное красной краской, оно означает наше возрождение кровью Христа”. /4,21/.

не. Это превый дом, первый гость. А потом идешь по всей деревне” /№ 13/), “<...> у меня крестна была. Мы к крестне в первую очередь идем. Та нам – двое, две сестры, у нас крестна одна была. Мы в превую очередь утром к ей идем рано. Похристосоваемся, она нам по яичку подарит. Это уж было обычае – чтоб яичко крестна дала. <...> А мы дальше потом соседев всех обойдем. Вот так все: те ребяташки и взрослые – вот таки вот ходили уже это. <...> Поверья была такая: похристосоваться” /№ 5/).

Несомненно, обряды, совершаемые в пасхальную неделю, игры и увеселения благотворно воздействовали на душу ребенка. Будучи средством передачи молодому поколению накопленного духовного опыта, они в то же время выполняли задачу введения ребенка в жизнь общины в качестве полноправного ее члена и способствовали укреплению представления о нем как о личности, достойной глубокого уважения и внимания.

Таким образом, в рассказах-воспоминаниях о праздновании Пасхи дается описание обрядов, обычаев и увеселений как уникальных традиционных форм общения, которые позволяли с наибольшей полнотой выразить духовные ценности, накопленные в процессе многовековой общинной жизни сельского коллектива.

Литература.

Виноградов Г. Народная педагогика (Отрывки и наброски). – Иркутск: Изд-во ВСОРГО, 1926.

Вичев В. Мораль и социальная психика: Пер. с болгарского.– М.: Прогресс, 1978.

Громько М. М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е г.г. XVIII-60-е г.г. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. – Новосибир., 1977. – С. 33 – 103.

Колесникова В. Праздники Руси православной. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.

Пеньков Е. М. Социальные нормы, управление, воспитание, поведение. – М.: Высш. Шк., 1990.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994.

Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. – М.: Политиздат, 1976.

Титаренко А. И. Мораль как особый способ освоения мира // Социальная сущность и функции нравственности. – М., 1975.– С. 3- 24.

Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания (Опыт этико-философского исследования). – М.: Мысль, 1974.

Предлагаем вашему вниманию ряд повествований о Пасхе, записанных в 70-е – 90-е годы XX века в Иркутской и Читинской областях. Все эти рассказы рассматриваются в статье.

РАССКАЗЫ О ПАСХЕ

1. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ

«У него /Иисуса Христа/ было 12 апостолов там, в том числе Иуда Искариотский... Он продал его разбойникам за 30 серебряников... Иисус Христос ходил с учениками, все ходили в одной форме. И он на прогулке ходил в саду с имя. Ночь была темна. И вот, чтобы узнать, кто из них Иисус (они все похожи были один на одного, трудно было...), так вот, этот Иуда договорился с разбойниками: «Подойду в саду, которого поцелую, вы и берите – это и есть Христос». Вот так и сделали разбойники. Но по закону божию писалось, что на третий день Иисус Христос воскрес. Светло Христово воскресение вот и празднуют, Пасху-то.

Дак вот таким порядком, чтобы религия была закреплена и вечно существовала, в подтверждение того ночь-то на Пасху (вы заметили?) всегда бывает темная, луны не бывает, она уж восходит там перед утром. Вот это связано со священным писанием, чтоб обязательно ночь-то была на Пасху тёмная <...>». /с. Шелопугино, Читинской области. АЗ/

2. ПАСХУ ЦЕЛЮЮ НЕДЕЛЮ ПРАЗДНОВАЛИ

Раньше-то, ранешное-то сейчас помню-ка. Даже Пасха – целую неделю праздновали, вот. Дак как? Готовят там хорошо, наготовят так, что всю Пасху, видимо, стряпают печенье ли, ково, настряпают, потом в погреб, чтобы не испортилось, потом – доставать, кушать.

А праздник, значит, начинался вот, например, на Пасху, вот вечером до обедни – никто ни граммочки исть – взрослые, конечно. Дети бы стали есть, а вот, например, взрослые, взрослые – нет. Потому что покамест там украшают: куличи надо украсить, стол надо накрыть, окороками там всякими разными, а там уж надо обедню. Из обедни приходишь – надо христосоваться. <...>

А там, значит, в церкви – приходишь – и сразу это... свечку покупаешь, конечно, там всякие свечки: дешевы, дороги. Кто богат, тот подороже берет, а которы бедняки – подешевле. Свечку поставишь и зажгёшь, а потом там батюшка дает стряпаное.

(-Просвиру? – Собир.)

Но, вот, помаленички, вот.

(-А потом, когда с обедни придут, похристосуются, потом что делали? – Собир.)

А потом чё? Которые, как мы, молодежь – качели раньше вон как ставили – идешь качаться. Там наберутся – дак ой-ёй-ёй сколько качатся, а если вот взрослые, например, вот ведь она ночь-то не спала, так она ляжет да маленько

вздремнет, а там, глядишь, каки гости пришли, угощать надо, а там, глядишь, и ишо пришли, вот тебе... Из дому в дом раньше ходили, видишь? Щас вот, щас же этой моды нету, а раньше вот из дома в дом, вот. Сядим, примерно, пушай человек вот будет то ли двадцать или двадцать пять, и одной бутылки водки хватит, рюмочки жа маленьки были, маленьки рюмочки, и вот этой бутылочкой – пожалуйста, угостишь гостей, вот идут в другой дом, в третий, так и, глядишь, и идут домой веселеньки, по рюмочке, по рюмочке – и наберутся.

(-И так успевали ко всем соседям зайти? – Собир.)

Нет. Если, например, так сегодня закончили там домов, на завтра, значит, они знают, завтра собираются к тому идти, к следующим, у которых не были, не гостили у кого. Вот это же так было заведено. <...> /Нерчинский район, Читинская обл. АЗ/

3. КАК ПАСХА ПРОХОДИЛА

... Раньше вино не пили женщины, да и мужики. Ежли Паску неделю празднуют – четверть вина купят (3 литра) и целую неделю пьют. Придут 30 человек – две бутылки выпьют, дак это ишо хорошо. А теперь двое сядут – две бутылки выпьют и мало, молодежь ишо тем больше.

(-А какие раньше праздники были в году? – Собир.)

Пасха была. Готовились всё: и мясо наколят – кололи и окорока пекли, вот, чушки стегно запекут. Готовились, тоже так же, как и сейчас. «Паску» пекли. Счас «торт» называется – пекут, а раньше называли «паской». Глазировали тоже его, конфеточки были, светы¹⁴ сделаны вот. Розами на «паску» поставят. Их счас на торт делают.

<...> (-А в Пасху-то в церковь ходили? – Собир.)

Ходили, обязательно, всю ношну. Паска работат всю ночь. Благовестят, молебен служили, это на всю ночь. Перед утром вот уже – как отзаревать – стрелять начинают. Стрельба открывается уже. Это, правда, браво было в церквах.. <...>

<...> Яйца красят. Мужики катают яйца, в бабки играют, все ребятишки игранчики делали. Счас в клубах всё ить. Концерты да чё, а раньше – в улицу соберутся – кадсель пляшат. Ето, веревку приташшут, кругом нацепляются, ходят. Вот так. Так и праздновали все. Пожалуйста. <...> /Нерчинский район, Читинская обл. АЗ/

4. СВЯТАЯ ПАСХА

/А.М.Овчинникова/

...А Пасха там... Всю Пасху качели <...>

(-А качели как делали? -Собир.)

А козлы закапывали, бревны подымали, там их связывали. Качели большие. Всю Пасху – на качели. <...>

(-А на качелях кто качался? – Собир.)

¹⁴ Светы - цветы

Девки, ребята. Там гармони, всё, балалайки, и пляшут, и качаются, и всё делают. <...>

<...> В церкву-то сходят, всю ночь в церкви, да принесут там огонек в скляночке, в ком ли несет его.

/А.Д.Овчинников/:

В церкви огонь горит – свечи зажгут и вот прижигают. Каждый человек идет Христа встречать и каждый тащит – раньше таки были фонарики. Фонарик зажжет там этим огнем – и домой. Приходит – там крест поставит, тут крест поставит и печку затопляет. <...>

/А.М.Овчинникова/:

А потом христосовались. О-ой, натаскивали вот таки корзины яиц-то. Все несут. А дома тоже покрасят за три дня всяким краскам и спустят в подполье. Потом на Пасху вымоются в бане...Вон у нас был свёкр (а семья большая была), он как придет из бани, отдохнет – и сразу потом раскладывает, расстилает посередь полу шубу, - и сколь нас по ей... Маленькому (году нету) – полпая, а то всем полны пай. И вот раскладывает всем. Всем, всем, всем, сколько есть, по куче по ровной. И у каждого своя посудинка, и каждый его потом складывает свой пай, и в подполье. И всю неделю, до последнего дня эти яички берут, а там оставляют до последнего... Ну, где горячи сварят. Кур же раньше много держали.

(-Оставляют, а потом куда? – Собир.)

Потом едят в последний день всё. Всю Пасху их хранят, носят и к Богу, к иконам накладывают яички.

(-А почему вот именно яички? Почему яички красят? – Собир.)

Бог знат. Это же до нас все было заведёно.

(-А избу как украшали? – Собир.)

Ой, браво украшали. .. У нас эти стены белы же – они не белились, а все кругом скоблились. Так вот *как свеча горит* – дня три-четыре скоблишь. А вот потолок был побеленный. Полы были белы, тоже ножиком скоблились. Красилось, ой, редко-редко где, а всё скоблили. Все желтет. Но Пасху-то ой-ё-ё-ё...Так и называли: но, «Святая Пасха».

(-А ночь перед Пасхой, как ее проводили? – Собир.)

Не спали, и маленьким не давали. Всю ночь не спали.

(-А что делали? – Собир.)

А вот сидят, шьют, пуговики пришивают. Чтобы у каждого хоть ситцево, но чтоб новенько было в церкви. Тебе не дадут, чтоб тебе платье како-то сшили, да ты чтоб его надела, покамест ты в церкву не сходила. Вот кака обычая была.

(-То есть в новом платье в церковь шли? – Собир.)

В новом. Ой, спать охота! Ой, спать! Вот так присунисся... Ну пусть бы...Нет, не дают! Вот кака поверия была.

(-А в церковь в какое время шли потом? Вот не спят, а потом что? – Собир.)

А потом пойдут в церкву – рано-рано-рано. Ой, рано, рано. Перед утром. Вот каки обычаи были. А всю Паску ничё делать не давали. Всю Паску празднуют. Мужики, у их занятие... водку так не пили, там редко было...А вот бабки катают соберутся, яички выбивают, катают. Вот у их по второму дню было занятие. А женщины гостили. Ходят. <...>

(- Из дома в дом ходили?- Собир.)

Ага. Всё готовили, всё приготавливали, всё пекли. Ой, печенья...Магазинов же раньше не было, все сами делали. И заварные <...>, и сливки эти свои сбивали, всё. На столах-то уж любо было, есть, ково поесть.

(-А в Пасху... Были бедные раньше, из бедной семьи? _ Собир.)

Были. Имя подавали даже. Вот едут – конишко запряженный, сани...И вот уж выходишь, нагребашь <...>. У их там кули. <...>И печеного давали, все им давали. /Газимуровозаводской район, Читинская обл. АЗ/.

5. КАК ПАСХУ ПРАЗДНОВАЛИ И В ИГРЫ ИГРАЛИ

...А Паску тоже праздновали. Паску – дак не спали и свет не гасили, лампы, от лампочки надо ишо и печку затопить. Аха¹⁵. А вот на Паску-то всю ночь сидишь, хто мечет¹⁶, хто чё. Вот сидят, чтоб чё-то делать, не спать. Аха.

(- А почему не спали? Откуда такой обычай? – Собир.)

Дак, а вот чё-то вот было, кака-то ето тоже...Вот у нас даже бабушка жива была, мы вот ишо...Но свету-то у нас ишо не было этого¹⁷ А тоже вот я лампу не гашу. Чтоб она... Вот от этой лампы печку истоплю, позавтракаем, потом спать ложимся...

<...> Где-то это в час ночи начинают стрелять, колокола звонить. Мы вот там, за рекой, - жили как раз напротив церкви. Небольши-то были, а нас – отец говорит: «Ну, сёдни не спите: вон из-за той сопки-то будет Паска выходить и придет к церкви».А в окошко-то смотрим: у церкви-то и стреляют ой-ё-ёй! Огонь вылетат. Вся деревня соберутся, тут молодежь-то все. Да мужики-то все ходили, встречали Паску. В колокола забрякают. У нас пять колоколов было на церкви-то. У нас Василий Михайлович первый туда залезал, дак аж «Барыню» выигрывал на их, на колоколах. Аха. Как заиграт, дак... Пять: два-то били ногой, три ногой-то, а тут – так от стоит - ногой¹⁸. Всю неделю в колокола звонили. Ребятишки, все¹⁹ - Паска неделя была - и всю неделю колокола звенели.

(- Ну вот встретили Пасху. А потом что? – Собир.)

¹⁵ Ага

¹⁶ Петли на одежде обметывает.

¹⁷ Электричества еще не было

¹⁸ Объясняет, показывает

¹⁹ Все могли звонить в колокола.

Богу молились. <...> Значит, Богу помолятся, похристосоваются, всё, яички красеньки тут, встретят Паску. Иисуса Христа же встречали, аха. Позавтрикают тут все, печку затопишь, и – кто блины, кто пирожки, у кого чё есть. <...> Своей семьей, своя семья. Вот у нас семья была большая: нас было шесть человек только детей. Малы-то уж мало чего застали. И это, всяк своей семьей встречали Паску, вот так.

А потом уже – первый день Паски – ходили – было тако обычае: вот например, вы вот уж девушки, значит, все обойдешь свою родню с яичком, похристосоваешься со всеми.

(- А с яичком что делали? – Собир.)

А яичко – вот у тебя яичко, у меня. Вот тебе я передаю в руку яичечко и говорю: «Христос воскрес». А ты говоришь: «Воистинный воскрес». И поцалуемся. Яички дальше опеть.

(- Значит, уже с подаренным яичком дальше идешь? – Собир.)

Нет. У тебя свой, у меня свой. И мы все вот... Вот крестник у меня, крестница была. И я сама была, у меня крестна была. Мы к крестне в первую очередь идем. Та нам – двое, две сестры – у нас крестна одна была. Мы в первую очередь утром к ей идем рано. Похристосоваемся, она нам по яичку подарит. Это уж было обычае – чтоб яичко крестна дала. Аха.

(- И после этого вы уже дальше идете? – Собир.)

А мы дальше потом соседев всех обойдем. Вот так все: те ребятишки и взрослые – вот таки вот ходили уже. Поверья была така – похристосоваться. А потом уже на обед собираются отцы наши обедать к кому-то одному, потом пойдут, дня три вот походят, погуляют это²⁰. А потом – неделю-то, если уж она ранняя Паска, весны нету, не начинают сеять хлеб, то, значить, это, в бабки катают мужики, аха, в улице-то в бабки катают, яичек вот эта куча – по яичкам кто выкатат, значить – яичко. По шапке притаскивали яичек этих – крашенные, вареные. А сейчас забыли, наверно, в бабки-то не умеют катать-то. А бабы так собирались друг с другом, сидят, мужики катают, а они сидят кругом тут. Всё вот там – дядя Сема-то живет – дак вот тут ао этому... вот на утесе все в бабки катали... А молодежь – опеть качели. Поставят ребята-то на Паску вечером эти козлы, цельные заплотины. Высоки козлы, из березы эти совьют качели-то. Не веревки – с березы кольца навьют – и вот качались. Мы уже Паску-то встретим, дак уж с утра сразу опеть оббежим родню-то, да потом – на качели. Всю неделю на качели качаемся, да и... А наберем – молодежи много было - воротами²¹ вот парами встаем, пробежишь вот эдак, нас позади стаются много туды, эти задни-то опеть бегут... встают. И мы всю деревню с краю на край воротами проходили. Это вот игра была такая. А весело – как-то было весело, да чё вот. То кругом встанем, горшки вот маленьких ребятишек – вот горшки покупаем им. /Описание игры в кругу/

²⁰ Речь идет об обычае гуляния «из дому в дом»

²¹ Видимо, игра, похожая на «ручеек»

<...> А игры были ишо вот эти, ну «беговушка» - всё играли, любили вот бегать, играть. Мячик, .. лапта у нас была деревянная вот. /Описание игры в «лапту»/

<...> И вот я забыла: ишо вот мы золото хоронили все. Вот чё-нибудь... бумажечку или чё ли комочком, ну вот девушки сидят вот так порядком, и ребята туды сидят – много же было народу-то – и вот это золото один кто-то хоронит, всем в пазуху сует руку-то, кому он его оставит. И вот надо угадать, у кого что. Один вот отгадывает. <...> /Описание игры в «кольцо-мальцо»/

(- А хороводами ходили? – Собир.)

<...> Ходили, аха. Хоровод-то был... в хороводе-то пели, а в кругу-то девушка с парнем.

(- А какие в хороводе песни пели, не помните? – Собир.)

Уже забывать тоже стала. Тут опять четыре человека в кругу, а остальные-то... Круг большой сам вот, а четверо в кругу и вот пели:

*Вот, говорит, летели птички,
Ростом невелички.
Вот они, говорит, летели,
Сели, посидели.
Вот они вставали, говорит,
Тяжело вздыхали.*

Вот забыла уж я ето всё. Птички эти... Все вот станут эдак вот: и ребята, и девки – все вместе. Всё вот игры были раньше-то... <...> /Сретенский район, Читинская обл, АЗ/.

6. КАЖДЫЙ ЭТОТ ПРАЗДНИК ЖДАЛ И ДУШЕВНО ЖДАЛ...

<...> У нас еще чудне было. Раньше тут церковь была. Вы там были? Где клуб.²² Там памятник стоит, надпись есть. От момента к моменту его другой раз побелят... Блюстителю наши не глядят. Так память не делают... Ну ладно. Вот это Пасху встречать – там. Поп. Поп - тут же жили. Тут раньше тоже поселочек был, щас новы дома. Тут поп жил. Как эту Пасху встречать – как сейчас на фестиваль звали три человека, скажем, от каждой области – а тогда со Средней Кары. Там уж по своему желанию, седлают коней, верхами молоды, неженатые, и едут суды на эту Пасху... Тут всю ночь поп поет. Кругом – иллюминация, называлась. Ну, может быть, шарики каки разны вешали или включали огонь ли чё такое – разноцветны, стрельба! Даже пушку зарядили порохом, но неправильно, и кого-то даже убили. Ну ково, это была примитивной... Стрельба обязательно начиналась с двенадцати часов. А там у нас уже утром – была тоже церковь, где мы жили, там старичок охранял ее – то сразу, значит, сам зал замыкат, а туда, на вышку, дает вход свободный на одиннадцать дней. И вот

²² Сейчас клуб в здании церкви

туда лазают, и там весь день молодежь: дын-дын, дын-дын – в колокола эти. <...> Мелодия-то была подобрана, старичок-то начнет, дак знаете, какая!.. Дак охота слушать, как какой-нибудь баян. Был напрактикованный, когда обедню собирать. Ну, тогда качуля, тут и яички эти крашены катает, тут этот играет лаптами, в мячик. Чего только не было тогда! Вот как ее встречали. На эту Пасху у всех фонари, все село – где два, где три, где один фонарик – разной цветной бумагой, продавалась цветна бумажка. Ну и накрасят, свечку поставят или лампу. Или, может быть, фонарик какой внутри у фонаря, он весь облепленный там горит, отверстице. И она всю ночь должна гореть. Тоже это было. И в двенадцать начинают стрелять. В каждом доме – окна нельзя было закрывать, это по-божественному – чтобы все было открыто, и огни во всех комнатах. Вот это так. С вечера этот стол, я помню – уж все-таки это при советской уж власти было – стол накрывался полностью, вот эти куличики («паска» их сейчас называют) вот таки высоты, все разукрашенные стоят. Тут от ²³ стоят, на этом столе, должны ... стоять курицы там эти задушены, ну, сготовлены, сварены, поросята у этих лежат, все на столе – Бога встречать. Лампада горит. И вот когда утром светать начинают, уже светленько, мать уже готовит завтрак. И вот всех нас выставит молиться к этой..., помолиться, а потом, значить, завтракать. Не спали! Мать всю ночь ходит, а мы носимся, мы уж больша стали, костры же горят всю ночь, всю ночь окрест, как начнут с этой поры – костер зажгут. Один догорат – второй поджигают, так и всю ночь. Потом коло него тут стрельба идет с двенадцати. Интересно встречали! Качули эти кругом. Большие качули! Знаете, какие, высота, веревки там, всем селом поднимали. Готовились к Пасхе. Все улицы выметут, интересно! А не то что там чё-нибудь, она вроде бы и дисциплинку придерживала, эта Пасха, и такой уж вроде день – веселый, его отгулять... А потом начинают. В первый день как-то не ходят, только в улицы ломаются. Там катают яички, чё-нибудь делают. Пьяных мало, а потом уже начинают ходить из дома в дом. Домов десять – двенадцать – и ходят, гуляют. Сейчас в праздник никого не увидишь. Как-то по домам вот это выпьют, все пьяные, и никакой.. А ребятишки, эти бегают, яички догоняют: в каждый дом забегают, имя²⁴ ... их угощают всех, обязательно. На Новый год и там это Рождество – забегают... у них овес: «Сею-лею, посеваю, с Новым годом поздравляю. Здравствуйтесь, хозяйин с хозяйошкой!» Овса насыпят в избу – тут имя не запрещали – делайте. Сейчас гостинцы, их поугощают, они во второй дом бегут. Конечно, там уже не яички, там уж друго давали, на Новый-то год. А в Пасху – это яички... Дисциплину держали – вот верите-нет, церковь огорожена у нас штакетничком, голубой краской крашена. И вот кто бы знал, что одна штакетина сломана была ли когда?! Кругом было много черемухи. Пока она не поспет – никто не шевелил. Штакетник... А сейчас на мосту сломают все. Перилки сделают – на завтра уж их нету. Это сами дисциплинку распустили.

(- А сейчас стреляют?- Собир.)

С оружиев. Скажем, пулю вытащит, порохом стрелит, а она все равно, звук-то. Тут лишь бы звук был. Все горит.

²³ Вот

²⁴ Им

(- А где костры-то жгут? – Собир.)

Вот где удобно, на сопках. А у нас где вот каменушка, я рассказывал, где золото хранили, на ей даже был. Потом во втором месте, на сопках – там вперед подожгут, чтоб браво было. А сейчас вот эти баллоны от машин, они долго горят.

(- А сейчас взрослые к кострам ходят? – Собир.)

Ребятишки. Ребятишечки одни такают эту, делают. Она так не отомрет теперь. Потому что этот вот такой видит, как вот десятилетний делат, уже взрослым стают, а этот на его место, так и переход идет. <...> /Сретенский район, Читинская обл. АБ/.

7. ПАСХА - ПРАЗДНИК БОЛЬШОЙ, РАБОТАТЬ – ГРЕХ

<...>Потом до Пасхи семь недель Пост. А на Пасхе – качели. У каждого во дворе – для ребятишек. А для взрослых – на лужок. Все ведь было из дерева. Слеги свяжут – три листовые – крепко, гладко. А из березовых козлы сделают. На всю неделю хватало! Игра «Разлука» была. «В «разлуку», девки, играть!» - и пошли! А мужики – бабки катать: холодец варят, ноги – так мужики бабки катали.

Пасха ведь праздник, дак праздник большой, работать-то грех. Я вот дивлюсь: а пошто сейчас никаких игров-то не стало? Таки малые, а уж вина напьются, буд-то больше заняться нечем... /Нерчинский район, Читинская обл. АЗ/.

Устные рассказы. Список сокращений

/АУ/ - Фольклорный архив кафедры литературы ИГПУ

/АЗ/ - Личный архив В.П. Зиновьева.

/АБ/ - Личный архив М.Р. Базилишиной.

*М.Р.Базилишина,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник ОЦНТид*

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ: СЕМИК, ТРОИЦА, ДУХОВ ДЕНЬ

На 40-й день после Пасхи отмечается Праздник Вознесения Господня (в этом году – 24 мая по новому ст.). В народном обиходе, «на Вознесение как бы завершалась пасхальная обрядность и открывалась троицкая – переход к лету» /7, 188/.

Семицко-троицкая неделя, именуемая в народе «зелеными Святками», объединяет в единый комплекс обряды и обычаи, совершаемые в течение трех праздничных дней: *Семика, Троицы и Духова Дня*.

Троица или Троицын день – это народное, бытовое название церковного праздника Пятидесятницы, когда христиане празднуют сошествие Святого Духа на апостолов. Произошло это событие на 50-й день после Воскресения Иисуса Христа, отсюда и название праздника. От Пасхи до Троицы проходит 7 недель.

Семик – четверг на последней, седьмой, неделе перед Троицей.

День Святого Духа – следующий за Троицей понедельник, 51-й день после Светлого Христова воскресения, в народе именуется Духовым Днем.

Троица и Духов День вместе составляют единый двухдневный праздник Пятидесятницы, «в церковном календаре выделенный специально для почитания и прославления Святого Духа» /3, 27 – 28/.

Церковный праздник Святой Троицы наложился на архаический комплекс языческих обрядов, связанных с культом расцветающей растительности. «Конец мая и начало июня, - отмечает А. Коринфский, - на которые приходится – падает Троицын день, - особенно подходили к чувству весеннего возрождения земли, покрывавшейся к этому времени наиболее пышной растительностью, еще не успевшею утратить своей обаятельной свежести» /4, 278/.

Язычники – славяне в эти весенне-летние дни посвящали свои моления и обряды «верховному Богу – Перуну-громовнику» и «богине весны – светлокудрой Ладе», «победившей демонов зимы» /4, 278 – 279/.

«Мало-помалу, - продолжает А. Коринфский, - древнее почитание богини весны <...> было забыто, а сопровождавшие его обычаи слились с новыми обрядами, создав вокруг первого летнего праздника необычайно яркую обстановку» /4, 278/.

Согласно заключению В. К. Соколовой, «у русских Троицын день и предшествовавший ему в некоторых местах четверг – семик (который, видимо, и был древней основой праздника), стал самым важным народным летним праздником» /7, 188/. «Даже в XX в., - констатирует исследовательница, - в этот день устраивали народные гуляния с ярмарками, каруселями и т.д. <...>. У русских семицко-троицкий комплекс по разнообразию и сложности входящих в него элементов может быть сопоставлен только с Масленицей» /7, 188/.

Символическим воплощением культа растительности у русских стал преимущественно образ березки, одного из наиболее почитаемых у славян деревьев /см. 7, 188/; /6, 46/. В семицко-троицкой обрядности береза выступает «как «счастливое» дерево, оберегающее от зла» /6, 44/, как символ весны и девичества /8, 24/.

В результате исследования весене-летней календарной обрядности русских, украинцев и белорусов В. К. Соколова приходит к выводу о том, что целостный

обрядовый комплекс семика-троицы сформировался только у русских, и выделяет следующие основные элементы этого комплекса:

1. Украшение домов, дворов, церквей и улиц зелень, березами;
2. Завивание березок и венков;
3. Кумление под березами;
4. Украшение березки, хождение с ней и потопление;
5. Бросание венков в воду;
6. Общая обрядовая трапеза девушек. /7, 206/.

Как отмечает исследовательница, этот основной вариант семицко-троицкого обрядового комплекса бытовал в Центральной России, в Поволжье и в Сибири /см. 7, 223/.

Постараемся дать представление о восточно-сибирской региональной традиции семицко-троицкой обрядности. Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении записях рассказов-воспоминаний сибирских старожилов о праздновании Семика-Троицы, проследим за ходом праздника, выделим основные этапы и дадим подробное описание отдельных элементов.

I. **Семик.** Великий четверг в народе считали девичьим праздником. Основные обряды в этот день совершались девушками.

1. Завивание венков.

Рано утром девушки с песнями шли в рощу завивать венки. В. К. Соколова отмечает, что завивать березку «шли в ближайший лес, причем выбирали часто тот лес, который около ржаного поля. Мужчинам при этом обряде раньше присутствовать было нельзя. Иногда девушки старались завивать венок в укромном местечке, чтобы кто-нибудь не увидел и не испортил его. Но это правило уже строго не соблюдалось, и парни приходили часто туда, где собирались девушки, приносили угощения, и все вместе возвращались в деревню» /7, 190/.

«Завивали венки по-разному. Скручивали ветки вроде венка; заплетали косички, перевязывая иногда ветки лентами; пригибали ветки к земле и приплетали к траве и т.п.» /7, 191/. В рассказах сибиряков завивание березок чаще описывается так: «На березе веточки загибают и завязывают лентой, ветки получаются как кольца, - березка действительно стоит как «завитая». «Каждая девушка завивала березку на себя, а во многих местах и на всех родных» /7, 191/. Подробное описание процесса завивания венков встречаем в рассказе Ф. А. Балагурова (с. Шелопучино, Читинская область): «Каждая девушка на березе аккуратно завивает венки. Первым долгом венок завивает первый на себя. Если венок не повянет до Духова Дня, то, значит, и дальнейшая жизнь девицы не повянет с раннего возраста. Второй венок завивает на своего любимого жениха с таким же завещанием. Последующие венки завивает на мать, отца, сестренку, братишка... Каждый венок украшает лентами, разноцветными новыми матерчатými лоскутками, цветочками. Как приятно и отрадно посмотреть на эти украшения, украшенные березы венками» /№11/. Развивать венки приходили на Троицу и

смотрели: сохранились ли венки, развились или засохли /см. 7, 191 – 192/. «Считалось, что если венок завял, то девушка или тот из ее семьи, на кого она завивала, умрет» /7, 192/.

Завивая венки, девушки могли петь:

*«Благослови, Троица,
Богородица,
Нам в лес пойти,
Венок сплести!
Ай, Дид! Ай, Ладо!»*

/4, 280/.

2. Обряд кумления.

В современных рассказах сибиряков описание этого обряда уже не встречается. Восстанавливаем его по другим источникам.

«Девушки в семик при завивании березок кумились, а когда развивали их, раскумлялись, - пишет В. К. Соколова. – Кумление забылось раньше, чем завивание, память о нем иногда сохранялась только в песнях, но еще в конце XIX в. кумились во многих местах, где завивали березки. Можно думать, что оба эти действия составляли один обряд» /7, 197/.

В. К. Соколова поясняет значение этого обряда: «Кумление – особая форма по-сестримса. Покумившиеся девушки становились как бы кровными родственницами, обещали дружить всю жизнь:

*Покумимся, кума, покумимся,
Чтобы нам с тобою не браниться,
Вечно дружиться.*

Или:

*Кумушки, покумитесь,
Где сойдется – поклонитесь,
Домой пойдете – не бранитесь,
Распроститесь.*

<...> Под эту песню две девушки, лучшие подруги. Подходили с двух сторон к завитому на березе венку (загнутым в форме кольца веткам) и троекратно целовались через него. В некоторых местах на связанные березки вешали крестик, и кумящиеся целовались, просунув голову в шнурок, на котором он висел. При этом обе кумы обменивались вещами, которые снимали с себя: платками, кольцами, иногда крестами; когда раскумлялись, вещи эти возвращались владельцам» /7, 198/.

А. А. Коринфский дает такое описание обряда кумления: «<...> девушки «завивали» - связывали ветвями – молодые березки и проходили под их зелеными

сводами с поцелуями и особо приуроченною к этому яркому весеннему обычаю песнею:

*«Покумимся, кума, покумимся!
Нам с тобою не браниться – дружить!»*

/4, 279/.

В отдельных местностях, в частности, в Тульской губернии, семицкую березку и не называли иначе, как кумую /см. 4, 280/.

В. К. Соколова стремится выявить историю происхождения обряда кумления: «Кумовство на семик, как можно думать, действительно восходит к обрядам родового общества. <...> Это, скорее всего, было принятие в род, признание им /родом. – М. Б./ полноправными членами девушек, достигших брачного возраста, своего рода инициация, показывавшая, что они готовы к браку. Кумовство-посестримство скрепляло половозрастной женский союз.

Производились эти обряды в начале лета, начинался расцвет природы, от нее уже ждали плодов. Девушка, достигшая половой зрелости, также должна была стать женщиной» /7, 200/.

3. Обряд «крещения кукушки».

«В некоторых южнорусских районах кумление девушек дополнялось «крещением кукушки». Обряд это локальный, в основном Калужской, Орловской и Курской губерний, встречался он также в Костромской, Тульской и Брянской» /7, 200/. В Сибири этот обряд могли совершать переселнцы из названных местностей. Вопрос этот требует дополнительного исследования. «Суть обряда состояла в том, - пишет В. К. Соколова, - что девушки и молодки (часто под руководством пожилой знающей женщины) делали «кукушку» и несли ее в лес, где ее «крестили» - кумились, а потом иногда хоронили.

Делали «кукушку» по-разному. В Калужской губернии, для которой этот обряд был наиболее характерен, ее делали из травы «кукушкины слезки» - по аналогии с названием травы и потому, что она такая же рябая, как кукушка. <...> Кукулку одевали в рубашку, сарафан, покрывали платком, чаще черным, «потому что кукушка - вдова».

<...> В Тимском уезде Курской губернии девушки и женщины в лесу из лоскутков и цветов делали подобие птицы, сажали ее на ветку и под ней кумились» /7, 200 – 201/. В с. Яковлево Орловского уезда делали антропоморфную «большую куклу, на наряд ей покупали вскладчину ситец, миткаль, ленты, кружева, надевали на нее маленький крестик. <...> А в с. Архангельском того же Орловского уезда поступали совсем просто: шли в лес, выбирали место. Одна из женщин срывала ветку с дерева и втыкала в землю, на нее вешали ленты, бусы и три креста» /7, 200 – 202/. «Это уже совсем похоже на украшение берзки, - отмечает В.К.Соколова, - под которой кумились, называли же такую ветку здесь «кукушкой» /7, 202/. «Как видим, - делает заключение исследовательница, - изображения кукшки были самые различные – от сорванной ветки до антропо-

морфного чучела. В некоторых же местах никакой «кукушки» не делали, а только говорили, что «крестят кукушку» /7, 202/.

«Крещение кукушки» состояло, собственно в том, что на нее надевали крестик или вешали его на ветки, под которые клали «кукушку», и тут же кумились. За этим могли следовать и «похороны»: «кукушку» клали в гроб – ящичек, коробку из-под мыла, духов и пр. – и зарывали, а на другой день вырывали;

«кукушку» оставляли тут же, иногда опять зарывали, а «гроб», кое-где и одежду, хранили до следующего года» /7, 202/.

В.К. Соколова отмечает, что «крещение кукушки» сопровождалось «похоронами кукушки» довольно редко; «чаще всего крещение «кукушки» - лишь один из способов вступления в кумовство. «Кукушку» обычно оставляли на ветке, куда ее сажали во время кумления, иногда ее брала женщина, руководившая обрядом», так как корню «кукушкиных слезок» приписывалась магическая сила – привязывать мужей» /7, 203/.

В.К. Соколова полагает, что «крещение кукушки» первоначально не имело отношения к Семику и к Троице. Обряд проводился весной, когда «первый раз услышат кукушку». «С кукушкой был связан ряд поверий и примет. Возможно, что, когда кукушка начинала куковать, делали ее изображение подобно тому, как печение «жаворонков» должно было вызвать их прилет. А так как некоторые приметы, связанные с кукушкой, сулили несчастье, то, услышав ее в первый раз, естественно было перекреститься, чтобы предохранить себя. А затем крестить могли и саму «кукушку». Крестик при этом вешали на дерево, как делали при кумлении, и таким образом произошло слияние двух обрядов» /7. 203/.

Таким образом, обряд «крещения кукушки» мог содержать три этапа: 1. Изготовление «кукушки», 2. «Крещение кукушки», 3. «Похороны кукушки». Согласно точки зрения Соколовой, обряд «похорон кукушки» - элемент не характерный, он появился «под влиянием похорон других антропоморфных изображений» и имел изначально игровой характер./7. 203/

Как игровое действие описывается обряд «крещения кукушки» А. Коринфским: «...на семицкое гуляние в роще избранные гуляющими «кум» и «кума» надевали крест на пойманную заранее кукушку или на траву, носившую ее имя («Кукушкины слезы», «Кукушечий перелет» и пр.), клали их на разостланный платок, садились около него и целовались под звуки приуроченной к этому семицкой песни:

*Ты, кукушка ряба,
Ты кому же кума? И т.д.» /4, 283/*

4. Общая трапеза

После завивания венков, совершения обряда кумления девушки устраивали пирешку. Пред этим готовится в деревнях «девичья складчина: собираются яйца, пекутся лепешки, закупаются лакомства» /4, 280/.

«Складчине и сбору продуктов, - отмечает В.К.Соколова, - придавали серьезное значение.» /7, 204/ Обязательной была яичница. Чаще яичницу и другие кушанья готовили сообща. «Для этого каждая девушка приносила два-три яйца и другие продукты. Но нередко все нужное для трапезы ходили собирать по деревне» /7, 204/.

Как пишет В.К. Соколова, «в приготовлении и поедании яичницы в Семик <...> была и своя особенность. Ее готовили сообща и ели только девушки. Это была своего рода братчина, скреплявшая, как и кумление, девичий союз. Возможно, что истоки ее также восходят к родовому быту» /7, 205/.

«Таким образом, - делает заключение исследовательница, - яйцо, начиная с Пасхи, проходило через всю весеннюю обрядность. Оно появлялось как символ зарождения новой жизни, а когда весна кончалась, его поедали уже в виде яичницы – зародыш должен был превратиться в плод. Аграрный смысл яйца и поедания яичницы несомненен. Это явствует и из того, что с яичницей часто шли в ржаное поле или располагались около него» /7, 205/.

5. Песни, игры и хороводы

«Поедание яичницы сопровождалось песнями, играми и хороводами».

«Семицкие хороводы сопровождаются особыми обрядами, посвященными «Березке-березоньке», которой воздаются особые почести – вероятно, как живому олицетворению древней богини весны» /4, 280/.

Могли на Семик обвивать лентами какую-нибудь особенно кудреватую березку, растущую на берегу речки, и петь ей старинную песню:

*Береза моя, березонька,
Береза моя белая,
Береза моя кудрявая!..*/4, 280/.

В.К. Соколова дает подробное описание семицкого гуляния, происходившего в Московской области: «Девушки, расставив яичницы, водили вокруг березки хоровод:

*Березка, березка,
Завивайся кудрявая!
К тебе девки пришли,
К тебе красны пришли,
Пирога принесли
Со яичницей*

Пропев песню один раз, девушки садились, съедали по несколько ложек яичницы, потом опять ходили хороводом с той же песней, так повторялось до трех раз. <...> Своими яичницами и другими кушаньями девушки угощали друг

друга. Иногда к ним присоединялись и парни, которые приносили сладости, а девушки угощали их принесенным обедом» /7, 205/..

6. Мытье самопрялок

Уникальное повествование о старинном семицком обычае было записано известным сибирским фольклористом В.П. Зиновьевым от Ф.А. Балагурова (с. Шелопугино Читинской области). В с. Верхнее Догьё, находившемся некогда рядом с с. Шелопугино, принято было в этот день мыть на речке прялки: «Из рощи девушки возвращаются с песнями домой. После обеденного перерыва домохозяйка берет из дому свою самопрялку и несет на речку мыть. Разрешалось мыть самопрялки, - и не сосчитаешь... Под руководством Кузьминичны поют хором песни – просто заслушаешься:

*Уж ты, прялочка моя, самопрялочка,
Сколько ж ты напярла мне пряжи и сукна,
конопляного волокна... и т.д.» /№ 11/.*

II. Троица

1. Украшение зеленью, березками домов и улиц

«Культ растительности выразился, прежде всего, в том, что на Троицу украшали зеленью дома снаружи и внутри, а также улицы. <...> У русских основной зеленью на Троицу были ветви берез, их втыкали повсюду, а перед домами и на улицах ставили и молодые деревья» /7, 188/. Судя по рассказам, обычай этот был распространен в сибирских селениях: «А Троицу эту всю обставят. Ну, деревцев привезут и затешат, срубят вот эту и завьют. Ну, они потом-то высохнут, но все обставляли, все дома. <...>Но на этот день в Троицу и коло дверей поставят, и везде, - изменится сразу улица. Сразу изменится: вся в лесу стоит»; /№ 4/; «А Троицу как: березки наставляли. Выметешь в ограде, березки кругом крыльца-то наставишь...» /№ 3/.

«Как можно видеть, - приходит к выводу В.К.Соколова, - внесение на Троицу в дома и дворы зелени было обязательным у всех восточнославянских народов. Это и был, видимо, один из древнейших обрядов апотропеической²⁵, предохранительной, а, может быть, карпогонической²⁶ магии, связанной с зеленым праздником – почитанием растительности» /7, 190/.

2. В лесу выбирали и срубали березку, наряжали ее

Рано утром молодежь собиралась – девушки и парни – и шли в лес срубать березку. Березку «ставили на постамент» - втыкали в землю и наряжали. Березка могла украшаться «пестрыми лоскутками и яркими лентами», венками «из лесных цветов» и из кудрявых /завитых – М.Б./ ветвей, /4, 279/, разноцветными платками, но могли ее наряжать и как человека.

²⁵ Апотропеическая магия (от греч. «отвращающий беду») – магия оберега. Апотропей – амулет, «оберег», <...>название предметов и изображений, которым приписывалась магическая способность отгонять злых духов. См. БСЭ. 2. Ангола-Барзас. 3-е изд. М., 1970.

²⁶ Карпогоническая магия – магия плодородия (от греч. «плод» и «семя»)

Рассказчики отмечают, что в сибирских селах березке, как правило, придавался антропоморфный облик: ее «оболокали», уподобляя красивой девушке («Вырубают молодую березку, срубают ее, потом наряжают: юбку надевают, кофту, косынку повязывают»; /№ 6/; «Наряжали куклой какой-нить. Нарядишь куклой, да и ленточки навяжешь, да и ходишь»; «Березку наряжали, оболочут ее как человека всего, браво. И платье наденут, и косынку наденут, и всё»; /№ 5/; «Наряжали как девку настоящую».

Эту же особенность отмечает и В.К. Соколова: «В Сибири же березку <...> рядили в девичье» платье, например, в Тюменском уезде выбирали березку с двумя макушками, связывали их, поперек привязывали палку (руки), надевали кофту, юбку, фартук, на голову платок или кокошник <...>. Также и в Енисейской и Иркутской губерниях «гостейку» /березку. М.Б./ одевали в «самолучшее» девичье платье, приделывали ей из кудели косу, украшали бусами и пр. /5, 194/.

Вокруг наряженной березки вставали и пели песню «Во поле березонька стояла». Затем накрывали на поляне стол, угощались. После этого танцевали парами «барыню», кадрили, в одиночку – «подгорну», «комаринского», «гопака». В Читинской области такое гуляние в лесу, на поляне, называлось *лугованием*.

Проследим, как описывается начало Троицына дня в рассказе Ф.А.Балагурова /№ 11/. Обратим внимание на то, что здесь повествуется об особых людях, которые согласно традиции этого села из года в год возглавляли определенное праздничное действо: старшая из девушек, Татьяна Кузьмична, была организатором всех семицко-троицких обрядов, а дяде Гуре, уважаемому всеми человеку, доверялось каждый раз выбрать и собственную срубить березку, будущую «главную героиню» праздника.

В данном случае мы можем наблюдать явление «персонификации обрядовой роли» /2, 76/. Как отмечает М.М.Громыко, «хранителями общинных традиций» /2, 77/ выступали лица, отличавшиеся «склонностью, способностями к выполнению постоянных ролей в календарных или семейных обычаях, в праздничных развлечениях» /2, 76/: свадебные дружки, свахи, основные персонажи календарных обычаев и обрядов (главные фигуры в масленичном карнавале, вожаки рождественских обходов дворов, заводилы-хороводницы и т.п. /См. 2, 76-77/ Будучи «персональными носителями традиции» /2, 77/, такие личности, как правило, вызывали симпатию и привлекали к себе внимание своей неординарностью.

«Утром рано в воскресенье – Троицын день. Кузьминична (старшая из девушек – М.Б.) празднично одета. Достает из своего сундука новую кофту, юбку, цветастый полушалок, ложит в сумочку – это наряд для березки. В это время гурьбой с песнями празднично одетые идут девушки с тарелками в руках, наполненными до краев продуктами, с узелками – разная стряпня: калачи, шаньги, тарки, хворост, пирожки, покрашенные яйца, творог, сметана и другое. Парни со шкаликами водки. Заполняется вся ограда Кузьмичны парнями и девушками. За оградой, конечно, всегда детвора тут как тут, ведь без них никогда нигде ничто не делается.

С главным запевалой Кузьминичной с песнями вся компания идут улицей по деревне на верхний край и на сопку Мангырницу. Только посмотреть и любоваться – что такой движущей нарядной колонне девушек в разноцветных платьях, косынках, новых кофточках, полушалках, разноцветные ленты. Парни с нарядными рубашкам, в нарядных шляпах, фуражках. Идут одевать березку. Дядя Гуря, любимец молодежи, уже давно на Мангырнице. Тогда-то подготовил, срубил ветвистую березу кудрявую и ожидает молодежь. Установили березку на постамент и принялись одевать на нее кофту, юбку, полушалок и манежки слентами – получилась нарядная красивая девица-береза. Вокруг березы на зеленой лужайке, украшенной природными разноцветными полевыми цветами, расстилают скатерти, наставляют тарелки с угощением и разлаживают стряпню. Прани ставят шкалики с водкой. Все становятся вокруг березки и поют хором «Во поле березка стояла» Алексей Кузьмич аккомпанирует на своей скрипке, не жалеет струн. Усаживаются все за общий обширный природный стол, начинается угощение, поют песни. Потом танцуют парами.

Лугование длится 5-6 часов и больше на лоне природы с чистым свежим воздухом, под яркими лучами солнца и чистым, светлым небом. Заканчивается угощение, и детвора собирает все атрибуты: чашки, ложки, стаканы, тарелки, скатерти и другое. Снимают с постамента одетую красавицу березку. Парни поочередно несут ее в деревню, за ними следуют девушки, парни и детвора, поют и даже на ходу танцуют» /№ 11/.

3. Встреча березки жителями села

Березку, которую с почетом несли из лесу в деревню, ожидали все жители от мала до велика. Березку устанавливали на центральной улице, вокруг нее водили хороводы, пели, плясали. « В верхнем краю деревни на улице против дома тетки Акулины <...> на зеленой лужайке ждут не дождутся женщины, мужчины. Даже и молодухи, завернувши в простыни, одеялки грудных детишек, тоже вышли встречать красавицу - березку. Устанавливают снова на постамент, и начинается ликование. Старые старушки вместе с девушками и молодухами поют и танцуют вокруг березки старинные народные песни и танцы» /№ 11/.

4. Обряд обхода дворов с березкой

«Наряженная березка становилась » <...> центром гулянья» /7, 195/. Девушки (а позже к ним могли присоединяться и парни) обходили с березкой всю деревню: с краю села начинали, заходили в каждый двор. Ставили березку посреди двора, пели, вокруг стоя или водя хоровод, песню про березку. Выносят столы в ограду, наставляют угощение. Молодежь угощается, затем идут, несут березку дальше – в следующий двор заносят и т.д., пока не обойдут всех: «Притащут в ограду, поставят эту березоньку. Оденут ее. Вот бабушка наша начинает перед ней, это, песню петь. Родная бабушка моя, вот это, ишло отцова мать. Она про березку пела и «березка, ты моя хорошая. Вот ты моя, говорит, прекрасная кака-то, разукрашенная-то». Ну где же я запомню. А все стоят вокруг. А каку песню она пела, я только во сне уже видела. Я же небольшая была. А потом матери там блины стряпают, выносят в ограду, где березка стоит, сто-

лы выносят и ставят эти блины, масло там, сметану, значит, это, кругом молодежь садится, кушают. А самых маленьких потом кормят» /№ 9/.

Наблюдалось в сибирских селах варьирование традиции: процессия молодежи с березкой могла и не заходить в ограду, а петь песню, стоя под окном. Пели тому, кому хотели, а также тем, кто сильно любил троицкие песни:

«Березку вот притащат ребята. Утром в Троицу оденут, лентов на нее оденут, украсят ее всю. И вот ходют и поют. Дак даже вот, например, вот я, девка, вот тут живу. К нам придут к окошеам, споют песню ту «Березку-Троицу».

(Это песня была такая? – Собир.)

Песня была. Вот у на ее бабушка Мисарьёновна знала ее всю, а мы почто забыли?

(Перед всеми домами ее пели или только где девушки жили?)

Да нет, оно и к девушкам-то не к каждым ходили. Где к кому придут, дак споют тут, у окошек постоят тут.

(Кто нравился, тому пели?)

Ага! Нравилось. Вот у нас вот отец – дак любил эти песни.

(А вы совсем не помните слов?)

Вот не помню слова-то. Знаю, что «березка, ты моя березка!» От нам Мисарьёновна пела вот эти годы, вот мы наплакались. <...> /№ 12/».

«Гощение» березки в деревне было одним из наиболее ярких моментов праздника. Ритуальный обход дворов с березкой был радостью как для самих его участников, так и для тех, кого посещали и одаривали песней «Березка-Троица». Красота шествия, сопровождаемого непрерывным пением, передается в рассказе Е.Д.Петровой (Жигаловский район Иркутской области): «Березку наряжали, нарядишь ее и округ деревни ходишь с ей. Нарядили куклой какой-нить. Нарядишь куклой да и ленточки навяжешь, да и ходишь, песни поют, березку возьмешь и идешь: там человек вперед, а сзади молодежь идет/ <...> Раньше все по деревне ходишь, песни поешь, и ребята идут и поют, и дехки идут, поют» /7/. Если березку заносили в ограду или в дом, то она оказывалась самой почетной гостьей («Из дому в дом таскают. Приходят, ее в передний угол ставят, она стоит. Так уж выделяваем. В другой дом пошли – забираем ее на плечо, опять понес. Вот так ее и таскали. /№ 2/. Все торжество и веселье сосредоточивалось вокруг березки. Величание березки было одним из самых важных элементов обходного обряда, а дальнейшее веселье состояло, в основном, из песен, плясок, хороводов, и все это совершалось вокруг березки, выступавшей в роли объединяющего людей начала».

Изначально обряд обхода дворов с березкой имел заклинательный характер. Березка считалась вместилищем духа растительности, которому приписывалось животворящее, благотворное воздействие /9, 119/. Принесение во время весенне-летнего праздника дерева или ветвей в дом должно было, согласно поверьям, способствовать благополучию и здоровью всех членов семьи, удачному

урожаю и «процветанию», увеличению рода. О широком распространении этого обычая у разных народов пишет Дж. Фрэзер: «Во многих частях Европы бытовал и продолжает бытовать обычай весной, ранним летом или даже в Иванов день направляться в леса, срубить дерево и приносить его в деревню, где оно устанавливалось при всеобщем ликовании, или срезать в лесу ветви и украшать ими каждый дом. Эти обычаи направлены на то, чтобы привлечь к каждой деревне и к каждому дому благоденствия, находящиеся во власти духа дерева» /9, 121/.

5. Березку оставляли «ночевать» в доме уважаемых всеми людей

В рассказе Ф.А. Балагурова подробно описывается, как после обхода дворов вечером на ночлег березку заносили в дом к старшей девушке: «Ликование длится до самого позднего вечера. На ночлег в полном наряде заносят березку к Татьяне Кузьминичне. У крыльца с хлебом-солью встречают хозяева дома Кузьма Евсеич с Аленой Ивановной и сын Алексей Кузьмич со скрипкой. Заносят в дом и ставят в передний угол под божницу с иконами» / № 11/.

III. Духов день

По наблюдениям А. Коринфского, с Духовым днем в народе связано представление об окончательном наступлении летнего тепла: «До Свята-Духа не снимай коужуха! - говорит деревенская Русь. Выдаются местами, действительно, такие непогожие вёсны, что только к этому времени и перестает знобить мужика холодом <...>. Только после этого праздника и можно позабыть о морозах-утренниках вплоть до самой осени – на всем неоглядном просторе Земли Русской. «С Духова дня не с одного неба, а даже из-под земли тепло идет!» - замечает песельница-деревенщина. «Не верь теплу до Духова дня!», «Придет Свят Духов день, - будет на дворе, как на печке!», «И сиверок холоден до Духова дня!», «Зябка девица-рассада, да и та просит у Бога холодку после Духова дня!», «Свят Дух весь белый свет согреет!», «Доживи о Троицы – Духова дня, а тепло будет!» - приговаривает дождавшийся лета православный честной люд. Во многих местностях с этого праздника, по обычаю старины, начинающий выбираться на летний ночлег из душной избы в более прохладные сени-клетки /4, 285-286/».

1. Продолжали украшать зеленью дома, устилать душистыми травами пол в храме и в избе

Зелени приписывались магические свойства /см. 7, 189-190/. Украинцы, например, верили, что полынь – главное защитное средство от русалок, белорусы считали, что «май (так назывались березки, которые устанавливали на Троицу около домов) может охранять посевы, способствовать росту злаков, овощей /7, 190/. Именно поэтому ветки «мая» втыкали в капустные грядки, чтобы не заводились черви /7, 190/». Особыми целебными свойствами, верили, обладала трава, принесенная из церкви и, следовательно, освященная. Как пишет А. Коринфский, в лечебных целях такую траву применяли и в русской среде: «Троица – повсеместный праздник цветов и березок. На Духов день они остаются красоваться как возле хат, так и в хатах; цветы же, вместе с травой устилавшие

пол церковный во время троицкой Божественной службы, подбираются богомольцами, приносятся домой и тщательно сберегаются под божницею: советуют опытные хозяева пользоваться ими – в перемешку с другим кормом – больную домашнюю животину (коров в особенности). Набожные старухи сушат и толкут в ступе принесенные от духовской обедни цветы и бережно хранят порошок на случай болезни кого-нибудь в семье. Достаточно, по их словам, вовремя окурить больного благовонным дымом этого порошка из «свящённого цвета», чтобы недуг пошел на поправку /4, 286/».

2. «Развивание венков»

Утром девушки (позже их могли сопровождать парни) шли в березовую рощу «развивать» венки. В отдельных местностях считалось, что «развивать» березку надо обязательно: «если не развивать – дерево обидится» /7, 193/.

В это время до сламывания венков с ветки, совершалось первое гадание по ним: по внешнему виду венка предрекалась будущая судьба того человека, на которого данный венок завивался. Если венок засохнет – плохо, чаще к смерти; если венок не засохнет – к счастливой жизни или же к тому, что желание, задуманное девушкой, когда она завивала венок, исполнится /7, 192-193/. Рассказывает Ф.А.Балагуров: «В понедельник – Духов день. Девушки с парнями идут пораньше к Кузьминишне, и все вместе идут в березовую рощу по венки. Осторожно в лесу сламывают венки каждая, веселятся, довольные, что ни один венок не завялился. С пучками украшенных венков возвращаются в село к дому Кузьминишны» /№ 11/. Сломленные венки девушки украшали цветами и травами и надевали на голову, а позже их бросали в воду.

3. Березку несли к реке

Березку выносили из ограды, где она «ночевала», и с песнями, дружно все шли на берег: «В ограде уже полно мужчин, женщин – пришли пойти на речку, посмотреть, как будут купать березку и венки. Детвора за оградой, гудят на разные голоса. Парни вынесли красавицу-березку и понесли на речку Ягъё. В Крестон. За ними все от старого до малого идут с песнями» /№ 11/.

4. На берегу с березки снимали наряды и опускали ее на воду

Судя по рассказам, березку опускали в реку осторожно, бережно, обращались с ней «уважительно»: «(Когда топят, что-нибудь приговаривают? – Собир.)

Да ково там приговаривать-то? Танцуют, поют и благословляют: !Иди с Богом, матушка, иди. Да на тот год вертайся к нам в гости! /смеется/».

«Исконным смыслом потопления березки, - считает В.К.Соколова, - <...> было заклинание на дождь. Орошенная, погруженная в воду зелень должна была обеспечить растительности необходимую влагу на весь период ее роста» /7, 196/.

На Ангаре принято было на лодке «вывозить» березку на середину реки и оттуда, с лодки, отпускать ее. Все, кто был на берегу, в это время пели песню о березе, как бы прощаясь с ней до будущего года /из экспедиционных материалов, Усть-Илимский район/.

5. Гадание на плывущей березке

Из рассказа Ф.А. Балагурова узнаем о старинном обычае: по тому, как поплывет березка, гадали о будущей жизни всей деревни: «На берегу речки снимают с березки все наряды, спускают ее в речку. Все устремленно, с любопытством смотрят на березку, как поплывет по реке. Очень все довольны, что березка плывет плавно, не тонет. Старушки восклицают: - Сёгоды (т.е. в нынешнем году) не будет войны и никаких стихийных бедствий ни на людей, ни на животных» /№ 11/.

6. Бросание в реку венков и гадание по ним

После березки девушки в реку бросали свои венки: «Вслед за березкой бросают свои венки в ручку и смотрят внимательно, как плывут ... венки. Речка покрывается разноцветным из живых цветов, венков как бы передвижным ковром, плывущим по реке, и никому не хочется уходить домой от такой прелести» /№11/.

Интересную особенность отмечает В. К. Соколова: «Венки бросали чаще не руками, а наклоняясь, скидывали их с головы, иногда при этом становясь к реке спиной» /7, 192/.

«По тому, как плыли венки, девушки гадали о своей судьбе. Толкования в разных местах разнились, но чаще всего считалось, что, если венок потонет, девушка, бросившая его, умрет или ей изменит милый; в которую сторону поплывет венок – в ту выйдет замуж и т.п.» /7, 192/.

Гадание по плывущим венкам подробно описывается в рассказах сибирских старожилов: «Бывает перед Троицей последний четверг. Это называется «Великий четверг», на него завивались венки на березках, завечают: кто, что. Купать когда будут венки, если утонет венок, так исполнится это дело. Загадывают, может, дескать, умру в этом году. Если венок утонет, так сбудется. Или замуж выйти, девки все ворожат. Завивают на березках венки, не ломают их, эти веточки, так и завивают, завязывают их» /№8/; «Идешь к реке, и пускаешь эти венки, и песни поешь. Венок этот плывет, плывет, а потом начинает тонуть, - то девка плачет. Она в этот год помрет. А эти плывут...» /№1/.

По мнению В.К. Соколовой, бросание девушками в реку венков – это наряду с кумлением один из элементов древнейшего обряда посвящения (инициации), в котором участвовали девушки, достигшие брачного возраста /см. выше/. «Сбрасывание венка – символа девичества» подчеркивало то, что «девушка, достигшая половой зрелости, <...> должна была стать женщиной» /7, 200/. Позже это ритуальное действие «стало гаданием – выйдет ли девушка замуж» /7, 200/.

7. После «купания» березки разрешалось купаться людям.

Рассказывая о превом летнем купании детей, Ф.А.Балагуров вспоминает о Иване Кузьмиче – человеке, который добровольно брал на себя обязанность контролировать это первое купание, следить, чтобы дети не задерживались в воде слишком долго. Здесь мы снова наблюдаем явление «персонификации об-

рядовой роли» /2, 76/:

«Дядя Ваня Кузьмич тут как тут, дает команду детворе:

- Сегодня Духов день. После, как искупали березку, разрешается купаться в речке.

Все дети мигом раздеются и с разбегу прыгают с берега в речку, каждому хочется взять первенство, первому упасть в речку. В речке начинается новая картина: раздевших донага с подстриженными волосами на голове белых, рыжих, русых, черных мальчишек всяких возрастов и мастей, как караван крикливых гусей, с криком, шумом и хохотом ныряют в воду, выскакивают на берег, умажется грязью, песком – и снова в воду. Дядя Ваня не уходит с берега, все смотрит, любителю на эту веселую, жизнерадостную картину и посматривает на солнце, озабочен тем, что в первый день нельзя детям долго находиться в воде: могут остыть без привычки и заболеть. И вот слышится вторая команда:

- Одевайтесь, пора кончать купаться.

Из воды слышатся унылые, но попрошательные голоса, слова:

- Дядя Ваня, еще только один раз укурнусь в воду, - кричат один за другим. Сжалился дядя Ваня и кричит:

- Ну, кувырнитесь еще по одному разочку!

Довольные, веселые выходят из речки, одеются по-быстрому, немножко вздрагивают.

Подается третья команда:

- Бегом по домам!

Только рубашонки раздуваются да голые пятки мелькают. Дядя Ваня идет домой, доволен, усмехается...» /№ 11/.

8. Лугование: трапеза и гуляние на природе

После «прощания» с березкой совершалось гуляние на поляне или «лугование»: трапеза (причем обязательным блюдом так же, как и в Семик, была яичница), а затем – песни, пляски, хороводы, хороводные и подвижные игры детей и взрослых. (В Троицу там луговать ходят. <...> В первый день Троицы березку всю украсят ленточками, бантами, Затем веночки сламывают и несут купать на речку. И несут в речку купать тоже березку. И вот эти веночки бросают, смотрят, у кого утонул, у кого нет. Потом после этого идут тоже молодежь: парни, девки – все на сопку поднимаются, столы несут, и самовары несут, и угощенья, но без вина. Угощались, чай пили и гармошка там и танцевали» /№ 8/.

В 2001 году

Вознесение Господне 24 мая

Семик 31 мая

Троица 3 июня

Духов День 4 июня

ЛИТЕРАТУРА:

1. ВИНОГРАДОВ Г.С. Материалы для народного календаря русского старожилородного населения Сибири. – Записки Тулуновского отд. Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. – Иркутск, 1918, вып.1.
2. ГРОМЫКО М.М. Место сельской территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Сов. Этногр. – 1984. - № 5. – с. 70-80.
3. КОЛЕСНИКОВА В. Праздники Руси православной. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
4. КОРИНФСКИЙ А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901. – Изд.репр. – Воронеж, 1995.
5. МАКАРЕНКО А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. – Записки РГО по отд. Этнографии. – СПб., 1913, т. XXXVI.
6. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995.
7. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979.
8. Трессидер Дж. Словарь символов /Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-РПЕСС, 1999.
9. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1983.

Устные рассказы о Троице

№	место записи
№1	Нижнеудинский район Иркутской области /АУ/.
№2, №3	Нерчинский район Иркутской области /АЗ/.
№4, №9	Сретенский район Читинской области /АБ/.
№5, №12	Сретенский район Читинской области /АЗ/.
№6	Шелопугинский район Читинской области /АУ/.
№7	Жигаловский район Иркутской области /АУ/.
№8, №10	с. Шелопугино Читинской области /АУ/.

Список сокращений:

- /АЗ/ - Фольклорный архив В. П. Зиновьева.
/АУ/ - Фольклорный архив кафедры литературы ИГПУ.
/АБ/ - Личный архив М. Базилишиной.

А.Сурнина, научный сотрудник ОЦНТиД

**ТЕМА МАТЕРИНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСТНЫХ
РАССКАЗАХ.**

Традиционный образ матери в современном русском фольклоре Восточной Сибири занимает значительное место и является одним из центральных образов в русском фольклоре, обосновывая существование «культы материнства» (Белов, 397) в народном сознании.

Устный рассказ – это публицистический жанр, быстро реагирующий на происходящие события, но при этом сохраняющий традиционные черты в отстаивании высоких нравственных принципов. Специфика жанра устного рассказа в том, что это жанр публицистический и является самым актуальным жанром фольклора: во-первых, благодаря быстрой реакции на появившуюся проблему; во-вторых, «за счет периодического обновления сюжетного фонда» (Базилишина, 11); в-третьих, несмотря на предыдущие признаки, жанр сохраняет традиционность в отстаивании высоких нравственных принципов, приемах и т. д. Специфика жанра проявляется и в тематике: наряду с текстами, посвященными семейным отношениям, обрядам, существуют тексты, где возникает коллизия «семья - власть», то есть власть, активно вмешивающаяся в жизнь семьи, разрушающая, губящая, разъединяющая. В устных рассказах исследовать тему материнства можно в мифологическом (в связи с представлениями о матери, как существе лиминальном), этическом (в связи с представлениями о нравственной норме и нравственном идеале) и социальном (в контексте проблемы «семья – общество, семья – власть») аспектах.

Изображение действительности в устных рассказах своеобразно, не следует забывать, что «рассказчик - представитель социального коллектива» (Базилишина, 10), а также то, что текст, зафиксированный собирателем, не может передать всех эмоций рассказчика, поэтому тексты, зафиксированные собирателем на магнитофонную пленку с последующей расшифровкой, дают более объективную картину. Анализируемые рассказы объединены двумя параметрами: их собирали в период с 1994 по 1998 годы (причем собиратели не были специально ориентированы на определенную тематику или жанр) и почти все тексты касаются периода репрессий 30 – 40-ых годов, воспоминания о которых проецируются на современную действительность.

Устные рассказы мы можем условно разделить на две большие группы.

1 группа. Это те устные рассказы, в которых отображается нравственная норма, создается идеал, в которых изображены «ритуализированные формы регуляции поведения человека» (Базилишина, 44). В этих текстах мать выполняет свой долг по отношению к ребенку несмотря ни на что, и ребенок отвечает ей тем же.

[...] После извещения заболела мама, она была старенькая, ей уход требовался. И вот я за ней ухаживала и не смогла выработать 60 трудодней. У меня дней была справка от врачей. А потом вышел указ о не выработке трудодней, и меня арестовали. Осудили на 7 лет, безо всяких хлопот увезли на север, где я и отбыла 7 лет. А мама моя осталась с внуками – сиротами. (ФА ИГУ)

В этом устном рассказе мы видим, что, несмотря на осознание своего будущего, предчувствие трагедии, дочь все равно выполняет свой долг по отношению к больной матери, а мать выполняет свой долг по отношению к дочери, воспитывая своих внуков. И чтобы ни случилось с матерью, первая мысль всегда о детях.

а) Мама, конечно, опухшая, уже такая была: пойдет в лес, а если запнется, упадет, то встать уже не может. «Молюсь, молюсь, Господи, помоги мне встать, у меня ведь ишшо там дите. И, - говорит, - Бог поможет. Я поднимусь и приду, - говорит, - домой». (ФА ИГУ)

б) Как раскулачивали? Ну, как... Хоть бы хозяйство только забирали, все одно в колхоз, так ведь и людей самих забирали.[...] И меня спрашивают: «Согласна, - говорят, - в колхоз?» - «Да куды ж я поспею, - говорю, - дети у меня, да старика надо кормить». - А у меня тогда четверо детей было. «Поспеешь, - говорят, - коли захочешь». (ФА ИГУ)

в)[...] запряглись и поехали от этой станции в тайгу под конвоем [...] Мы ехали на лошади трое все, а мама за телегой последнее время шла, вот так ей было тяжело! И, помню, кругом еще конвой с нами, чтоб никто не сбежал. Конечно, мать не бросит детей и не сбежит; ни одна мать не бросила дитя! [...] (ФА ИГУ)

Также на плечи матери ложилась забота и о душе ребенка.

а) Крестила раньше я ребятишек сама. Берешь ребеночка, он плачет, слезами изводится, а ты его в корыто с водой.[...] Вот так и крестили. (ФА ИГУ)

Не забываем, что это происходил в 30-ые годы, когда сама мысль о религиозном воспитании, исполнении религиозных обрядов была крамольна.

б) [...] Ну, когда она перед едой или как, она незаметно всегда молилась, всегда призывала благословение на пищу и, когда поедим, она всегда благодарила. Делала она это так незаметно, но я видела, как она сложит руки на груди и что-то шепчет, вот это я помню. [...] (ФА ИГУ)

Этот рассказ относится к 1933 году, времени страшного голода, когда, по воспоминаниям рассказчицы, « в лесу не выросло ничего», а у нее самой умерли от голода брат и сестра.

В устных рассказах о 30-40-ых годах встречается огромное количество сюжетов, в которых самоотверженная любовь матери спасала жизнь детям.

а) У нас как отца расстреляли, мама одна осталась и нас четверо детей. Мать, бедная, надрывалась, все работала, чтоб нас прокормить. Помню, рано-рано утром встанет [...]. И только поздно вечером возвращается. (ФА ИГУ)

б) [...] Убежит в деревню [мать – А.С.], чтоб там, а кругом, а не пускали никуда. Комендант...Следили строго. А она ухитрится, убежит: оттуда что-нибудь принесет, кто что даст, а кто-нибудь и покормит ее еще. [...]Когда отрубей, когда шкурки от картошек, ну, особенно не помню, что она приносила.[...]Ее обязательно узнают да в каталажку посадят на трое суток. А там ни постели, ниче. [...] (ФА ИГУ)

И рассказчику это не кажется из ряда вон выходящим, для матери это абсолютно нормальное поведение.

Рассказ об опытах на детях спецпереселенцев свидетелем происходящих событий вызывает ужас у слушающих. Мать разрывается между четырьмя детьми, двое из которых остались с незнакомыми людьми, двух других увезли на «незнакомую участь».

[...]а потом пришли в белых халатах тетеньки и стали всех ребятишек отбирать дошкольного возраста, и у меня братишка Тит, ему 6 лет, и мне 4 года. И нас подхватили, и в больницу унесли.[...]Когда она [мать – А.С.] зашла в палату, он сидит на кроватке: белая простынка, все чистенько, на нем белая рубашечка, а дыханье такое тяжелое... Сидит и ... хх-эхх. Она говорит: «Что с тобой, сынок?» «Бок порезали», - и задыхается. Она рубашонку подняла, глянь, а там ребро выломано, вставлена трубка, и стакан, и эта... И она сразу как закаменела.[...]а потом очнулась, очнулась и смотрит, а он уже мертвый лежит на кроватке. Здесь.[...] А потом, оказывается, это практика была на спецпереселенских детях.[...]. (ФА ИГУ)

В этой ситуации рассказчицу спасло чудо: комиссия из Ленинграда, но сколько детей уже погибло, в том числе и старший брат рассказчицы.

Среди рассказов о семейных трагедиях, кошмарах того времени есть и светлые воспоминания, когда мать щадят, пожалев детей.

а)[...]Сказали, что папа наш вредитель: хлеб мокрый сжал. Ему дали десять лет.[...] Мама снопы вязала, так ей пять лет дали(как соучастнице). Нас всех (и детей) в тюрьму всех повезли (и бабушку старенькую). А начальник тюрьмы посмотрел – куда он нас?! И маму-то отпустили. (ФА ИГУ)

б) [...]В 30-ом году отца забрали. Приехали, забрали, а куда увезли, мы и не знаем. Я была маленькая, мать неграмотная. Нас осталось четверо детей с матерью. Свои же сожители [в значении – соседи – А.С.] приходили, маму тянули через порог, мы за нее цеплялись, плакали. Хотели и маму забрать, она упиралась, они ее бросили на пороге. (ФА ИГУ)

Но на фоне рассказов, как не щадили, убивали и детей, и матерей, происходящее в этих рассказах кажется чудом, но при этом невольно задумываешься, а

что случилось с людьми, которые пожалели, не стали губить беззащитных, или не смогли вынести своего бессилия.

[...]И, помню, первого начальника взяли, как врага: он стал ездить деньги собирать у людей, и стал ездить, чтоб пилу купить людям. Не надо, нельзя было. Помню, его забрали. Второй не выдержал: тоже женщины идут, плачут, раз он начальник: «Помоги!» - И он не выдержал, застрелился. (ФА ИГУ)

К устным рассказам без социальной направленности относятся тексты с описанием обрядов, рассказами об отношениях в семье. И в большинстве таких рассказов подчеркивается огромная роль родителей, а в частности матери, в жизни детей, невзирая на их возраст и время происходящих событий. Например, от соблюдения обрядов матерью зависит будущее ребенка (это явное влияние представлений о матери, как существе лиминальном, связанном с потусторонним миром).

Когда мать с новорожденным приходила домой, от порога до постели выстилали дорожку бумажными деньгами. Купюраами разными, по возможности новыми. Мать должна пройти по этой дорожке, чтобы наследник ее жил богато. (ФА ИГУ)

Или по совету матери выбирается жена, что обеспечивает дальнейшую благополучную жизнь сына.

[...]Мать утром приходит – все узнала. Мне говорит: «Миш, ты бы подружился с Дусей-то. Хорошая девчонка, сирота, да мы ее не обидим». А самое-то главное, мне мамка часто повторяла, что жинка должна уметь шить, прясти и белить. А то попадетя интеллигентка кака, будет сидеть, папиросы курить и поплевывать.[...]

По отношению к родителям сохраняется почтение и абсолютное послушание. «Семья скреплялась наибольшим нравственным авторитетом. [...] Строгость семейных отношений исходила от традиционных нравственных установок, а вовсе не от деспотизма, исключаящего нежность к детям и заботу о стариках». (Белов, 143)

[...]В уважении мы росли, в дисциплине, в порядке, в труде. Да и воспитывали не токо семьей, а всем селом, бежишь утром мимо соседа и не поздоровался – не пожелал здравия значит! Так сосед в обед заворачивает: «Николай, шо за дела, вон Мишук утром прошел и головы не повернул, богатые сильно стали или случилось чего?» «Как так прошел? А ну иди сюда! Ты почему с этим-то не поздоровался?» И на горох... Это раньше так наказывали.

А как накажут, должен встать и поцеловать руку отцу и матери, что, значит зла на них не держишь-т. Да, родителей надо слушать в оба уха – без их совета ни-ни! Они все во благо своим детям... Все для ради них!». (ФА ИГУ)

2 группа. Устные рассказы этой группы ориентированы на изображение конфликтной ситуации, то есть, где герой изображен в неординарной ситуации, чтобы на его примере подсказать слушающим, как поступать правильно.

А) В 1-ой подгруппе изображаются осиротевшие семьи (без матери или отца, пострадавших в результате репрессий). Конфликт разрешается благополучно: помогают соседи, добрая мачеха, сестра матери, т. е. заместители матери.

а) Родилась я в 1930 году. Нас было в семье четверо ребятишек, девочек. Отец из крестьянской семьи, мать, бабушка с бабушкой.

С каким-то временем кулачество какое-то подошло. Отца посадили. [...] В 34-ом умирает мать. [...] В 36-ом выходит из тюрьмы отец. Вышел из тюрьмы и необходимо было ему жениться, чтобы за детьми был какой-то присмотр. (ФА ИГУ)

б) А это уже где-то 32-ой год настал. [...] Мама еще заболела тифом, ее увезли на Новый путь, это 20 км от Паренды. Мы одне были, но нас не оставляли. Помню, как сохатого забили. Вся деревня гонялась за ним, за сохатым этим. Большой, как корова (это я хорошо уже помню). И убили его, и разделили мясо. Мамы не было, а нам тоже долю дали, сказали: «Надо этим детям, оне без матери». Ну, мы этот год пережили. (ФА ИГУ)

б) В устных рассказах второй подгруппы выводы делаются на фоне конфликта, зашедшего в тупик и не имеющего мирного разрешения.

В поселке Йода это дело было, в 1933 году. Маруся Михалева нагуляла себе ребеночка с ухажером одним. А тот ей: «Если избудешь ребенка, женюсь на тебе». Зима тогда стояла. Родила Маруся около сарая девочку. Видимо стегала ее вначале (рубцы потом на теле обнаружили), а потом задушила. А спрятать куда? Неподалеку речка текла мелкая с майскими проталинами. Запихала мать дочку в прорубь и ушла. [...] Знали, что Маруся брюхата была. И к ней: «Куда, - мол, - дитя дела?» И раскрыли ее. [...] Дали ей в Нижнеудинске 4 года. А ухажер так и не женился на ней. Другую себе нашел [...]. (ФА ИГУ)

Поведение матери ненормально и осуждается всеми, особенно подчеркивается, что желаемое убийцей своего ребенка так и не достигнуто. Этот сюжет перекликается с аналогичным сюжетом баллад.

К этой же подгруппе относится варианты устного рассказа, где мать бросает своих детей и мужа, что по народным представлениям является святотатством.

[...] Одна женщина жила со своим мужем уже лет пятнадцать. Было у них девять детей (семь сыновей и две дочери). Хорошая была женщина. И вот случился у нее любовник. Уехала она с ним в тихую из Колетуха в Шаманово. Так вот как ее муж узнал об этом, поехал за ней. Того любовника чуть не убил, а ее-то (мать девяти детей!) привязал за косы к оглоблям и так домой привел. [...] (ФА ИГУ)

Отдельно стоит сюжет, где ситуация доведена до абсурда.

Было это у нас в Пароге. Валя Ращубкина в селе буфетчицей работала. Ну и нагуляла себе брюхо. Уж как ее отец ругал. А оставить рожать в селе стыдно стало. Увез ее в Нижнеудинск, а потом обратно уехал, а перед отъездом сказал дочери: «Чтобы ноги твоей в моем доме не было!» А когда родила Валя девочку, врачи отправили телеграмму, чтоб приехали за ней. Отец же ничего не отве-

тил, Валя на другой день вместе с ребеночком пыталась с моста сброситься, но ее вовремя обнаружили. А на следующий день ей все же удалось выбраться из больницы. Дитя оставила, взяла с собой одну только пеленочку. А около больницы тополя росли. Ну вот, она на одном из них и повесилась.[...] Отец же Вали и после ее смерти ребеночка взять отказался. Кроме Вали-то у него еще два сына было. А у одного как раз недавно малец родился, вот он и эту девчушку взял, Валею назвал в честь матери. Сказывают, сыновья до сих пор простить отцу не могут смерти сестры любимой. А сын, который дочь сестры взял, когда приезжал в село, сказал отцу: «Выращу дочь Вали как родную». (ФА ИГУ)

Самоубийство, страшный грех, усугубляется еще и тем, что брошен ребенок. Ситуация разрешается, пусть запоздалым, вмешательством родственников. (И в этом рассказе мы видим переключку с балладным сюжетом).

Эти две тенденции в устных рассказах отвечают одной цели: отреагировать на происходящее в обществе (пусть без эпической отрешенности и объективности), показать трагедию нашего общества, но при этом ни голод, ни лишения, ни смерть не лишают людей человечности, этические ценности по-прежнему регулируют жизнь человека, а мать по-прежнему готова отдать все за жизнь своего ребенка.

ЛИТЕРАТУРА.

Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 420 с.

Базилишина М.Р. Устный народный рассказ: функциональная природа жанра / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Иркутск, 1997. – 256 с. – (машинописный вариант)

Используемые сокращения.

Базилишина, 10 – Базилишина М.Р. Устный народный рассказ: функциональная природа жанра / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Иркутск, 1997. – с. 10 – (машинописный вариант)

Базилишина, 11 - Базилишина М.Р. Устный народный рассказ: функциональная природа жанра / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Иркутск, 1997. – с. 11 – (машинописный вариант)

Базилишина, 44 - Базилишина М.Р. Устный народный рассказ: функциональная природа жанра / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Иркутск, 1997. – с. 44 – (машинописный вариант)

Белов, 143 – Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 143 с.

Белов, 397 - Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. – М.: Мол. гвардия, 1989. – с. 397

ФА ИГУ – фольклорный архив кафедры русской литературы XX века филологического факультета ИГУ.

*А. Харитонова,
художественный руководитель
фольклорного ансамбля «Красная горка» ОЦНТид*

НИЖНЕИЛИМСКАЯ СВАДЬБА

**(по материалам фольклорно-этнографической экспедиции
в Нижнеилимский район, 1994-1996 гг.)**

Традиционная крестьянская свадьба – это, безусловно, одна из интереснейших страниц жизни русской деревни. Свадебный обряд в настоящее время привлекает большое внимание руководителей фольклорных ансамблей и народных хоров, так как, используя описание отдельных свадебных моментов, они могут сделать сценическую разработку самого действия - картины сибирской свадьбы. Ведь как важно для будущего, для потомков, сохранить эту красивую традицию своего народа, привить к ней любовь.

Каждый из элементов свадьбы, в свою очередь, складывался из различных обрядовых действий, в разных местностях, имеющих множество вариантов. В целом несмотря на устойчивость, свадебный обряд все же во времени претерпевал изменения. Отдельные его моменты или совсем исчезли, или заменились новыми. Так, например, в Сибири до 30-40 гг. XX в. существовал обряд – косокрашение. Означал он – украсить косу. *“Получив благословение родителей, близкие подруги расчесывали невесте волосы и заплетали косу, вплетая в нее разноцветные узенькие ленточки – “косники”. Затем к косе прикалывали “жемчужную” кисть (кисть из яркого бисера), на голову надевали венок из бумажных цветов”* (Р.П.Потанина).

Этот обряд на территории Иркутской области, по рассказам старожилов, не был распространен. А по материалам экспедиции в Нижнеилимском районе, можно проследить эпизодичность символических действий, связанных с волосами невесты. *“Косы-то большие раньше были, из лентов наденут. У кого-то украшена /коса/ была, у кого-то нет. Лентами украшали, у кого сколько придеца, всяко жили раньше, беднота была”* (П.В.Перетолчина из с.Березняки).

Утром, в день венчания, невесту собирали к венцу. Как правило, одевали ее девушки, иногда могла одевать крестная мать. Подвенечное платье в 20-30-х годах прошлого века называлось “парочка”. По низу юбки пришит широкий волан, блузка – приталенная, на кокеточке (на талии присборенная до линии бедра), с пышным рукавом, зауженным к кисти руки. По рассказам старожилов, раньше была ткань, называлась она “тарус” - темно-зеленого цвета, однотонная. Из нее-то и шили парочки. На свадьбу шили парочки голубого, белого, розового цвета.

На голову невесте надевали “красоту” /ударение на первом слоге/ - белый восковой венок. *“Обязательно три цветка на венке: в центре и по бокам... “Ви-*

сульки” от боковых цветков с обеих сторон свисали почти до плеч” /Н.М.Белобородова, “Инф. Сборник” № 1-2, 2000 г./

В Сибири красотой называли венок с прикрепленными к ней лентами и бумажными цветами, вершинку сосенки (иногда другого дерева), украшенную лентами, цветами, бусами. Существовал обряд прощания с девьей красотой – ритуальное расставание невесты с девичьей вольной жизнью. Вероятно, этот обряд претерпел изменения, поэтому информаторы в некоторых местах называли нам красотой восковой венок.

В доме жениха собирался свадебный поезд – поезжан: 5-6 мужчин, сваха, жених. Руководил всем действием дружка. Обычно это был молодой женатый мужчина, хорошо знающий обряд, умеющий на все отвечать шутками да прибаутками. *“Например, приедет к невесте /дружка/, вперед заходит тамо-ка, там его не пуцают, платит деньги, встретют, свальбу всю заводит, читат, читат просто так речь”* /А.Н.Перетолчина, с. Березняки/.

*Не ругай меня, матушка, что я слаба.
Не ругай меня, батюшка, что я слаба.
Лучше маменьки, лучше папеньки я не нашла,
Нежели моя дороженька мурашом заросла.
Ты калиною-малиною нависла.
А я к матушке пойду, калинушку притопчу.
Калинушку-малинушку поломаю.
У родной атушки, у родимого батюшки побываю.*

(Записано в дер. Шестаково, ныне затопленной, от М.Е. Князевой, из архива ИПУ).

Это свадебная сиротская песня, исполнялась она утром венчального дня, когда невеста-сирота ходила на кладбище.

На свадьбу приглашались песельницы, 5-6 женщин, которые на протяжении всего свадебного обряда пели песни. А после венчания, в доме жениха, их усаживали на лавки, ближе к окнам. На столе стояла деревянная чаша, куда все, кому пелись песни, бросали деньги. *“Разным поют, Например, поезжанам поют, там сваха ли, там у невесте сваха. Вечером, когда кончается свальба, дружка им раздает деньги”* (А.Н. Перетолчина из с. Березняки).

По рассказам старожилов Нижнеилимского района, на свадьбу очень ярко наряжали лошадей. На них надевали “блестящую” сбрую, “дуги-нарядки”, из разноцветной бумаги насаживали цветы, привязывали к дугам по 2-3 колокольца. *“Вот так дуга, тут на середку привяжут, потом по бокам привяжет ленты четыре, другой раз пять или шесть навяжут. Атласные раньше ленточки бывали, красивы”* /А.Н. Перетолчина/.

Сибирский свадебный стол был богат яствами. Застилали столы длинными полотенцами. Зажаривали разную птицу – глухарей, тетерю. Все украшали цветами в виде ромашки или розы, приготовленными из разноцветной бумаги. Тра-

диционным сибирским блюдом был курник. *“Курники стряпали. Это наводят сочень, кладут курицу. Крупу размочат в молоке, масло положут. В эту формочку чугунную положут сочень-то, туды и крупы наложут. Опеть закроют и в печку запекают. Вытащат оттуда, опрокинут”* /там же/.

К большому сожалению, свадебные песни практически не звучат в обследованных нами селах Нижнеилимского района. Возможно, здесь сказалось переселение жителей деревень в поселки городского типа в связи с затоплением и строительством ГЭС. Так, песенная традиция, сложившаяся на протяжении многих десятков лет, оказалась утраченной.

*Г.В. Медведева,
кандидат филологических наук,
зам. директора ОЦНТД по научно-
исследовательской работе*

РУССКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ О МЕДВЕДЕ

**(по материалам фольклорно-этнографических
экспедиций 1980-2000 гг.)**

Культ медведя относится к числу наиболее важных вех в культурной истории человечества, свидетельствующий «об интеллектуальном выделении человека из природы, и становлении в его сознании картины мира» (Столяр, 1971, 145). Его существование отмечено в эпохе палеолита, о чем свидетельствуют археологические находки - «медвежьи пещеры» - хранилища костей хищника, которые имели явно выраженный ритуальный характер. Это прежде всего «медвежьи» памятники, выявленные в начале 20 столетия в альпийской зоне Центральной Европы, среди которых особую известность получили Драхенлох, Вильдеманнлислох, Вильдкирхли и Петерсхелле, а также Гайленрейт и Готенхир. (Столяр, 1971, 131). Скопления костей медведя обнаружены археологами на раннемустьерских охотничьих стоянках в известной карстовой пещере Драхенлох, в которой размещены шесть прямоугольных каменных ящиков с медвежьими черепами и костями конечностей. ”На границе второй и третьей камер (пещеры) стояли в ряд шесть грубых прямоугольных каменных ящиков, образованных из плит и перекрытых одной большой горизонтальной плитой. Заполнение этих “сейфов” также состояло из черепов и длинных костей (лап) пещерного хищника и несло следы строгой регламентации... Из других находок надо еще отметить размещение нескольких неповрежденных черепов в естественной нише и неподалеку от нее - один целый череп, обложенный по контуру камнями...”(Столяр, 141). Аналогичные захоронения были обнаружены в Ильинской пещере близ Одессы, где они находились за специальной каменной оградой; череп медведя был обложен камнями (Рыбаков, 133-134). Подобные находки свидетельствуют об особом сакральном отношении древнего человека к медведю.

Из всего многообразия первобытных культов медвежий культ - один из самых распространенных и архаичных. Культ медведя имел большой ареал: он охватывал Скандинавию и Кольский полуостров, Северо-Восточную Европу, Сибирь, Амурский край и таежную зону Северной Америки. Следы культа медведя найдены в Швейцарии, а в античную эпоху также во Фракии, в различных странах Малой Азии и в Тавриде. Еще Бахофен отметил значение культа медведя в религиях древнего мира и показал, на основании свидетельств античных авторов него широкое распространение» (Bachofen, 1863).

Вопрос, существовал ли «медвежий» фольклор у русских, до сих пор в достаточной степени не освещен в отечественной фольклористике. Одна из причин этого: отсутствие до самого последнего времени конкретных подтверждающих материалов. Имеется лишь единственная в сибирской фольклористике опубликованная в 1936 году работа, написанная фольклористом Г.С. Виноградовым и заведующей-хранительницей русского отдела Музея ВСОРГО А.М. Поповой «Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири» (Попова и Виноградов, 78-83), куда вошли восемь тестов о медведе: пять мифологических рассказов о человеческом происхождении медведя (там же, 78-79) и три - о сожительстве женщины с медведем (там же, 80).

Как замечают сами авторы, это лишь «небольшой материал, добытый ... у русского старожилого населения Сибири» в двух уездах: в Тулуновской волости Нижнеудинского уезда и в Яндинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии (там же, 78). Материал собирался в течение 1921 и 1922 гг. (там же).

Однако все эти материалы носят характер фрагментарных сведений и не позволяют в полной мере прояснить вопроса о существовании «медвежьего» фольклора у русских Сибири. И вероятно, этим обстоятельством: фрагментарностью, отрывочностью сведений о медведе можно объяснить существование суждения о том, что бытующие среди русских представления, связанные с медведем, интерпретируются исследователями как факты заимствования у местных народов Сибири, у которых, как известно, медвежий культ существовал в достаточно развитой форме.

За век с четвертью, прошедший с момента первого упоминания о медведе, в деле его изучения прибавилось очень мало. Полное прояснение ситуации стало возможно лишь при осуществлении более широких планомерных полевых исследований, которые и были предприняты фольклористами кафедры литературы Иркутского государственного педагогического университета (далее - ИГПУ) в период с 1978 г по 2001 гг. Автором данной работы была разработана специальная Программа, на основании которой был собран обширный материал о медведе у русского населения на территории Восточной Сибири. За этот период состоялись 68 фольклорных экспедиций ИГПУ и ДФ ОЦНТиД под руководством автора исследования, 114 личных поездок автора. Кроме того часть материала была собрана во время студенческих фольклорных практик ИГПУ (1978 г.- 1997 гг).

В целом в результате регулярных плановых полевых исследований стало возможным сплошное обследование 1247 населенных пунктах Восточной Сибири,

главным образом, русских селений Иркутской, Красноярской областей, Забайкалья: Читинской области, Бурятии, Приамурья (Амурская область, Хабаровский край), Камчатки, Дальнего Востока, Республики Саха (Якутии). Собираание фольклора осуществлялось методом фронтального обследования, предполагающего безотборочный опрос населения. Из всего собранного за двадцать три года полевого материала по традиционной культуре русских «медвежий» фольклор составил 12 964 единицы, хранящихся в фольклорном архиве ИГПУ (далее - ФА ИГПУ), а также в личном архиве автора (далее - ЛА). В большинстве своем это произведения сказочной прозы (реалистические рассказы, былички, бывальщины, легенды, предания, рассказы этнографического характера, описывающие охоту на медведя и связанные с ней ритуальные акции), а также поверья, представления, заговоры, заклинания, обряды, обычаи, и т.д.

Как показывают более чем двадцатилетние полевые изыскания, Сибирь в силу объективных причин оказалась хранилищем русского архаического «медвежьего» фольклора. Рассказы о медведе, в том числе: реалистические и мифологические, (свидетельствующие о некогда развитом у русских культе медведя) - одни из самых популярных здесь. Но несмотря на свою популярность, в Сибири эти рассказы практически не записывались. Имеется всего 34 текста: четыре рассказа, записанные этнографом А.А. Савельевым во время его ссылки (с 1910 по 1917 г) в Пичугскую волости Приангарского края, хранящиеся в фонде (Инв. 4; стар. № 1274) фольклорного архива Государственного литературного музея (Москва), 12 рассказов, записанные в 1970 годах Е.И. Шастиной от русских, проживающих на Нижней Тунгуске, 18 рассказов, зафиксированных В.П. Зиновьевым в Забайкалье, хранящиеся в личных архивах фольклористов, а также в фольклорном архиве ИГПУ.

Обширный полевой материал, записанный нами на территории Восточной Сибири в период с 1978 г-2000 г.г., свидетельствует о богатстве и разнообразии сюжетно-тематического состава сказочной прозы о медведе, устойчивости архаического комплекса представлений, связанного с образом медведя. Все это позволяет решить некоторые принципиально важные вопросы, и в первую очередь, вывести русский фольклор о медведе из сферы заимствованного фольклора. Собранный материал свидетельствует о некогда активно бытовавшем в славянском мире культе медведя. Он может быть *соизмерим* с «медвежьим фольклором» местных народов Сибири.

Особенно популярен среди русских Сибири сюжет о сожительстве женщины/девушки с медведем, который слагается из следующих мотивов:

- отлучка героини;
- женщина /девушка уходит в лес за грибами/ ягодами и т.д.;
- попадание ее в лес; героиню похищает медведь;
- изоляция ее в берлоге;
- сожительство с медведем;
- рождение существа: полчеловека-полумедведя, или медвежонка, ребенка;

- женщина убегает от медведя; медведь бросается в погоню;
- медведь уходит обратно в лес или его убивают люди;
- рожденное в браке с медведем существо остается жить, живет недолго, или умирает или его куда-то увозят (в другой город, больницу и т. д.);
- женщина либо выздоравливает, или сходит с ума, или умирает, или обретает способность знахарки (сверхъестественные способности исцелять).

Остановимся на мифеме берлога и тех метаморфозах женщины / девушки, которые вызваны ее пребыванием в берлоге медведя. В рассматриваемых быличках коннотативная семантика слова берлога, т.е. вторичные значения, не входящие в дефиницию, но отчетливо *выявляемые мифологическим комплексом, обнаруживает* определенные культурные концептуальные смыслы, развивающие темы, связанные с *архаической картиной мира*.

1. Берлога - это место, где происходит постепенное изменение женщины, превращение человека в животное. У женщины, побывавшей в берлоге, отмечены определенные изменения, наиболее устойчивые признаки, которыми она описывается: *дичает, обрастает шерстью, лишается, понимания человеческой речи* и др. Довольно часто в рассказах актуализируется *безумие женщины*, потеря разума, которые описаны общими местами: *умом ворохнулась, умом недовольна, стала задумываться* и др. Таковую женщину отличает некоторый *антиповеденческий комплекс*: она *замкнута, нелюдима, молчалива, обидлива, сторонится людей, избегает быть «на виду»: посиделках, не участвует в праздничных гуляньях, ее отличает апатия, сонливость, безучастность* и т.д. Кроме того, внешний вид героини описывается с акцентом на ее истощение, ослабленность, *убывания: слабая, хилая, вялая, тощая* и т.д. О ней сообщается: она стала *чахнуть, тощать, слабеть, терять силы* и т.д. Такие стереотипы поведения можно рассматривать как отклонения от нормы, как знаки *нечеловеческой сущности*.

В результате сожительства женщины с медведем происходит постепенное ее превращение в медведицу. «...Как-то охотники подстрелили в тайге какого-то зверя, *не то человек, не то медведь...* . Наутро собрались мужики смотреть на добычу. Ну и видят: не то какая-то *женска, обросшая, женщина-медведица*, а другой - *перва добыча - не то медведь-человек...*» (ФА ИГПУ). Или: «Года три прошло, однако, с тех пор. Ну и однажды смотрят приходит в деревню *получеловек-полумедведь* и подходит к дому тех родителей богатых, у которых дочь пропала. Родители узнали свою дочь по браслету. Оказываются, когда она потерялась, ее нашел медведь, с которым она стала жить в берлоге. И *умом ворохнулась* в берлоге-то. Шерстью заросла, и мясо *сыро хватат. Дичина! Видно, ён ее научил*». (ФА ФДР).

В некоторых быличках указывается на зарастание женщины шерстью. «... Он ляжет ее, обнимет, лизнет, а на ей шерсть вырастат, лизнет, и шерсть вылезат...» (ФА ИГПУ). Зарастание шерстью женщины, сожительство с медведем, отмечено в якутском фольклоре: «...Сестра его, оказывается, вся обросла волосами. У нее родился сын, обросший волосами» (Легенды, 195). В данном

случае обращает на себя внимание акт *лизания*. Как известно, в некоторых мифологических системах акт лизания семантизируется как *модус творения*. Интересна в связи с этим, например, параллель со скандинавской мифологией: прародитель богов Бури возник из соленых камней, которые лизала корова (Топоров, 385). Вероятно, в акте лизания важное значение имеет *слюна*. Известно рождение человека из *слюны* божества как выплевывание из сакрального “лона” (Сагалаев, 147). Акт лизания может быть рассмотрен как *акт*, манифестирующий идею рождения - творения, в нашем случае - идею перерождению человека в животное.

2. Берлога включена в комплекс *жизнь - смерть*. Она семантически уравнена с *логовом смерти*, что хорошо прослеживается и на уровне языковой традицией русских говоров Сибири. В Приленье, например, в Приангарье, Забайкалье берлога звучит как *мерлога*, мерлóg, мерлуга. Последние содержат элемент слав. *mer* -, указывающие на присутствие идеи смерти: *mer* - ‘умирать’ (ЭССЯ, 18, 101). Именно так, по данным словарей русских говоров, называют берлогу и русские других регионов страны. В Псковской, Тверской, Новгородской, Вологодской, зафиксировано мерлóg в значении ‘берлога, логовище зверя’ (СРНГ, 18, 120), слово мерлóга ‘берлога медведя’ распространено среди русских Калужской, Орловской, Брянской, Новгородской, Вологодской, Пермской, Тульской, Смоленской (там же), мерлуга ‘берлога’ отмечено у русских Курской, Орловской, Тульской, Калужской, Тамбовской, (там же).

3. С другой стороны, *берлога* - место соития, место зачатия, место рождения, начало жизни. «Ну эта женска с медведем всю зиму прожила. .. Мол, а ты стой. Эту так к себе, Марусю-то увел. Она зиму-то в берлоге. А он ей корни сладки да все ей скармливал. Ну и до весны с ём прожила. Забрюхатила от его, родила... » (ФА ИГПУ). Или: «... Потом она родила ему медвежонка» (Шастина, 11-12). Или: «А у ей парнишонко родился: половина человек, половина медведь! Его у ей отняли и увезли в Иркутск. Ну чо жа така дичина! Чо с ём делать?» (ФА ИГПУ). Или: «Это было давно в Уктычах. Женщина пошла за ягодам в лес. Пошла и сбилась с дороги и заблудилась. Ее искали, звали, так и не нашли. Потом она нашлась. Беременная от медведя сбежала. Пришла вся оборванная, грязная. Пожила немножко, родила медвежат» (ФА ФДР).

4. Берлога - то сакрально отмеченное место, где рождается первочеловек, место, откуда и начинается род человеческий. Об этом свидетельствуют главным образом генеалогические мифы.. Рассказы на эту тему распространены среди местных народов Сибири, в том числе у якутов, эвенов, бурят, юкагиров др. Так, например, в легенде, записанной Н.И. Спиридоновым у юкагиров, говорится, что медведь «приютил заблудившуюся женщину в своей берлоге, давал лизать и сосать свои лапы, потом женился (на ней), и от (их) ребенка произошло (человеческое) племя (Обручев, 104).

Таким образом, берлога в рассказах обнаруживает присутствие двух планов: реалистического и мифического, сопряженного с комплексом разнообразных идей, иллюстрирующих «элементы логической диффузности, нерасчлененности первобытного мышления» (Мифы, 120).

РУССКИЕ МИФЫ О СОЖИТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИНЫ С МЕДВЕДЕМ

1. Женщина пошла за малиной в лес. Ушла да ушла и заблудилась, не зная, куда выйти. Напал на нее медведь и в свою берлогу утащил. Жил с ней как с женой. Ее мужик-то искал, искал, всей деревней искали. Да что толку? Ну что ее искать? Все равно где-нибудь погибла. А в селе был детдом. Учителя сказали мальчикам, девочкам:

- Пойдите хоть в лес, что-нибудь наберите, грибов или малины.

А после войны есть больно-то нечего. Вот они и пошли. Вдруг слышат ребенок заплакал.

- Что это?

- Пичушки, наверное.

- Нет, ребенок.

Поближе подошли. Правда, ребенок ревет. А кругом малинник! А в этом малиннике сучки, веточки аккуратненько наложены.

- Давайте-ка, ребята, все это развалим.

Парни-то бойкие были, все сучки развалили, а там баба-то сидит в яме с ребенком! Парни лык надрали, да лутошечки сделали, бабу с ребенком вытащили из ямы-то. У кого запон, у кого платок, ребенка завернули, бабу посадили на носилки, привязали, ребенка с собой взяли. У медведя-то в берлоге малины, меду полно! Кормил, видно, ее. Ну вот ребятва, где учатся, принесли бабу-то. Она говорит:

- Не мой дом, несите меня туда, где я была.

Как дикая. Мужики-то сказали, что его бабу нашли, а он не верит:

- Не смейтесь надо мной, она вся уже сгнила.

- Айда, айда! Нашлась твоя хозяйка.

Сразу ее в больницу, полтора года лежала в больнице. Потом все рассказала как он ее кормил, поил.

- Я, - говорит, - ребеночка принесла, так он его *облизал*.

Вот ладно медведя-то не было. Он ведь всех бы разорвал. Вылечили ее. Это правда было. Я в Лазаревке жила, так хозяин по десятке денег дал ребятам за то, что нашли ее (ФА ИГПУ).

2. Одна женска (это недавно было, лет, однако, шесть ли семь назад). Ну эта женска с медведем всю зиму прожила. Вот так по ягоды ходили. За бор туда. Во-о-н туда, за речку туда. А там лес густой, густой. Трое их было. Ну и что ты думаешь!? Заблудились. Ходили, ходили, все к одному месту. Ну и потом глядят - медведь! Стоит! Лапой одной дорогу указывают, а третью - в сторону. Мол, а ты стой. Эту так к себе, Марусю-то увел. Она зиму-то переночевала у него. В берлоге. А он ей корни сладки да все ей скармливал. Ну и до весны с ним прожи-

ла. Забрюхатила от его. Ну и потом она от его все же убежала. Выскочила, когда он нам промысел пошел и убежала. Вот пойдет кода, говорит, валёжиной завалит, чтоб не убежала. А она убежала. До зимовья дошла. А там люди уж помогли. Она домой пришла. Дак незнатка. Худа-худа! В спичку! Не дай бог!

А медведь, говорят, пришел в берлогу, ее там нету. Он по следу до зимовья прибежал. А там никого. Он это зимовье по бревнышку, говорят, раскатал. Озлился! Его потом наши охотники добыли.

А у ей парнишонко родился: половина человек, половина медведь! Его у ей отняли и увезли в Иркутск. Ну чо жа така дичина! Чо с ём делать? (ФА ИГПУ).

3. Раз девушки ушли по ягоды. Далеко ушли и заблудились. Ночь ли две блудили. И одну-то девушку медведь увел к себе в берлогу и жил с ней. А она отошшала. Как-то ушел медведь недалеко в лес. Вернулся, видит: на не ушла. На другой день опять ушел подальше уже. Вернулся, а она опять не ушла, в берлоге у него. Он решил третий раз уйти. Далеко ушел. А девушка-то уже искали и нашли в этот день и увезли в Атук. А медведь тоже пришел туда за ней Тут его и убили. А девушка прожила два месяца и умерла (ФА ИГПУ).

4. Это было давно в Уктычах. Женщина пошла за ягодами в лес. Пошла и сбилась с дороги и заблудилась. Ее искали, звали, так и не нашли. Потом она нашлась. Беременная от медведя сбежала. Пришла вся оборванная, грязная. Пожила немножко, родила медвежат. Потом она умерла.

Медведь-то, с которым она жила, пошел ее искать. Начал реку переплывать, его охотники и убили (ФА ИГПУ).

5. Вот случай был. В конце лета было. Поехали две девки на телеге в лес за ягодой голубицей. А росла эта голубица далеко от деревни и ехать долго. Ягоды было много в этом году! Доехали до кордона, коня распрягли, чтобы пастись ему, телегу поставили под дерево. Пошли собирать ягоду. Собрали, набрали каждая чуть ли не три ведра! Устали, а уже скоро вечер. Решили поесть, попить арсы и ехать обратно домой. Как поехали, что-то стало их тянуть ко сну: так они сильно устали. Легли на телегу, разговаривают. Ну и не заметили, как уснули. Не знаю, сколь они там спали. Вдруг одна слышит рев да такой страшный. Проснулась от этого рева и видит: конь их встрепенулся и побежал. Ну она испугалась, начала сразу будить подружку свою, а та не просыпается никак. Ну никак не может разбудить. Еще больше испугалась. Слезла с телеги, смотрит, в каку сторону конь убежал. Походила кругом недалеко от телеги.

Пошла обратно к телеге. Вдруг как тело ее задрожит, знашь, как все рамно у коня или у коровы бывает, они пугаются и так бывает, что трясет. Вот так у нее тело затряслось, подняла голову, а телегу вместе с ее подругой тащит медведь! От испугу девка-то понеслась в обратну сторону да вовремя остановилась. Думат, что делать, как подругу спасти. А та как назло не просыпается. С испугу смела стала, чо ли, пошла за телегой и медведем. А медведь как на нее зарычит. Но не побежал за ней, телегу не бросат. А девка та, втора-то не просыпается.

Пришла та девка в деревню к себе только утром на другой день. Рассказала все как есть. Собрались мужики - охотники, пошли искать. Долго искали. Собаки даже не помогли. Не нашли. И одежды даже разодранной нет.

Ну и забыли потом про это в деревне-то. Ну и прошло много лет, лет двадцать, однако, а может, и больше, не знаю.

Ну и вот. Как-то охотники подстрелили в тайге какого-то зверя, не то человек, не то медведь. Принесли. У одного мужика оставили, решили на другой день разберемся. А мужик-то что-то в доме сидеть не может: то выйдет посмотрит на зверя, то опять зайдет. Вышел опять смотрит, а возле зверя стоит такой же, только меньше немного. Забежал в дом, взял ружье и застрелил. А медведи-то звери вообще-то сильные, а этот сразу упал, даже не взревел.

Наутро собрались мужики смотреть на добычу. Ну и видят: не то какая-то женска, обросшая, женщина-медведица, а другой - перва добыча - не то медведь-человек. Испугались. Грех какой! Но стали думать, почему так. И вспомнили про тот-то случай, про девку пропавшую. Это была она, а другой зверь - дитя ее - медведь. Видимо, сделал тот медведь ее своей женой. Говорят, медведи умные звери, любят длинные волосы черные. Вот как бывает. Видно, хороший был медведь.

А ягоды в том году много было (ФА ИГПУ).

6. Давным-давно было такое. Была богата семья и была у них дочь. Никуда-то они ее не пускали. Когда ей стукнуло восемнадцать лет, разрешили пойти в лес по ягоды с подружками. Ну и она идет, идет, увлеклась и потерялась. Подружки звали ее, звали и ушли без нее домой. Устроили поиски. Искали ее, но не нашли.

Года три прошло, однако, с тех пор. Ну и однажды смотрят приходит в деревню получеловек-полумедведь и подходит к дому тех родителей богатых, у которых дочь пропала.

Родители узнали свою дочь по браслету. Оказываются, когда она потерялась, ее нашел медведь, с которым она стала жить в берлоге. И умом ворохнулась в берлоге-то (ФА ИГПУ).

7. Это было здесь на Лене. Здешняя женщина рассказывала - Маруся, в Осетрово живет. И было это... в какой же деревне? В Тарасове ли что ли? В Орленге? Быдто баба в лесе ходила. Медведь-то и утащил ее к себе. И она там жила с им, с медведем, как жена. Он ей настелил сена в берлоге, чтоб мягко было. Костер ей разводил, грел ее, а спички и хлеб у сенокосчиков воровал. И кормил ее. Потом она родила ему медвежонка.

Вот как-то раз ушел он (медведь-то) куда-то. Она и убежала от его. Прибежала к берегу, а там, на другой стороне - деревня ее. Там знакомый старик сети ставил. Она и давай кричать:

- Дедушка, дедушка, перевези меня!

Он взял и перевез.

А медведь-то возвратился в берлогу, дак вот так прижимат лапы-то да ревет. Мужики и говорят:

- Надо ее показать ему. Он переплывет, мы тут и убьем его в речке.

Ну, ее и показали с этим-то, с медвежонком. Он и поплыл. Подплыват к берегу. А один мужик-то и говорит:

- Может, он ишо сдасся.

Медведь, как услышал эти слова, - лапы кверху: сдаюсь, мол. Тогда милиционер-то ихний, Косыгин, взял да и застрелил его. А ребенок, медвежонок-то, и сейчас с этой женщиной в Иркутском живет... . Не знаю, правда ли, - така сказка. Говорят, что медведи-то - проклятые люди. А как же? У медведицы-то ведь две груди, как у женщины. И медведь-то сам как человек, когда на пеньке сидит (Шастина, 11-12).

8. Она (одна) баба денисовка пошла в лес, ну и наткнулась на ево. Она знала ево порядок. Он ее взял с собой и семь дней с ей грех-то имел. Сначала смотрел за ей, далеко за кормом не уходил (он и ее кормил), а потом вверился ей и ушел подальше. Она ползком, да ползком, выбралась из берлоги и давай бежать к зимовью, а там были ее сродственники и у них были ружья и собаки, только так и отбилась. А то бы он задрал беспрременно за омман (Попова и Виноградов, 80).

9. Пошла как-то раз бабочка (молодая замужняя женщина) по ягоды в лес. Берет. Откудова появьсь медведь... Схватил ее и утащил в свою берлогу. Долго она с ним жила. Кормил он ее летом ягодами, таскал ей орехи, а если куда уходил, - заваливал берлогу валежными лесинами. Не убежишь. Так, кажется, и умерла там. Уж потом попали охотники на медвежий след, отыскиали берлогу, отвалили лесины, нашли бабу - мертвую, а не истерзанную. А около ее орех груда (Попова и Виноградов, 80).

10. Женщина заблудилась в лесу и жила год с медведем. Жили, как муж с женой... Уходит медведь из берлоги, заваливает ее лесом, коряжником, чтобы женщина не могла уйти. Кормил ее кореньями. Дает кореньи сыта, целый депнь неохота ись, а в сон клонит... Сном долит - лежишь и спишь. Мох послатый в берлоге, лежать мягко. Не одно там помещенье есть, сказывают отхоже место... Женщина прожила там с год, вся оборвалась, обносилась. А вот ум-то человеческий не потеряла. Ушел раз медведь, в ту пору охотники подошли к берлоге; женщина увидела, вскричала (им), в какое время за ней приезжать, когда медведь уйдет в лес... Сделали охотники облаву, взяли ружья (ружья-то не теперешны, - «полочки» были), потом караулили медведя. Не знаю уж допустили они его до берлоги, али тут возле берлоги убили (Попова и Виноградов, 80).

11. Женска пошла в речку полоскать белье, и назад-то не пришла. Пошли ее искать. Ждали-ждали. Пошли ее искать. Белье стоит на берегу, а ее нету.

А вышел медведь и ее увел. Увел в лес. Потом кто-то говорит, след заметили на берегу-то медвежий.

И он ее увел в лес. Вот ее искать. Поиски. Че? Дети, муж. Трое суток искали ее. Он все эти двое суток, он от нее не отходил ни на сколько. Вот так го-

ворит, это уж потом, когда нашли-то она рассказывает, поближе сидит, ягод нарвет так ртом, вместе с корням и принесет ей ись.

А тут на третьи сутки уверился, что она никуда не убежит, и ушел по-дальше. И как раз эти на нее наткнулись, кто искал-то, наткнулись и бяжать. И он их, хорошо что речка. Они бяжать, до речки добяжали, говорит, в лодку переплывать, и он за имям плыть в воду. Вот они, говорит, в воде его только застрелили. А потом ее спрашивали:

- Как он тебя там, пугал, нет?

Она говорит:

- Нет. Он со мной обращался как мужчина. Ласкал меня, - говорит, - ли-и-жет, обнимат, - говорит.

И каждую ночь, говорит, к ей лез. Вот эти две ночи, а на третью уж ее нашли. Вот так. Как, говорит, мужчина. Кормил, говорит, меня, обнимат, гладит, ласкат, говорит. Но, как ее нашли, приплавил, она заболела. Заболела, и месяц целый, говорит, в больнице вылежала. Умопомраченье у ей у ней было. Вот. А потом, говорит, ниче.

У него, говорит, вся ласка как человечья, говорит. Гладит, говорит, лижет меня, эта, лижет все лицо-то мне, говорит, и обнимат. И спать ложился, обнимет, говорит, меня лапой, я уж говорит, не сопротивлялася, говорит (ФА ИГПУ).

12. А есть и случáи такие. Есть вот. Как тут не поверить? А я вот это видел на своих глазах. Я ешшо молоденький был, но уже подходяво, за девками бегал. Один жинился тут-ка. Но все. Обвенчались. Бегали в Курлыч венчаться. Кони подходят. На дыбах ходят, не заходят в ограду и все. А раньше-то подружка называли шептун-то. Как он кого делат, каки-то знат слова ли чо ли, нет? Но он:

- Вот мать его в заразу! Я знаю, кто это сделал!

А тут одна старушка, она где-то тут скрываются. Она его покрепче.

А он:

- Я ее все равно переборю.

Ну, заехали. Все. Ну. Невеста в избу не заходит, хоть убей ее.

- Медведь, - говорит, - там. Медведь и все.

Ревет. Медведь на ее, понимаешь? В избе-то тут все. Все же интересно! Это же случай! Это же подумать надо!

Он потом тут бегал-бегал, все-таки переборол. Завели ее. Свадьба пошла.

А та старуха-то. Он ее поймал и перебил ее. Дак она жила во-о-он Наринзор падь-то, в землянке жила. Дак она до дому шла. А тыном было загорожено. Дак он ее каждую тынинку заставил считать до дому. Вот что. Вот это, как это подумать? (ФА ИГПУ).

ЛИТЕРАТУРА:

Попова, Виноградов - А.М. Попова и Г.С. Виноградов. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Советская этнография, 1936, № 3

ЛА - Личный архив автора.

Легенды - Якуты: Легенды, предания и мифы саха (якутов), 1995, 195.

Мифы - Мифы народов мира. Том второй. М.: Советская энциклопедия. 1982.

Обручев - Обручев С. Колымская земля: Два года скитаний. М., 1933.

Попова, Виноградов - Попова А.М., Виноградов Г. С. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Советская этнография. № 3, 1936.

Сагалаев - Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.

СРНГ, 18 - Словарь русских народных говоров. Ленинград: Наука, 1982, вып. 18.

Столяр, 1971 - Столяр А.Д. «Натуральное творчество» неандертальцев как основа генезиса искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971 (118-164).

Столяр, 1978 - Столяр А.Д. Эволюция формы «натурального макета» в генезисе верхнепалеолитического анимализма // У истоков творчества. Новосибирск, 1978, с. 86-105.

Топоров - Топоров В.Н. Рождение // Мифы народов мира. Том второй. М.: Советская энциклопедия. 1982.

ФА ИГПУ - Фольклорный архив Иркутского государственного педагогического университета

ФА ДФР - Фольклорный архив Дома фольклора и ремесел ОЦНТиД

Шастина - Е.И. Шастина. Сказки, сказочники, современность. Иркутск: Вост.-Сиб. Кн. изд-во, Иркутск, 1981.

ЭССЯ, 18 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский и лексический фонд. Выпуск 19. Под редакцией академика РАН О.Н. Трубачева, М.: Наука, 1990.

Vachofen - Vachofen J.J. Der Baer in den Religionen des Altertums, Basel, 1863

*Г.В.Медведева,
кандидат филологических наук,
зам. директора по науке ОЦНТиД*

МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ЗНАХАРЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

(по материалам фольклорно-этнографических
экспедиций 1982-2000 г.г.).

Согласно мифологическим рассказам о знахаре, записанным на территории Восточной Сибири, сверхъестественная сила персонажа имеет определенное *материальное воплощение*. По архаическим воззрениям, она может быть сосредоточена в *зубах* персонажа.

В ряде повествований *сверхъестественная* сила знахаря мотивируется *целостностью* его *зубов*. “Покуда *зубы целы* были, ладила. А теперь чо? Один зуб торчит ...” (Никольск Тункинского р-на Бурятии, 1986) (ФА). Или: “Она всю жизнь кухтарила. И грыжу лечила, и банну притку, и рожу. Да все могла. Родимец лечила. А как *зубох не стало* и ладить перестала.” (Куртун Ольхонского р-на Иркутской обл., 1984) (ФА). Или: “До последнего *зуба ладила*. Озёв ладила. Хомуты снимала... . А когда *зубох не осталось*, и сил не стало ладить (Горбица Сретенского р-на Читинской обл.) (ФА). Или: “Если *зубох нет*, пользы не будет. Знахарку у нас по зубам узнают, сильна она нет ли” (Толмачево Качугского р-на Иркутской обл., 1981) (ФА). Или: “У нас дед один был прохожий... в Березовой. И он там всю жизнь прожил, коров пас... . И все пока *зубы были*, табун коров будет ходить, медведь не потрогат. А потом у него повыби́ли. Он, медведь, моя, сколь коров задавил, его всего избил. До смерти не убил, а избил. Старик-то потом захворал, захворал да помер. Говорят, что *зубов нету*, наговаривашь, хоть гребенку вотыкай в голову. А *без зубов, без пользы*, говорят” (Кеуль Усть-Илимского р-на Иркутской обл., 1992) (ФА).

Об аналогичных сведениях, бытующих в 1910-х годах в среде русских старожилов Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии, сообщает Г.С.Виноградов: “Заговоры помогают только когда у знахаря “в роте *зубы целы*” (Виноградов, 1918, 389).

Как видно из данного контекста, коннотативная семантика слова *зубы* обнаруживает в себе представление о *вместилище* магической силы знахаря.

В некоторых быличках сообщается о том, что ожидаемое положительное воздействие знахаря может быть усилена, если воду после того, как на нее “пошептали”, знахарь *пропустит сквозь зубы* “... она долго ее лечила, девятку выводила, и после каждого раза эту водичку скрозь *зубох* пропустит, и тока потом обрызгат и попить даст” (Тушама Усть-Илимского р-на Иркутской обл., 1993) (ФА). Или: “... он пошопчет-пошопчет чо надо, *сквозь зубы* *процедит*, опрыскат и потом с собой пить давал в бутылочке” (Мога Катанского р-на Иркутской обл., 1988) (ФА).

Характерно в связи с этим выражение “грызть воду”, бытующее, например, среди жителей Верхней Лены, которое употребляется здесь в значении *заговаривать*. Сходное выражение отмечено так же на Русском Севере, в Заонежье (Мазалова, 1994, 4, 26).

Эффективность лечения некоторых болезней знахарем в народе напрямую связывают с наличием у этого магического лица зубов. Зубами “закусывают”, по сообщению А.А. Макаренко, чирьи, пупок при грыже. Загрызают мышаки у лошадей” (Макаренко, 1987, III-IV, 413).

Наличие/отсутствие зубов связано с феноменом магии: наличие/отсутствие зубов является своеобразным кодом, по которому идентифицируется статус знахаря, его сверхъестественная сила/слабость. Потеря зубов приравнивается к утрате знахарем этой магической силы. Знахарь с “упавшими зубами” считается обыкновенным, “как все”, неспособным ладить. “Да он кого может-то? У его зубов нет. Он *все знатье потерял вместе с зубам*” (Карым Казачинско-Ленского р-на Иркутской обл., 1988)(ФА). Такой знахарь характеризуется окружающими как “маломочный”, “не в моготе”, “слабый”, “бесполезный”, “неладный” и т.д. Характерны параллели этим представлениям и из других этнокультурных традиций, например, у коми-зырян. “А у нас был когда-то знахарь Пиля Епим, и дед позвал его. Сказал, вот, мол, такую-то дыру обнаружил, давай покопаем, что за дыра это. А тот ответил: “В общем-то здесь клад, но клад заговоренный, а у меня уже рот беззубый и потому я не смею братьмя за это дело” (Коми, 28).

Иными словами, потеря зубов моделирует ситуацию утраты знахарем своего статуса и перехода его в качественно иное состояние, в разряд *обыкновенных* людей.

В коннотативное семантическое поле “зубы” входит понятие *жизнь*, что наиболее зримо проявляется в ряде поверий, связанных, в частности, с толкованием снов. Видеть во сне как *падают* зубы, означает *смерть*. “А зима была, афанасьевски морозы. Ну и вижу сон: а у меня зуб шатаётся, а во сне вижу: ой, болит, кров бежит, а потом не помню как, он у меня в руках оказаётся, зуб-то. Утром проснулась, меня аж до кожи достало. Я испугалась, сама по себе думаю, кто-то ведь из близких, однако, кровных умрет. Ну и что ты думаешь?! Я на неделе телеграмму из Якутского получаю: Кеша, брат мой, помер. Он и болеть-то не болел, а быстро свернулся” (Алымовка Киренского р-на Иркутской обл., 1981) (ФА).

По другому толкованию, если зуб во сне падает без боли, то это выдается за знак того, что умрет не кровный родственник, не близкий, “может, сосед или там подружка” (Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1981) (ФА). Сходное сообщение отмечено Г.Поповым. “Если больной увидит во сне, что у него выпал зуб, вылезли волосы, отвалился угол в избе, или выпало бревно из стены, то он умрет” (Попов, 1903, 183). В Сибири бытует поверье, согласно которому беременной женщине нельзя *удалять* зуб, иначе *умрет* ребенок (ЛА, ЛАШ, ФА, а также см.: Седакова, 9).

Как видим, зубы моделирует жизненно важные циклы человеческого бытия: жизнь и смерть, силу и бессилие. Аналогичное представление распространяется и на животных. В связи с этим наиболее показателен так называемый *зуборон*, который в народе толкуется как потеря зубов лошадью, конем. При этом факт потери зубов выступает в качестве важнейшего распознавательного при-

знака, указывающего на *бессилие* животного, это состояние “берут во внимание” как самое важное, например, при отборе коней для конских бегов”. Именно так, по сообщению Е.Титова, происходило в Северном Забайкалье в двадцатых годах нашего столетия. “На коне не бегают, когда у них зуборон (зубы падают: передние с 3-х лет, коренные с 4-х) - конь *обессиливает* и в беге “не так уж” (Титов, 1924, 44).

Коннотативная семантика зубов, актуализирующая в своем семантическом поле представления о зубах как вместилище жизненной силы наиболее ярко проявились в обрядовой сфере. В связи с этим наиболее показателен родинный комплекс. Один из устойчивых его структурных акциональных элементов - *перегрызание* пуповины. “...родила, зубами *перегрызла* пуповину, место в подполье закопали потом, все как надо обрядили. Он потом у нас не болеёт. Ничо. Здоровенькай рос. И не узорочивали его...” (Карым Казачинско-Ленский р-он Иркутской обл., 1984) (ФА). Так поступали в конце прошлого века и русские Енисейской губернии. Например, по свидетельству А.А.Макаренко, “... роженица заботливо перевязала ленточкой от фартука родившемуся пупок, перегрызенный ею, новорожденного подобрала в фартук” (Макаренко, 1897, I, 93). Тот же способ отделения ребенка от материнского лона соблюдался и русскими Приленья: “Родила ночью. Хватануло меня, я - на пол. Лопатинку постелила и легла. Все спят, робятишки-то. Родила, пуп перегрызла, и на печку парного к робятам положила” (Афанасьева-Медведева, 1994, 149).

Перегрызанию зубами пуповины придавалось важное значение как действию, которое *гарантировало* ребенку здоровье, благополучие, повышение жизненных сил и сопротивление его к разного рода болезням. Считалось, например, что такой ребенок был недоступен “озёву” (сглазу) и был более “фартовым” (удачливым) в жизни.

В других обрядах перегрызание зубами высвечивает апотропейную семантику, которая наиболее ощутима в обрядовом комплексе по защите от града, отведения туч.

От частого градобития хлебов особенно страдали крестьяне Верхней Лены, что хорошо видно из архивных свидетельств. Так, например, в 1908 году волостной старшина Куленгской волости Шеметов подает сведения в Верхоленинский уезд, при этом в ряду основных причин, приведших Белоусовское сельское общество к ослаблению платежных способностей, в том числе он, например, называет “гибель от градобития хлебов 88 десятин на 4708 рублей” (ГАИО, ф. 168, д. 216, л. 8). Это довольно обширная площадь. Гибель хлебов в подобных размерах значительно подрывало материальное благосостояние селянина. Поэтому среди крестьян этого региона обычаи защиты от града приобрели особую актуальность, в частности, большое значение придавалось ритуальному действию перекусывания града зубами, который получил в этих краях широкое распространение. “...когда падает град, надо градину одну поймать и перегрызть зубами” (ФА). Или: “...град кода начинался, детей на вулицу выгоняли, чтоб градинки ловили и перекусывали” (ФА). Сходный обычай имеет параллели из других этнокультурных ареалов. Например, в Полесье на Ровенщине во время гра-

да самый меньший ребенок, способный ходить и раскусить град, выходит из хаты и раскусывает три градины. Верили, что град тогда не повредит полям (Толстые, 1982, 57-58). В данном случае акт раскусывания зубами града семантизируется как *защитное* действие.

Коннотативная семантика слова зубы: представления о соотнесенности сверхъестественных способностей знахаря с наличием, целостностью зубов, представление о зубах как вместилище магических способностях знахаря, обусловлена *космогоническим* типом мышления. Известно, что в ряде мифологических систем Евразии зубам, как известно, наряду с другими частями Первочеловека - устроителя мироздания придается значение источника жизни Вселенной. Характерны в этом смысле эддические мифы, в которых повествуется о становлении важнейших элементов мира, о создании мира. "Сыновья Бора убили великана Имира, бросили в самую глубь Мировой Бездны и сделали из него землю, а из крови его - море и все воды. Сама земля была сделана из плоти его, горы же из костей, валуны и камни - из передних и коренных его зубов и осколков костей... ." (Младшая Эдда, 18)

Типологически близким к скандинавскому является китайский миф: "Согласно преданиям, в то время, когда еще земля и небо не отделились друг от друга, вселенная представляла сплошной хаос и по форме напоминала огромное куриное яйцо. В нем зародился наш первопредок Пань-гу. "...после того как Пань-Гу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпер головой небо. Так он стоял, изменяясь вместе с ними... . В конце концов он, подобно всем людям, упал и умер. Вдох, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос - громом, левый глаз - солнцем, правый - луною, туловище с руками и ногами - четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь - реками, жилы - дорогами, плоть - почвою, волосы на голове и усы - звездами на небосклоне, кожа и волосы на теле - травами, цветами и деревьями, зубы, кости, костный мозг и т.п. - блестящими металлами, крепкими камнями, сверкающим жемчугом и яшмой... . Одним словом, Пань-гу, умирая, всего себя отдал тому, чтобы этот новый мир был богатым и прекрасным" (Юань, 41-42).

Итак, зубы в мифологиях участвуют в космогенезе, они - первоэлементы космоса, которым придается значение *жизнедающей, созидающей, рождающей* силы.

Возможно, подобные представления мотивировали внутреннюю форму слова зубы, если это слово считать восходящим к *gon-bhos 'выступ, выросшее' - от *gen 'рождать(ся)' (Трубачев, 1957, № 2, 90).

Вероятно, этими архетипическими представлениями и обусловлена магическая роль зубов знахаря, как фигуры, генетически связанной с мифическим Первочеловеком.

Актуальность представлений о зубах как источника сверхъестественного может быть проиллюстрирована и другими поверьями. Согласно некоторым из них знахарь, потерявший зубы, может продолжать практику целения, но при условии, если он во время ритуального акта будет "держат в голове *гребень*".

“Если зубох нету, то хоть гребешок в голову воткни.” (Карда Усть-Удинского р-на Иркутской области, 1985) (ФА). “Она кода ладит, в голову гребешек втыкат, зубох-то нет...” (Едорма Кежемского р-на Красноярского края, 1922) (ФА). “Беззубая, дак вот эту гребенку... . Я ее постоянно в голове держу, не снимая держу... . Вымоюсь и опеть снова...” (Куреть Ольхонского р-на Иркутской области, 1994) (ФА).

В данном случае гребень и зубы оказываются функционально и семантически тождественными. Это тождество обеспечивается, вероятно, представлением о гребне как предмете, который характеризуется наличием в нем зубьев; сравни: гребень, гребенка, гребешок ‘снаряд с зубьями для различного употребления. Гребень головной, бывает: редкий, тупейный и частый’, ‘подобная вещь, роговая, черепаховая в виде украшения женской головы и для поддержки косы, косной гребень’ (Даль, I, 393).

Вместе с тем в мифологической традиции гребню приписывают значение *плодоносной силы*. В русских эротических новеллах слово чесалка выступает в качестве метафорического обозначения фаллоса, а чесать означает “fultuere” (см. новеллу “Чесалка” у А.Н.Афанасьева, 1872, 99); ср. в этой связи ритуальное расчесывание волос невесты в свадебном обряде, а также подношение невесте гребня (Максимов, IX, 241; Зеленин, 1914-1916, 1047, Успенский, 1982).

Плодоносная сила гребня отчетливо выступает в распространенном сказочном сюжете: герои бросают гребень в чистое поле и на этом месте вырастает лес. “Вынул из карману гребешек, махнул в левую сторону, доспелася имя слепая чешша, непроходимая” (Матвеева, 1981, 245; а также: Афанасьев, 1957, № 93, 103, 114, 201, 225; Пропп, 1946, 45, 319, 320), то же в эвенкинских сказках (Воскобойников, 1960, 57).

Характерно представление о гребне в других культурных традициях. По свидетельству, например, Д.Маринова, у болгар гребень осознается как апотропейный предмет, участвующий в магическом действии усмирения чумы во время ее разгула (Маринов, 1914, 193). У тувинцев гребень служил овеществленным носителем блага, плодородия и выступал как показатель репродуктивного возраста у женщин (Традиционное, 175).

Говоря об истоках мотива местонахождения магической силы в зубах, отраженного в коннотативном семантическом поле слова зубы, нужно сказать, что он в известной мере связан с древнейшими воззрениями о том, что из костей возрождается жизнь, восходящая к палеолитическому прошлому. Обычай хранения костей засвидетельствован археологами на раннемустьерских охотничьих стоянках в известной карстовой пещере Драхенлох, расположенной в альпийской зоне на высоте 2,5 км. В ней обнаружены шесть прямоугольных каменных ящиков, наполненных медвежьими черепами и костями конечностей. Это прототипы позднейших оссуариев. ”На границе второй и третьей камер (пещеры) стояли в ряд шесть грубых прямоугольных каменных ящиков, образованных из плит и перекрытых одной большой горизонтальной плитой. Заполнение этих “сейфов” также состояло из черепов и длинных костей (лап) пещерного хищника и несло следы строгой регламентации... Из других находок надо

еще отметить размещение нескольких неповрежденных черепов в естественной нише и неподалеку от нее - один целый череп, обложенный по контуру камнями...”(Столяр, 141). Захоронения медвежьих черепов и костей лап в естественных нишах известны в пещерах Петерсхелле (пять черепов), в Зальцхофен и Клюни (и там и там по пять черепов). В последнем случае черепа были расположены по кругу. В пещере Регурду кости медведя были захоронены в яме, выложенной камнем и прикрытой массивной плитой. В Ильинской пещере близ Одессы были обнаружены кости медведей, которые находились за специальной каменной оградой; череп медведя был обложен камнями (Рыбаков, 133-134)

К среднему палеолиту относятся также находки костей быков (пещера Ла-Ферраси) и бизонов (Шапелль-о-Сэн). Охотники каменной эпохи тщательно сохраняли кости съеденных животных. В этнографической литературе приводится достаточно большое количество примеров почитания костей животных (Леви-Брюль, 1937, 99, 102, 103).

Не только охотники палеолита, но и многие народы, находящиеся на более позднем этапе развития, верили, что из сбереженных костей съеденных животных эти животные возродятся вновь. Реликты таких представлений наблюдались, например, у бурят. По сообщению Г.В.Ксенофонтова тела бурятских шаманов в старину сжигали на кострах, собирали кости в мешочек и помещали в углубление, выдолбленное в стволе растущей сосны. При этом осторожно снимали кору, образовавшееся отверстие закрывали дощечкой, прикладывали кору сверху и прибивали ее гвоздями (Ксенофонов, 1929, 5, 11, 29).

Представления о том, что из сбереженных костей съеденных животных эти животные возродятся вновь, зафиксированы в новое время. В фольклоре вайнахов есть сказание о хозяйках леса, которые оказывают гостеприимство заблудившимся охотникам и оберегают дичь. “Поедая зверей, сохраняют их кости, затем оживляют этих зверей и отпускают. В случае пропажи кости зверя заменяют ее изготовленной из дерева” (Дахкильгов, 1979, 139-140). Многие народы считали камни “костями земли”. Е.М.Мелетинский, например, приводит легенду, бытующую у качинов (тибетско-бирманских племен) о том, как один из героев разбросал кости буйвола по полю, после чего через некоторое время на поле вырастает из костей стадо буйволов. Данная легенда, по Е.М. Мелетинскому, отражает магический обряд “посева костей”, цель которого вызывать приплод скота и урожаем (Мелетинский, 1958 , 121).

Отзвуком рассматриваемых этнографических реалий является сказочный мотив возрождения из костей в некоторых восточнославянских сказках типов АТ 311 (“Медведь и три сестры”) и 312 Д (“Катигорошек”). Героиня (или герой) воскрешает убитых сестер (братьев) из их собранных костей. В немецкой сказке “Поющая кость” (Гримм 28, АТ 780, ср. 720) имеются варианты, где из собранных костей убитого ребенка рождается птица и затем превращается в этого ребенка.

Таким образом, коннотативная семантика слова зубы, отчетливо проявляющаяся в ряде восточносибирских меморатах, поверий, традиционной обрядности в

определенной степени сохраняет представления об образе мышления, мировосприятия наших далеких предков, сохраняет богатые мифологические смыслы, развивающие актуальные для архаического сознания темы жизни и смерти, силы и бессилия.

ЛИТЕРАТУРА:

Афанасьев, 1957 - Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3-х томах. М., 1957.

Афанасьева - Медведева - Афанасьева - Медведева, 1994 - Рождественская ночь. Сборник / Составление, предисловие, очерки, подготовка текстов и комментарии Г.В.Афанасьевой-Медведевой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994.

Воскобойников, 1960 - Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор. Л., 1960.

Виноградов, 1918 - Виноградов Г.С. Материалы для народного календаря русского старожильческого населения Сибири. Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губ. // Записки Тулуновского отделения Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1918, вып. I.

ГАИО - Государственный архив Иркутской области.

Даль - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. Спб.: ТОО "Диамант", 1996.

Дахкильгов, 1979 - Дахкильгов И.А. Опыт систематизации чечено-ингушских преданий и легенд // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1979.

Зеленин, 1914 - 1916 - Зеленин Д.Л. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества, вып. I-III. Пг. 1914-1916. Продолжающаяся пагинация во всех выпусках.

Коми - Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г.Рочев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984.

Ксенофонтов, 1929 - Ксенофонтов Г.В. Хрестес: Шаманизм и христианство (Факты и выводы). Иркутск, 1929.

ЛА - Личный архив автора.

Леви-Брюль, 1937 - Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.

Макаренко, 1897 - Макаренко А.А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губернии. С приложением народномедицинских средств той же волости // Живая старина, 1897, вып.1, отд. II, вып. II, отд. II; вып. III-IV, отд. II.

Максимов - Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Спб., 1903.

- Максимов, I-XX - Максимов С.В. Собрание сочинений. Т. I-XX. Спб., (б.г.).
- Маринов, 1914 - Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914 (СБНУ, књ.28).
- Матвеева, 1981 - Русские волшебные сказки Сибири / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.П.Матвеевой. Отв. редактор Э.В.Померанцева. новосибирск, 1981.
- Мелетинский, 1958 - Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
- Младшая Эдда - Младшая Эдда / Изд. подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменецкий. Л., 1970.
- Попов, 1903 - Попов Г. Русская народная бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В.Н.Тенишева. С.- Петербург: типография А.С. Суворина, 1903.
- Пропп, 1946 - Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Рыбаков, 1981 - Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Седакова - Седакова О.А. Содержательность вариаций обрядового текста: (восточно-славянский погребальный обряд) // Balkano-Slavika: Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979.
- Седакова, 1997 - Седакова И.А. “Жилец” - “нежилец”. Магия и мифология родин // Живая старина, № 2, 1997.
- Столяр, 1971 - Столяр А.Д. «Натуральное творчество» неандертальцев как основа генезиса искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971 (118-164).
- Титов - Титов Е. Конские бега в Восточном Забайкалье // Сибирская живая старина. Этнографический сборник. Под редакцией М.К.Азадовского. Иркутск, 1924, вып. II.
- Толстые, 1982 - Толстые Н.И. и С.М. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982.
- Традиционное - Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1988.
- Успенский, 1982 - Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во МГУ, 1982.
- ФА ИГПУ - Фольклорный архив Иркутского государственного педагогического университета.
- Юань, 1965 - Юань К. Мифы Древней Индии. М., 1965.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫШИВКА

*Предлагаемый материал является фрагментом из подготовленного к печати сборника названных авторов «Художественная вышивка». В сборник будут включены методические и практические рекомендации по проектированию и изготовлению изделий с вышивкой. Теоретический материал будет проиллюстрирован примером проектирования и изготовления авторами изделия с вышивкой, а именно **ширинки свадебной**.*

Стадии разработки и изготовления изделий с вышивкой

Разработка и изготовление изделий с вышивкой, как любой творческий процесс, требует определенных знаний, навыков, опыта, вкуса, терпения и т.д. Весь процесс художественного конструирования и изготовления изделия с вышивкой включает следующие стадии: решение первичных задач, подготовительную, эскизное проектирование, художественно-конструкторское проектирование и изготовление изделия. В некоторых, самых простых, случаях какие-то из этих стадий могут отсутствовать (например, подготовительная) либо совмещаться (например, эскизное и художественно-конструкторское проектирование). Прежде чем рассматривать эти стадии, отметим следующее: при изготовлении изделия с вышивкой приходится решать прямую или обратную задачи. А именно, материал изделия диктует выбор техники вышивки и техника вышивки определяет выбор материала.

Стадия решения первичных задач включает:

- Установление зависимости формы от функционального назначения предмета (например, простыня и пододеяльник прямоугольной формы);
- Нахождение взаимосвязи изделия с технологическими свойствами материала, из которого оно изготовлено, и с его конструктивной основой (например, для полотна более рационален прямой крой);
- Определение целесообразности и гармоничности формы и присущей данному изделию масштабности (например, столовая салфетка размером 40x40 см., полотенце – 150x50 см. и т.д. – прямоугольной формы);
- Решение взаимосвязи изделия со смежными предметами, хотя бы в самой элементарной форме (например, салфетки и скатерти с поверхностью стола, полотенца с кухонной утварью и т.д.);

Подготовительная стадия (стадия анализа) – решаются вопросы изучения предварительного задания (желания) на проектирование и подробного зна-

комства с темой проекта. Изучение предварительного задания (желания) на проектирование начинается с поиска аналога и прототипа по литературному и натурному материалу. После этого осуществляется функциональный и экономический анализ, производится анализ и оценка эстетических качеств предмета, оценка внешней формы по категориям композиции (тектоники, пропорций, масштаба и т.д.)

Подробное знакомство с темой проекта заключается в анализе функционирования, эргономических исследованиях, в изучении конструкций и более тщательном экономическом исследовании. Эта стадия проектирования заканчивается формулированием и сознанием задания (желания), общей направленности его образного и функционального решения.

Эскизное проектирование (стадия синтеза) – начало проектирования. На этой стадии мысли художника (вышивальщицы) воплощаются в графике, набросках, схематическом изображении. При этом определяется масштаб, определяются соотношения размеров изделия и узоров, выполняется цветовое решение.

Художественно-конструкторское проектирование включает:

- Уточнение размеров и окончательное определение соразмерности частей и целого, уточнение пропорций и ритмического построения, достижение тектонической выразительности;
- Изображение узоров на бумаге (если они разрабатываются, а не берутся с готовых изделий) и выбор техники вышивки;
- Окончательное цветовое решение узоров;
- Определение способа обработки краев изделия (если это необходимо): подгибка, подгибка с мережкой, подгибка с вышивкой, кружевами и т.д.;
- Выбор (разработку) узора кружев и техники плетения (если для отделки решено использовать кружева).

Изготовление изделия с вышивкой начинают с выбора и подготовки основного материала и приклада. Изготовления образцов вышивки (подбор толщины рабочей нити, длины стежков или размера ячеек сетки и т.д.). Окончательная отделка изделия заключается в его глажении, аппретировании, например, к оформлению к паспарту и т.д. Готовое изделие должно быть аккуратным и чистым. Процесс проектирования изделия с вышивкой рассмотрим на примере разработки **ширинки свадебной**.

Ширинка свадебная

Стадия решения первичных задач

Проектируемое изделие используется в качестве подножника при венчании молодых в церкви.

Исходя из назначения наиболее целесообразной является прямоугольная форма изделия, чтобы была возможность жениху и невесте удобно становиться на подножник.

Предполагается для изделия использовать льняное полотно, поэтому наиболее экономичен и технологичен прямой крой, что еще раз подтверждает правильность выбора прямоугольной формы изделия.

Для удобства свободного размещения только жениха и невесты на подножнике его ориентировочные размеры 100x50 см.

Подготовительная стадия (стадия анализа)

Эта стадия начинается с поиска аналога или прототипа проектируемого изделия по литературному и натурному материалу. В результате проведенного ретроспективного поиска литературы по указанной теме («Ширинки свадебные») найдено следующее:

В главе «Орнаментированные предметы и их роль в быту» читаем: «Подножную ширинку или подножник (размером 48x83 см.) расстилали под ногами жениха и невесты... Известно, какое значение придавалось примете: кто первым вступит на ширинку (или коврик) – жених или невеста – тот и будет главенствовать в доме. Ширинки-подножники делали из тонкого беленого холста, отделявая по краям тонкой строчевой вышивкой (строкою), с геометрическим, нередко зооморфным и антропоморфным орнаментом...».

На представленной фотографии (рис. 6) изображена ширинка подножная, изготовленная в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии и которая ныне находится в Государственном музее этнографии народов СССР. Дата изготовления ширинки не установлена.

Цвет ширинки белый. Техника вышивки строчевая, края украшены коклюшечным мерным кружевом. Широкая кайма между мережками «жучок» представляет собой обвитую сетку, на которой вкруговую посолонь (по солнцу) изображены настилом чередующиеся фигуры оленей в профиль и женские фигуры (анфас) с поднятыми вверх руками с птицами.

На стр. 269 /3/ изображена ширинка свадебная, изготовленная в Вологодской губернии во II половине XIX века. Холст, льняные нити, коклюшечное кружево. Вышивка: белая перевить, настил, мережки, размер ширинки 68x45 см. В орнаментальной полосе, расположенной по периметру – чередующиеся изображения оленя и квадрата со свастикой внутри. Их движение ориентировано по солнцу.

Белый цвет ширинки выбран соответственно торжественному случаю венчания молодых, ткань льняная /натуральная/, в прежние времена искусственных тканей не было.

Строчевое шитье характерно для северных районов Руси. Она требует большого трудолюбия, усидчивости, аккуратности, изделия с такой вышивкой великолепно смотрятся, красивы, дороги.

Теперь поговорим о декоре подножной ширинки и его смысловом содержании. Сетчатая кайма расположена вкруговую, что напоминает форму кольца. А форма венчальных колец говорит о сочетании на вечность «У кольца нет конца». Фигуры оленей, расположенные посолонь, свидетельствуют о том, что заклипания и молитвы для молодых есть пожелания добра.

Образ оленя символизирует движение солнца, а рога уподобляются солнечному сиянию. Изображения женской фигуры с поднятыми вверх руками с птицами осмысливаются как девы – Богини трепетных весенних ростков, юной женственности. Чудо-птицы в поднятых руках – утренняя и вечерняя зори, им приписывается творческая плодородящая сила. Свастики в квадратах символизируют дневное солнце, т.е. свет, красоту, жизнь.

Итак, перед нами образцы подлинного русского дизайна, высокого мастерства, глубокого смысла. Других аналогов нами не обнаружено.

Проектируемое изделия должно также отвечать требованиям назначения: быть красивым, торжественным по цвету ткани и узора, иметь смысловую нагрузку пожелания счастья, добра, благополучия, богатства; быть технологичным, не очень дорогим, иметь хорошие эксплуатационные качества: хорошо стираться, вышивальные нити не должны линять, легко гладиться.

Эскизное проектирование (стадия синтеза)

Проектируемый подножник предполагается изготовить из льняного полотна белого цвета. Цвет узора красный, символизирующий красоту, торжественность. Узор будет располагаться в виде каймы, при этом отношение площади подножника, занятой узором, к площади чистого полотна примем равным 0,61 /примерное значение «золотого сечения», при этом $(a+a) / b = 0,6$.

Художественно-конструкторское проектирование подножника

Уточненные окончательные размеры подножника принимаем равными 85x43 см. На рис.2 приведены узоры для вышивания и общая схема изделия.

Узор представляет собой вкруговую расположенные чередующиеся фигуры стилизованных птиц и деревьев. Они символизируют пожелания любви, поскольку птица – яркий образ любовной и свадебной лирики, а дерево сулит богатство и счастье. Вся композицию подножника можно трактовать как многократно повторенную молитву о любви, счастье и богатстве.

В качестве техники вышивания принимаем счетные глухие швы: роспись, счетную гладь, стебельчатый шов и набор. Эти швы хорошо сочетаются между собой, просты в исполнении и о них рассказано в соответствующей литературе по вышивке.

Цветовая бело-красная гамма подножника характерна для традиционной русской вышивки. Край изделия предполагается обвязать и дополнить кружковым кружевом белого цвета. Ширина кружев, величина элементов узора должны соответствовать размеру подножника, вышитого узора и толщине ткани. Все это учтено при подборе кружев.

Изготовление подножника

В качестве материала выбрано отбеленное льняное полотно с хорошо видимой структурой переплетения групп нитей. В результате чего на поверхности ткани образованы клетки размером 0,2x0,2 см. Это удобная ткань для вышивания счетными швами. Она хорошо смотрится, нарядна.

Для вышивания использовано хлопчатобумажное мулине сочного красного цвета, для кружев – мерсеризованные нити для вязания № 60. Толщина рабочей нити принята в 4 сложения, длина стежков швов росписи и счетной глади 4 мм. Размер подножника в крое 86x44 см. Подгибка на обвязку составляет 0,5 см.

Последовательность изготовления подножника: его выкраивание, вышивание узора, обвязывание края, глажение через влажную ткань с изнаночной стороны. Готовое изделие должно быть чистым, изнаночная сторона гладкой, аккуратной, без узелков.

А теперь дадим название ширинке свадебной (рис.3), оно должно отвечать назначению, быть поэтичным и иметь определенный смысл или пожелание. Наиболее подходящим с учетом свадебного назначения, выбранного узора, его расположения, принятой цветовой гаммы является, на наш взгляд, название «Совет да любовь».

Проектирование комплекса изделий

Ансамблевое решение группы вещей имеет широкое распространение. Это может быть комплект постельного белья; набор кухонный: передник, полотенце, прихватки, грелка для чайника; комплект одежды: сарафан и пелерина, ночная рубашка и пеньюар и т.д.

Создание комплекта даже несложных вещей ставит перед проектировщиком (вышивальщицей) ряд специфических задач, связанных с учетом функциональных связей изделий между собой и зрительным единством формы и декора входящих в комплект изделий. Это может быть достигнуто за счет:

- Единого способа формообразования изделий;
- Масштабного их решения;
- Общности материала;
- Технологии их изготовления;
- Единого способа декорирования (единство в общих чертах технологии и орнаментации).

В большинстве случаев, как известно, ансамблевость возникает на основе подобия предметов. В некоторых проектных ситуациях единство может быть достигнуто за счет выделения главного элемента, объединяющего вокруг себя мелкие подобные между собой элементы и контрастного по отношению к ним своей формой и величиной. Этот принцип встречается при проектировании традиционных столовых комплектов, например, скатерть и салфетки, полотенце и прихватки и т.п.

Одна из труднейших задач создания ансамбля – правильное масштабное решение малых и больших предметов при сохранении единства их форм. Здесь тре-

буется умение моделировать вещи в зависимости от их реальной величины при сохранении присущего всему ансамблю композиционного строя.

В тех случаях, когда комплект должен быть портативным, к нему проектируется емкость, например, сумка и т.д. Предметы должны соответствовать габаритам емкости, легко укладываться и выниматься, а система – информативной и надежной. Набор показывается уложенным в соответствующие гнезда, отделения, карманы.

Когда комплект должен занимать определенное место в интерьере, например, в кухне, то на проекте показывается система полок, крючков для того, чтобы увязать спроектированные предметы с местом их обычного расположения (хранения).

В заключение следует отметить, что при проектировании изделий с вышивкой следует руководствоваться принципами: практичностью, технологичностью и красотой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волкотруб И.Г. Основы художественного конструирования.- Киев: Ваша школа, 1988.- 190 с.
2. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник.- М.: Наука, 1978.- 206 с.
3. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства: Альбом. /Сост. Г.И
4. П.Дурасов, Г.А.Яковлева.- М.: Советская Россия, 1990. – 316 с.

*Л.Ю. Читнаева,
научный сотрудник ОЦНТид*

КРУЖЕВОПЛЕТЕНИЕ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

(Зарождение и развитие ремесла.)

Кто хоть однажды видел кружево, наверняка не остался к нему равнодушным. Сколько поэтических определений и сравнений придумали для него люди. Воздушное, невесомое как тень или облако, или кипенно-белое как зимние снега, ажурное, как морозные узоры на стекле, или иней на ветвях берез, пышное, как цветущий сад. Кружева любят и ценят, но редко кто может представить себе, сколько труда, терпения и любви вкладывает мастерица в каждое изделие. В кружеве, как в любом деле, отражается настроение, характер человека, его мысли. Плести кружева на коклюшках - занятие сложное, но при желании освоить это может каждый и в любом возрасте. Важно только на первом этапе запастись терпением и внимательно изучить последовательность процесса...

Все чаще в последние годы в Иркутске можно встретить настоящие кружева, выполненные местными мастерами. А ведь этот вид рукоделия появился в Сибири совсем недавно. Если и знакомы модницы с кружевными изделиями: воротничками, пелеринами, косынками, то раньше они обычно выполнялись мастерами художественных центров России – Вологды, Ельца, Вятки. И лишь на протяжении последних десяти лет это рукоделие успешно приживается на бескрайних сибирских просторах.

Если заглянуть в историю, кружевоплетение - один из уникальнейших русских народных художественных промыслов, пользующийся всемирной известностью, и сегодня, как ни печально, сталкивающийся с большими трудностями. Термин «кружево» не сразу получил свое современное значение. Как отмечают исследователи, первое упоминание о нем встречается в Ипатьевской летописи 1252 г. Но сначала в древнерусском быту словом «кружево», а точнее, «кружѣво», назывались разные отделки по краю одежды или изделия. Со временем слово «кружево» закрепилось за ажурными изделиями из ниток, выполненными в технике плетения и не имеющими тканевой основы.

Появилось плетеное кружево на рубеже XV-XVI вв. в Италии. Искусство кружевоплетения на коклюшках более молодое, ведь зародиться оно могло лишь после появления металлических булавок, без которых эта техника плетения невозможна. Булавки же появились в XVI в. Тогда же, как полагают, и возникло кружевоплетение на коклюшках. Подтверждением этого предположения служат дошедшие с тех пор до нас плетеные кружева и сколки на пергаменте. В России плетение кружев пришло из Западной Европы в XVII в. В народную среду кружево пришло в XVIII в., а в XIX в. стало активно применяться в бытовом костюме.

В царских мастерских изготавливали кружева в виде прошивок из золотых и серебряных нитей с узором. Эффектно блестящее, дорогое тонкое кружево было признаком богатства и роскоши, оно красиво сочеталось с золотым шитьем. Потом плетение кружева перешло в монастыри и помещичьи усадьбы. Стали применять лен и цветной шелк. Наряду с золотисто-серебряным широкое развитие получает нитяное кружево. Появились кружева из смешанных ниток, отличающиеся большим изяществом и изысканностью цветовой гаммы. Наряду с растительными, в них появляются сюжетные мотивы, характерные для русского народного искусства, например, птица-пава, древо жизни, на фоне незамысловатых сеток. Благодаря самобытному мастерству русских кружевниц, оно стало национальным художественным явлением и вошло в историю культуры как вид прикладного искусства.

В начале 90-х годов кружева, выполненные на коклюшках, появились на выставках декоративно-прикладного народного творчества, проводимых Областным центром народного творчества и досуга. Это событие было сразу замечено искусствоведами. В настоящее время можно говорить о факте распространения этого вида рукоделия в Иркутской области.

В 1983 г. жительница г. Ангарска Татьяна Панова, с детства занимающаяся вязанием, макраме и кружевоплетением при Дворце пионеров у Нины Ивановны Зайцевой, закончила профессиональную подготовку по специальности «Кружевоплетение» в СПТУ № 15 в г. Вологда, и вернулась в родной край.

Поселилась она в п. Мишелевка Усольского района и именно там с 1989 г. начала обучать своему мастерству первых учеников. Её воспитанниками стали учащиеся детской школы искусств, где и по сей день преподается вологодское кружевоплетение. За три года обучения в классе кружевоплетения учащиеся осваивают технику выполнения сцепного кружева, копирование готовых образцов, составление композиций. Результатом является изготовление выпускной работы по собственным эскизам. Большинство учениц осваивают кружевоплетение «для себя», с огромным интересом посещают школу и еще долгое время после завершения курса обучения обращаются к мастерице за советами и консультациями или просто за добрым словом.

В г. Иркутск в начале 90-х годов приехала свердловчанка Клавдия Петровна Федорова, мастерица кружевоплетения на коклюшках. Впервые ее работы экспонировались на городской выставке в 1989 г., после чего Клавдия Петровна получила предложение Г.Я. Березиной обучать своему рукоделию жительниц Иркутска в мастерклассах организующейся тогда ассоциации мастеров «Оникс». Так, с октября 1990 г. началось обучение кружевоплетению первых двенадцати «учениц». Сейчас на счету Клавдии Петровны более ста пятидесяти выпускниц двухгодичного обучения в мастерской «Русское кружево». Некоторые из ее выпускниц уже начали самостоятельное преподавание кружевоплетения в различных районах и населенных пунктах Иркутской области. Клавдия Петровна и ее ученицы в основном делают копии работ, опубликованных в различных журналах, книгах и пр. Хотя есть у нее свои последователи, например Алефтина Дмитриевна Середкина, которая занимается созданием собственных эскизов.

Рождение образов и композиций в кружевоплетении – процесс сложный и кропотливый. Ведь здесь требуется не только талант художника, его фантазия, но и чертежные навыки конструктора. Создавая будущие изделия, мастерицы черпают вдохновение в окружающем мире. Впрочем, так поступает большинство художников. Например, Татьяна Степановна Панова в восторге от сибирской зимы, с ее морозными завитками на стекле, неповторимостью узоров снежинок. В своих эскизах она отображает именно такие причуды природы; может быть, поэтому очень часто любит использовать в кружевоплетении серебряные нити, напоминающие сверкание и блеск ледяного мира. Изделия Татьяны Пановой отличаются определенной строгостью форм, складывается ощущение, что они жесткие, даже упругие. Но это лишь первые впечатления. На самом деле они привлекают к себе внимание чистотой исполнения и той неповторимостью рисунка, которая возможна при особой зоркости и внимании к окружающим явлениям.

Алефтина Дмитриевна Середкина, наоборот, больше любит лето. Пестрота, яркость летней сибирской тайги, многообразие цветочного пространства, - все это находит свое отражение в эскизах. Ромашки, колокольчики, саранки являются главными действующими элементами ее изделий. А еще мастерица видит прекрасным источником вдохновения старинные улицы города, в котором живет. Домовая резьба Иркутска создает собственные образы, и рождает новые узнаваемые орнаменты и композиции ее изделий.

Мастерицы кружевоплетения чтут, хранят и продолжают дальше развивать присущие этому старинному русскому промыслу традиции создавать новые узоры. Большая декоративность и выразительность орнаментов, изящество линий придают прелесть русскому кружеву. Не случайно его называют плетеным чудом, песней души и полетом фантазии. Неоднократно изделия из него завоевывали на международных выставках награды и дипломы, золотые медали и почетные грамоты.

Поклонников кружевоплетения в Иркутской области становится все больше, все чаще обращаются к нему и модельеры, находя применение в современной одежде, и выражают беспокойство за отечественную школу русских кружев. Уникальный промысел нужно спасать и развивать, потому что, потеряв, вернуть из забвения его будет уже невозможно. Ремесло это трудное, передается от поколения к поколению и без преемственности обречено на гибель. А ведь это часть отечественной культуры, и горько будет, если потомки смогут увидеть дивный узор только в музее.

Литература:

Перестаронина В.Д. Вятские кружева. Луганск. 1988 г.

Приходько Е.Н., Юрьева Н.Н. Плетение кружев на коклюшках. М., 1990.

База данных Дома фольклора и ремесел ОЦНТиД.

*Н.И. Ленкова,
научный сотрудник ОЦНТиД*

МОЛОДОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО. СОВРЕМЕННОСТЬ

**(изобразительное прикладное искусство
на областной конференции)**

В апреле-мае в нашей области прошла очередная, XVI Областная конференция «Молодость. Творчество. Современность». Эта молодежная акция, как и прежде, явила собой большое событие. Конференция по своей значимости, наверное, не имеющая аналогов в стране, начала свою историю еще в 60-е годы прошлого столетия. Тогда молодые, никому не известные, актеры, художники, писатели, поэты начинали свой творческий путь и на конференции становились ее первыми лауреатами. Валерий Алексеев – актер Иркутского драматического театра, ныне Народный артист России Омского драматического театра; Александр Муравьев – известный иркутский художник, член Союза художников России, долго возглавлявший его Иркутскую организацию. Можно без преувеличения сказать, что произведения Муравьева украшали лучшие выставочные залы мира и вошли в коллекции известных собирателей живописи; Валерий Кирюнин – тогда молодой актер театра кукол, сегодня известен в области как замечательный специалист любительской театральной и режиссерской деятельности. Много других имен, получивших признание в области литературы и

искусства в нашей стране, начинали свои творческие биографии именно на областных конференциях.

Северный город Приангарья Усть-Илимск, открывший нынешнюю конференцию, встретил своих гостей чудесной погодой и прозрачным чистым воздухом. После торжественного открытия в зрительном зале ДК им. Наймушина участники конференции разошлись по секциям. Члены жюри (деятели культуры, члены творческих союзов России, дипломанты различных профессиональных конкурсов, лауреаты престижных премий) со всей ответственностью и терпением начали просмотр работ молодых людей, занимающихся творчеством профессионально и на любительском уровне. Количество претендентов на признание превышало все физические возможности членов жюри. Работа затягивалась до поздней ночи. Секция хореографии, в которой представлялись в основном самодеятельные коллективы; музыкальная секция, самая солидная по количеству участников и по высокому уровню подготовки музыкантов; секции поэтов и писателей; театральная (профессиональных и любительских театров), изобразительное искусство – профессиональные художники и декоративно-прикладное искусство с подсекцией народного творчества – таково содержание этого молодежного форума.

Блестящая выставка усть-илимской профессиональной графики. Можно сказать, это настоящая школа в изобразительном искусстве, которую нельзя спутать ни с какой другой. Выпускники художественно-графического факультета Усть-Илимского филиала Иркутского Государственного педуниверситета и Иркутского художественного училища показали работы высокого уровня, которые спокойно могли бы экспонироваться на самых престижных выставках любого статуса. Лучшие из них были рекомендованы на заключительный этап конференции в Иркутске.

Экспозиция работ самодеятельных авторов была далеко неравноценна. Seriously можно пока говорить лишь о некоторых из них. И только в оценке работ учащихся школы искусств № 2 отделения декоративно-прикладного искусства (известной как школы ремесел, основателем которой был замечательный мастер берестяных дел Александр Зоткин), мнение членов жюри было единым. Дипломантами конференции стали резчик по дереву Евгений Михеенков, Валентин Кондратов – объемная пластика, Наталья Блинова – береста. Возможно, эти молодые художники будут продолжать свое профессиональное образование именно в этом направлении. Конференция стала для них хорошим стартом. Культура экспозиции, добротные работы, хороший творческий уровень – все это заметно отличало работы усть-илимцев. К сожалению, много интересных авторов просто по тем или иным причинам не смогли добраться до Усть-Илимска. Хотя есть значительная часть одаренной молодежи, которая имеет и большой творческий потенциал, и желание быть замеченной. Но эти люди остались вне конкурса.

И все-таки задачи, которые поставили организаторы конференции – Областной комитет по культуре, Областной комитет по молодежной политике – были выполнены. Творческая молодежь получила хороший заряд на дальнейшую рабо-

ту, участники различных секций имели возможность пообщаться между собой, оценить собственные силы и услышать достойную оценку своей творческой деятельности со стороны профессиональных специалистов.

Следующий этап конференции состоялся в г.Усолье-Сибирское, где также творческая молодежь была окружена вниманием членов жюри и организаторов.

Здесь секция профессионального изобразительного искусства оказалась намного слабее, чем в Усть-Илимске. Члены жюри никак не могли объяснить для себя этот факт. Ангарск, Шелехов, Усолье-Сибирское, казалось бы, города, где немало интересных художников-профессионалов, выступающих на выставках родных городов и в Иркутске. Однако, на конференции их работы не были представлены.

Зато более объемной и содержательной выглядела выставка народного творчества, которая показала такие виды искусства, как вязание, нетканый гобелен, плетение из сибирской лозы, береста, керамика, батик. Но самыми лучшими работами оказались кружевоплетения на коклюшках. Их авторы – группа молодых художников школы пос.Мишелевка Усольского района. Руководит этой группой Татьяна Панова, неоднократная участница самых разных выставок.

Забегая вперед, скажем, что авторы из Мишелевки получили Диплом лауреата и денежную премию на заключительном этапе конференции в Иркутске. Лучшими из лучших жюри признало коллекцию русских костюмов молодежной группы профессионального колледжа из Иркутска. Руководит ею кандидат исторических наук, известный знаток старинной русской одежды Галина Ивановна Охрименко. Диплом II степени получил Александр Цыбенков из пос. Усть-Орда. Его виртуозная резьба по дереву, бурятские мотивы вселяют надежду и уверенность в то, что бурятское народное искусство, как и русское, сибирское, находится сегодня в состоянии подъема.

Участники конференции, представители творческой молодежи области не утратили интереса к материальной культуре прошлого, они будут развивать ее и вносить свой вклад.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЛАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОТДЕЛОВ КУЛЬТУРЫ	3
<i>В.И. Кутищева, Председатель Комитета по культуре администрации Иркутской области</i>	5
ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ -НАША РЕАЛЬНОСТЬ	5
<i>Г.В. Медведева, кандидат филологических наук, зам. директора ОЦНТиД по научно- исследовательской работе</i>	9
О ПРОГРАММЕ «СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ»	9
<i>В.В. Черноусова, заведующая отделом культуры администрации г.Братска</i>	13
О НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	13
<i>Е.А. Черепанова зав. отделом культуры администрации Усть-Илимского района</i>	17
О ЧЕМ БОЛИТ ДУША	17
ОПЫТ. МЕТОДИКА. ШКОЛА	19
<i>Т. Колесникова, редактор ОЦНТиД</i>	19
У ВОЗРОЖДЕНИЯ ДУХОВНАЯ СУТЬ	19
<i>М.Р.Базилишина, кандидат филологических наук, научный сотрудник ОЦНТиД</i>	22
ФОРМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ДЕТСКОГО ИГРОВОГО ФОЛЬКЛОРА В ШКОЛЕ	22
<i>Т. Колесникова, редактор ОЦНТиД</i>	42
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ: ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИЙ К ИХ РАЗВИТИЮ	42
<i>А. Назаркин, директор фольклорного клуба, г. Иркутск</i>	50
АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОПЕДАГОГИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	50
КОНЦЕПЦИЯ	53
<i>Сосновская И.В. кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ИГПУ, г.Иркутск</i>	57
ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В ШКОЛЕ	57
ФЕСТИВАЛИ. КОНКУРСЫ	67
<i>Т. Колесникова, редактор ОЦНТиД</i>	67
ПРАЗДНИК ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ – РАБОТА ОРГАНИЗАТОРОВ ,.....	67
<i>С.С. Соха, зам. директора ОЦНТ по народному творчеству</i>	72
«ЗОЛОТОЙ МИКРОФОН»	72
<i>В.Кирюнин, специалист по любительским театрам ОЦНТиД, Т.Колесникова, редактор ОЦНТиД</i>	74
«ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ» В МИШЕЛЕВКЕ	74
<i>Т. Балаева, журналист</i>	76
«О, МОЯ ДОРОГАЯ, МОЯ НЕСРАВНЕННАЯ ЛЕДИ!»	76
МИФЫ. ОБРЯДЫ. ПРАЗДНИКИ	79
<i>М. Р. Базилишина,</i>	79
ОБРАЗ ПРАЗДНИКА ПАСХИ	79
<i>М.Р.Базилишина, кандидат филологических наук, научный сотрудник ОЦНТиД</i>	95
ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ: СЕМИК, ТРОИЦА, ДУХОВ ДЕНЬ	95
<i>А.Сурнина, научный сотрудник ОЦНТиД</i>	111
ТЕМА МАТЕРИНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСТНЫХ РАССКАЗАХ	111
<i>А. Харитонова, художественный руководитель фольклорного ансамбля «Красная горка» ОЦНТиД</i>	117
НИЖНЕИЛИМСКАЯ СВАДЬБА	117
<i>Г.В. Медведева, кандидат филологических наук, зам. директора ОЦНТиД по научно- исследовательской работе</i>	119
РУССКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ О МЕДВЕДЕ	119
<i>Г.В.Медведева, кандидат филологических наук, зам. директора по науке ОЦНТиД</i>	129
МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ЗНАХАРЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	130
ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА	139
<i>Л.С.Дмитриева, А.Г.Шахнович, творческая мастерская «Берестень»</i>	139
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫШИВКА	139
<i>Л.Ю. Читнаева, научный сотрудник ОЦНТиД</i>	144
КРУЖЕВОПЛЕТЕНИЕ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ	144
<i>Н.И. Ленкова, научный сотрудник ОЦНТиД</i>	147
МОЛОДОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО. СОВРЕМЕННОСТЬ	147